

INSPIRIA

Люсинда
Райли

Семь Сестер

Потерянная
сестра

INSPIRIA

Семь сестер. Мировые хиты Люсинды Райли

Люсинда Райли

Семь сестер. Потерянная сестра

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Райли Л.

Семь сестер. Потерянная сестра / Л. Райли — «Эксмо»,
2021 — (Семь сестер. Мировые хиты Люсинды Райли)

ISBN 978-5-04-186685-3

Седьмая книга знаменитого цикла «Семь сестер». Это история последней, "потерянной", сестры Деппеси. Загадка, которая так долго оставалась без ответа! Благодаря завещанию приемного отца Па Солта каждая из шести сестер Деппеси смогла отправиться в уникальное путешествие на земли предков и узнать тайну своего рождения. Но один вопрос по-прежнему остается без ответа. Кем является их потерянная седьмая сестра, которую так и не удочерил Па Солт? Где ее искать? У сестер Деппеси есть лишь одна подсказка – кольцо с семью изумрудами. Из Новой Зеландии в Канаду, Францию и Ирландию – храбрые женщины семьи Деппеси вновь отправляются в путь. Перед ними откроется удивительная история любви и самопожертвования, начало которой было положено почти век назад. Добро пожаловать в красочный подзвездный мир сестер Деппеси.

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-186685-3

© Райли Л., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

Мэри-Кэт	7
Мерри	64
Нуала	72
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Люсинда Райли

Семь сестер. Потерянная сестра

Для Гарри

*Мужество – это знание того, чего не стоит бояться.
Приписывается Платону*

Lucinda Riley
THE MISSING SISTER
Copyright © Lucinda Riley, 2021

* * *

Перевод с английского *Кирилла Савельева*

© Савельев К., перевод на русский язык, 2023
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Действующие лица романа:

Атлантис

Па Солт – приемный отец сестер (умер)

Марина (Ма) – гувернантка сестер

Клавдия – экономка в Атлантисе

Георг Гофман – нотариус Па Солта

Кристиан – шкипер

Сестры Делеси

Майя

Алли (Альциона)

Стар (Астеропа)

Сиси (Келено)

Тигги (Тайгета)

Электра

Меропа (отсутствует)

Мэри-Кэт

Гиббстон-Вэлли, Новая Зеландия Июнь 2008

1

Я точно помню, где была и что делала, когда увидела смерть отца. Я стояла почти там же, где и сейчас, перегнувшись через перила деревянной веранды вокруг нашего дома и наблюдая за сборщиками винограда, которые продвигались между аккуратными рядами виноградной лозы, обремененной гроздьями нынешнего урожая. Я уже собиралась спуститься с крыльца и присоединиться к ним, когда краешком глаза заметила, что человек-гора, мой отец, внезапно исчез из виду. Сначала я подумала, что он опустился на колени, чтобы поднять упавшую гроздь, – он приписывал свое отвращение к любому расточительству пресвитерианскому¹ образу мыслей своих родителей, – но потом увидела, как сборщики из соседних рядов устремились к нему. От веранды до того места было не менее трехсот метров, и, когда я добежала до него, кто-то уже разорвал рубашку на его груди и пытался делать не прямой массаж сердца с искусственным дыханием, а другой звонил по номеру 111. «Скорая помощь» приехала через двадцать минут.

Когда отца положили на носилки, по восковым чертам его застывшего лица я поняла, что больше никогда не услышу звучный голос, исполненный глубокого достоинства, который в следующее мгновение мог обернуться добродушным смешком. По моим щекам струились слезы, я поцеловала отца в обветренную жесткую щеку, прошептала слова любви и простилась с ним. Весь этот ужас казался нереальным – такой стремительный переход от полнокровной жизни к безжизненному телу было невозможно осознать и принять.

После нескольких месяцев болей в груди, которые он выдавал за последствия несварения желудка, отца наконец удалось убедить в необходимости посетить врача. Ему сказали про высокий уровень холестерина и необходимость соблюдения жесткой диеты. Мы с матерью приходили в отчаяние, а он продолжал поглощать еду в прежних количествах и каждый вечер выпивал за ужином бутылку красного вина собственного изготовления. И все равно мы не были готовы к тому, что произошло. Наверное, мы считали его несокрушимым, принимая во внимание его жизнерадостность и дружелюбие, но, по мрачному замечанию матери, каждый из нас состоит из плоти и костей. По крайней мере, он до самого конца жил так, как хотел. Кроме того, ему было семьдесят три года, хотя я просто не могла осознать этот факт, глядя на его физическую силу и юношеский задор.

В итоге я чувствовала себя обманутой. В конце концов, мне было лишь двадцать два года, и, хотя я знала, что была поздним ребенком, смысл этого обстоятельства дошел до меня только после смерти отца. В течение нескольких месяцев после его утраты я гневалась на несправедливость: ну *почему* я не родилась раньше? Мой старший брат Джек, которому было тридцать два, на целых десять лет дольше общался с отцом.

Мама явственно ощущала мою обиду, хотя я никогда не вызывала ее на откровенный разговор. А потом я почувствовала себя виноватой, потому что мама, в конце концов, ни в чем не была виновата. Я очень любила ее; мы всегда были близки, и я знала, что она тоже горюет. Мы старались утешать друг друга, и каким-то образом нам это удавалось.

¹ Пресвитерианство – одно из направлений в протестантизме.

Джек тоже проявил себя наилучшим образом, разбираясь со всеми скучнейшими бюрократическими последствиями смерти отца. Он также должен был возглавить винодельню – совместный бизнес наших родителей, – но отец хотя бы подготовил его к этой задаче.

С тех пор как Джек научился ходить, отец посвящал его в ежегодный цикл ухода за своими бесценными виноградными лозами, которые с февраля до апреля (в зависимости от погоды) приносили урожай, собираемый, перерабатываемый и в итоге превращавшийся в прекрасное вино «Пино Нуар», недавно удостоенное международных премий. Бутылки этого вина сейчас лежали на складе, готовые к распространению по всей Новой Зеландии и Австралии. Отец посвящал Джека в каждый этап этого процесса, а когда Джеку исполнилось двенадцать лет, он уже мог бы стать управляющим производственного процесса.

В шестнадцать лет Джек официально заявил о своем желании стать партнером отца и однажды возглавить винодельню, что безмерно порадовало моего родителя. Джек поступил в школу бизнеса при университете, а потом стал постоянно работать в винограднике.

– Нет ничего лучше, чем передать дела компетентному наследнику! – провозгласил отец несколько лет назад, после того как Джек прошел полугодовую стажировку в холмах Аделаиды в Австралии и его сочли готовым для ведения бизнеса. – Может быть, однажды ты тоже соединишься к нам, Мэри-Кэт. Пью за то, чтобы виноделы из Макдугалов столетиями жили на этой земле!

Если Джек увлекся отцовской мечтой, со мной произошло нечто противоположное. Джек был одержим возможностью изготовления прекрасного вина; помимо отменного вкуса и способности моментально различать необычные лозы, он был превосходным бизнесменом. С другой стороны, я с раннего детства до юности наблюдала, как они с отцом патрулируют виноградники и работают в помещении, которое они любовно называли лабораторией (хотя на самом деле это был просто большой сарай с жестяной крышей), но меня привлекали другие вещи. Я рассматривала отцовскую винодельню как отдельную сущность, не имевшую отношения ко мне и к моему будущему. Это не мешало мне работать в нашем маленьком винном магазине во время школьных и университетских каникул, но вино просто не было моей страстью. Хотя папа расстроился, когда я сказала, что хочу изучать музыку, ему хватило здравомыслия, чтобы понять меня.

– Вот и хорошо, – сказал он и обнял меня. – Музыка – это целый мир, Мэри-Кэт. Какую ее часть ты рассматриваешь для будущей карьеры?

Я застенчиво призналась, что хочу быть певицей и писать собственные песни.

– Ну, это чудесная мечта. Пожелаю удачи и скажу, что мы с мамой будем всячески поддерживать тебя, да?

– Думаю, это замечательно, Мэри-Кэт, – сказала мама. – Музыкальное самовыражение, особенно пение, – это волшебство.

Так я стала изучать музыку в Университете Веллингтона, предлагавшем уровень мирового класса, и ни разу не пожалела об этом. Было потрясающе иметь студию звукозаписи, оборудованную по последнему слову техники, и находиться рядом с другими студентами, разделявшими мое рвение. Я организовала дуэт со своим замечательным другом Флетчем, который играл на ритм-гитаре и имел певческий голос, хорошо гармонизировавший с моим. Мы время от времени играли и пели в Веллингтоне, а в прошлом году выступили на выпускном концерте, где мои родные впервые смогли услышать, как я пою и играю.

– Я так горжусь тобой, доченька, – сказал отец и заключил меня в объятия. Это был один из лучших моментов в моей жизни.

– Ну вот, теперь я дипломированный музыкант и все равно живу посреди виноградников.

– Скажи, Мэри-Кэт, ты правда думала, что звукозаписывающая компания «Сони» будет умолять тебя о контракте?

Окончив в прошлом году университет, я постепенно впадала в уныние насчет перспектив моей будущей карьеры, а смерть отца стала тяжким ударом по моим творческим планам. Казалось, я одновременно потеряла две большие любви, поскольку одна была нерасторжимо связана с другой. Отцовская любовь к певицам, которые сами писали музыку и стихи для своих песен, впервые зародила во мне страсть к музыке. Я выросла, слушая Джони Митчелл, Джоан Баэз и Аланис Морисетт².

Последние месяцы в Веллингтоне заставили меня осознать, насколько счастливым и защищенным было мое детство, проведенное в Эдемском саду Гиббстон-Вэлли. Горы, которые поднимались вокруг, создавали уютный барьер, а плодородная земля в изобилии дарила сочные фрукты.

Помню, как Джек мальчишкой соблазнил меня полакомиться диким крыжовником, растущим в колючих кустах за домом, и как он смеялся, когда я плевалась этой кислятиной. Тогда я бродила где хотела, без присмотра родителей; они знали, что мне ничего не угрожает в этой цветущей долине. Я играла в прохладных чистых ручьях и гонялась за кроликами в густой траве. Пока мои родители работали в винограднике и занимались всем – от посадки лозы и защиты от сорняков до сбора и отжима винограда, – я жила в своем собственном мире.

Проплывающее облако вдруг затмило яркое утреннее солнце, и долина окрасилась в более темный, серовато-зеленый оттенок. Это было напоминание о скорой зиме, и я уже не впервые задумалась, правильным ли было мое решение переждать ее здесь. Два месяца назад мама впервые упомянула о своей идее «Гран-тура» по всему свету, чтобы посетить друзей, с которыми она не встречалась много лет. Она спросила, хочу ли я присоединиться к ней. В то время я еще надеялась, что деморолик, который я записала с Флетчем и разослала в звукозаписывающие компании незадолго до смерти отца, привлечет определенный интерес. Но полученные ответы с любезными замечаниями, что наша музыка «не совсем то, что представляет интерес в данный момент», продолжали копиться на полке в моей спальне.

– Дорогая, мне не нужно тебе рассказывать, как трудно найти лазейку в музыкальный бизнес и остаться там, – сказала мама.

– Поэтому я думаю, что должна остаться, – ответила я. – Мы с Флетчем работаем над новыми вещами. Я просто не могу сбежать с корабля.

– Конечно не можешь. Но у тебя хотя бы есть винодельня, если все обернется не так хорошо, как ты думаешь.

Я понимала, что она желала мне только добра и что я должна быть благодарна за деньги от продаж в винном магазине и за свою работу в бухгалтерии. Но теперь, когда я смотрела на наш Эдемский сад, то тяжело вздыхала, поскольку мысль остаться здесь до конца моей жизни, пусть даже самой безопасной и безмятежной, совсем не привлекала меня. Все изменилось с тех пор, как я поступила в университет, и особенно после папиной смерти. Мне казалось, что сердце этого места перестало биться вместе с его уходом. Не помогала и мысль о том, что Джек – который еще до смерти отца согласился провести лето на винограднике в долине Роны во Франции, – в итоге решил присоединиться к маме в ее поезде.

– Теперь будущее нашего дела находится в руках Джека, и ему нужно как можно больше учиться, – сказала мама. – Дуг будет управлять виноградарством, а кроме того, сейчас наступает тихий сезон, и это лучшее время для нашего отъезда вместе с Джеком.

Поскольку мама с Джеком вчера отправились в свой «Гран-тур», я чувствовала себя крайне одинокой и опасалась депрессии. «Мне тебя не хватает, папа», – прошептала я, когда вошла в дом, чтобы перекусить, хотя и не хотела есть. Безмолвная пустота внутри была особенно тягостной. Во времена моего детства у нас дома всегда было полно народу: если не

² Джони Митчелл (р. 1943) – канадская певица и автор рок-композиций; Джоан Баэз (р. 1941) – американская певица и автор песен в стиле фолк и кантри; Аланис Морисетт (р. 1974) – канадская певица, композитор и продюсер (*прим. пер.*).

поставщики или сборщики винограда, то посетители винодельни, с которыми отец заводил душевные беседы. Помимо дегустации вин, он часто приглашал гостей остаться на обед. Дружелюбие и гостеприимство было в крови у новозеландцев, и я привыкла сидеть рядом с совершенно незнакомыми людьми за нашим большим сосновым столом у окна с видом на долину. Я не представляла, каким образом маме удавалось в любую минуту обеспечивать массу вкусной и сытной еды, но она как-то справлялась с этим, и, пока отец развлекал гостей, за столом не умолкали веселье и смех.

Мне не хватало Джека и той спокойной, позитивной энергии, которая постоянно исходила от него. Ему нравилось поддразнивать меня, но я понимала, что он всегда был моим арбитром и защитником.

Я взяла из холодильника пакет апельсинового сока и налила остатки в стакан, потом постаралась разобраться с батоном вчерашнего хлеба. Для большей съедобности я приготовила хлебные тосты, а потом начала составлять короткий список срочно необходимых закупок. Ближайший супермаркет находился в Эрроутауне, и мне предстояло отправиться туда. Хотя мама оставила в холодильнике много кастрюлек, не стоило размораживать большие пластиковые контейнеры только для себя.

Я зябко передернула плечами, отнесла список в гостиную и опустилась на старый диван перед выступом огромного камина, сложенного из серого вулканического камня, который в изобилии встречался в нашей долине. Это была одна из вещей, убедивших моих родителей, что им нужно приобрести некогда однокомнатную избушку в самой глуши. Там не было проточной воды и вообще никаких удобств. Родители любили вспоминать, как в то первое лето они с двухлетним Джеком купались в ручье между валунами за хижинкой и ходили в сортир, выкопанный неподалеку. «Это было самое счастливое лето в моей жизни, – говорила мама. – А зимой стало еще лучше из-за этого камина».

Мама всегда тянулась к настоящему огню, и, как только в долине начинались первые заморозки, мы с Джеком и папой отправлялись за дровами, хорошо просушенными за месяцы после рубки. Мы складывали поленья в нишах по обе стороны от камина, а потом мама клала растопку на каминную решетку и совершала ритуал «возжигания первого огня» от чиркнувшей спички. Начиная с того момента языки огня весело плясали в камине до тех пор, пока колокольчики и подснежники (луковицы которых мама заказывала с доставкой из Европы) не распускались под деревьями где-то между сентябрем и ноябрем – весенними месяцами в наших широтах.

«Наверное, стоит развести огонь», – подумала я, вспоминая гостеприимное сияние, приветствовавшее меня в морозные дни, когда можно было не ходить в школу. Если папа был сердцем винодельни, то мама и ее камин были сердцем нашего дома.

Я одернула себя; вообще-то я еще слишком молода, чтобы искать утешение в детских воспоминаниях. Просто я нуждаюсь в обществе. Но дело в том, что большинство моих университетских друзей либо находились за границей, радуясь последним свободным дням перед поисками работы, либо уже работали.

Хотя у нас имелась кабельная сеть, интернет работал медленно и с перебоями. Отправка электронных писем превращалась в кошмар, и отцу часто приходилось совершать полчасовую поездку в Квинстаун и пользоваться компьютером своего друга-туроператора, чтобы разобраться с почтой. Он называл нашу долину «Бригадун» в честь старого кинофильма о шотландской деревне, которая просыпается лишь на один день каждые сто лет и не меняется вместе с окружающим миром. Долина и впрямь оставалась более или менее неизменной, поэтому была не лучшим местом для карьеры начинающей певицы. Мои мечты были наполнены высотками Манхэттена, Лондона или Сиднея, где продюсеры звукозаписывающих компаний могли сделать нас с Флетчем настоящими звездами...

Звонок стационарного телефона ворвался в мои мысли, и я встала, чтобы взять трубку еще до второго звонка.

– Винодельня Макдугалов, – машинально сказала я, как привыкла с раннего детства.

– Привет, Эм-Кей, это Флетч. – Этим моим прозвищем пользовались все, кроме мамы.

– О, привет. – Мое сердце забилося быстрее. – Есть новости?

– Пока никаких. Но я подумал, что могу воспользоваться твоим предложением и ненадолго остановиться у вас. У меня есть пара дней, свободных от работы в кафе, и мне нужно выбраться из города.

«А мне нужно очутиться в городе...»

– Отлично, приезжай, когда хочешь! Я дома.

– Как насчет завтра? Я буду за рулем, так что поездка займет большую часть утра, разумеется, если выдержит «Сисси».

«Сисси» был автофургоном, в котором мы с Флетчем ездили на выступления. После двадцатилетней службы он проржавел везде, где только можно, и дымил выхлопной трубой, которую Флетч временно закрепил проволокой. Оставалось лишь надеяться, что «Сисси» переживет трехчасовую поездку из Дандина, где жил Флетч со своей семьей.

– Значит, встретимся к обеду? – спросила я.

– Да. Мне уже не терпится; ты знаешь, как я люблю ваши места. Возможно, мы посидим за фортепиано и придумаем что-нибудь новенькое.

– Наверное, – ответила я, не ощущая особых позывов к творчеству. – Пока, Флетч, увидимся завтра.

Я повесила трубку и вернулась на диван, чувствуя себя лучше от предстоящего визита Флетча: ему всегда удавалось подбадривать меня своими шутками и позитивным настроением.

Снаружи донесся крик, а потом звук свистка, которым Дуг – управляющий нашего виноградника – оповещал о своем прибытии на место. Я встала, вышла на веранду и увидела Дуга вместе с группой дородных островитян, бредущих между опустевшими виноградными лозами.

– Эй! – окликнула я. – Привет!

– Привет, Эм-Кей! – отозвался Дуг. – Я показываю ребятам, где можно начинать корчевку.

– Отлично. Добрый день, ребята! – крикнула я его подчиненным, и они помахали в ответ.

Их присутствие нарушило гнетущую тишину. И, словно солнце, выглянувшее из-за облака, вид других людей и мысль о завтрашнем дне подняли мое настроение.

2

Атлантис Женевское озеро, Швейцария Июнь 2008

– У тебя бледный вид, Майя. Ты нормально себя чувствуешь? – спросила Ма, когда вошла в кухню.

– Все в порядке, но я плохо спала ночью; все думала о сенсационной новости Георга.

– Да уж, это верно. Хочешь кофе?

– Хм, спасибо, не надо. Я бы выпила ромашкового чая, если он есть.

– Разумеется, есть, – заявила Клавдия. Ее седые волосы были собраны в обычный тугой узел, а на всегда строгом лице играла улыбка. Клавдия поставила на стол корзинку с домашними рогаликами и пирожками. – Я каждый вечер пью его перед сном.

– Привычки частенько нарушаются, – устало отозвалась Майя. – Кроме того, у меня сбились суточные ритмы после перелета.

– Ну конечно, *chérie*. Почему бы тебе не вернуться в постель после завтрака и не вздремнуть?

– Нет. Георг обещал вернуться, чтобы мы могли обсудить, что нам делать с... потерянной сестрой. Как думаешь, у него надежные источники?

– Понятия не имею, – вздохнула Ма.

– У него *очень* надежные источники, – вмешалась Клавдия. – Он бы не приехал посреди ночи, если бы не был уверен в своей информации.

– Всем доброе утро, – сказала Алли, которая присоединилась к остальным за столом. Маленький Бэр находился в переноске, притороченной к ее груди, и дремал, свесив голову набок. В одном из крошечных кулачков он сжимал прядь рыже-золотистых кудрей Алли.

– Хочешь, я возьму его и положу в кровать? – предложила Ма.

– Нет, потому что он проснется и заревет, как только поймет, что остался один, – сказала Алли. – Ох, Майя, какая-то ты бледная.

– Я только что это сказала, – пробормотала Ма.

– Правда, все в порядке, – повторила Майя. – Кстати, Кристиан где-то здесь? – обратилась она к Клавдии.

– Да, но он собирается переправиться в Женеву на катере и привезти мне кое-какие продукты.

– Можешь вызвать его и сказать, что я собираюсь присоединиться к нему? У меня есть дела в городе, и если мы поскорее уплывем туда, то успеем вернуться до полудня, когда у нас назначена встреча с Георгом.

– Само собой. – Клавдия взяла домашний переносной телефон, чтобы позвонить Кристиану.

Ма поставила перед Алли чашку кофе.

– Мне еще нужно заняться разными мелочами, так что приятного аппетита.

– Кристиан подготовит катер через пятнадцать минут, – сказала Клавдия и повесила трубку. – А теперь мне нужно помочь Марине. – Клавдия кивнула сестрам и вышла из кухни.

– Уверена, что у тебя все в порядке? – спросила Алли, оставшись наедине с Майей.

– Не волнуйся по пустякам, прошу тебя. Может, у меня расстроился желудок после перелета. – Майя отхлебнула чаю. – Боже мой, разве не странно? Я хочу сказать, здесь все продолжается точно так же, как при папе. Но его больше нет, и пустоту ничем не скроешь.

– Я уже некоторое время нахожусь здесь и вроде бы привыкла, но да, ты права.

– Кстати, о здоровье и нездоровье. Ты изрядно похудела, Алли.

– Конечно, я похудела после родов...

– Нет, не только из-за этого. В предыдущий раз мы виделись около года назад, когда ты осталась здесь, чтобы присоединиться к Тео в яхтенных гонках «Фастнет». Тогда ты даже не была беременна.

– Вообще-то была, но не знала об этом, – заметила Алли.

– Хочешь сказать, у тебя не было никаких симптомов? Ни утренней тошноты, ничего?

– Не сразу. Если я правильно помню, это началось примерно через восемь недель. Тогда я на самом деле ужасно себя чувствовала.

– В общем, ты определенно слишком худая. Возможно, из-за нерегулярного питания.

– Когда я одна, мне просто лень готовить полноценную трапезу. Кроме того, даже если я сажусь за еду, то обычно то и дело вскакиваю из-за стола, чтобы проверить, как дела у малыша. – Алли нежно погладила щечку Бэра.

– Должно быть, очень трудно растить ребенка в одиночку?

– Да, нелегко. Конечно, у меня есть брат Том, но поскольку он помощник дирижера в Бергенском филармоническом оркестре, то мы почти не встречаемся друг с другом, разве что по воскресеньям. Кроме того, он иногда уезжает с оркестром на зарубежные гастроли. Меня беспокоит не бессонница, постоянное кормление и смена пеленок; мне просто не с кем пого-

ворить, особенно если Бэр нездоров и я волнуюсь за него. Поэтому я так рада обществу Ма; она настоящий клад знаний о детях.

– Лучшая в мире бабушка, – улыбнулась Майя. – Па был бы счастлив узнать о Бэре. В самом деле чудесный малыш. Ладно, мне пора пойти наверх и подготовиться.

Когда Майя встала, Алли взяла старшую сестру за руку.

– Так здорово видеть тебя! Ты знаешь, я скучала по тебе.

– И я тоже. – Майя чмокнула Алли в макушку. – До скорой встречи.

* * *

– Алли, Майя! Георг приехал! – крикнула Ма, выйдя в полдень на главную лестницу.

Сверху донеслось приглушенное: «Сейчас придем!»

– А помните, как Па Солт купил вам старинный бронзовый рупор на Рождество? – с улыбкой спросил Георг, сопровождавший Ма из кухни на залитую солнцем веранду. Он выглядел гораздо собраннее, чем вчера ночью. Его серо-стальные волосы были гладко зачесаны назад, из нагрудного кармана безупречно сидевшего пиджака в мелкую полоску торчал уголок носового платка.

– Помню, – сказала Ма и жестом предложила Георгу устроиться под солнечным зонтом. – Впрочем, это было бесполезно, потому что девочки включали музыку на полную громкость, играли на разных инструментах либо перекрикивались друг с другом. На верхнем этаже было настоящее вавилонское столпотворение... и я обожала это. Итак, что предпочитаете выпить? У меня есть бузиновая настойка Клавдии и охлаждена бутылка вашего любимого розового вина из Прованса.

– В такой прекрасный день я сначала выпью бокал летнего розового вина. Спасибо, Марина. Можно налить нам обоим?

– Ох, мне еще нужно работать...

– Полно, вы же француженка! Конечно же, бокал розового не причинит вам вреда. В сущности, я настаиваю, – добавил Георг, когда Майя и Алли вышли на веранду и присоединились к ним. – Здравствуйте, девушки. – Он встал. – Могу я предложить вам бокал розового?

– Спасибо, Георг, я немного выпью, – ответила Алли и хихикнула. – Надеюсь, это поможет Бэру крепче спать сегодня ночью.

– Мне не надо, спасибо, – сказала Майя. – Знаете, я почти забыла, как красиво тут, в Атлантиде. В Бразилии все такое... *большое*: шумные люди, яркие цвета, буйство зелени, сильная жара. Здесь все выглядит более тихим и приглушенным.

– У нас очень мирное место, благословенное природной красотой, – согласилась Ма.

– Как я соскучилась по зимнему снегу, – пробормотала Майя.

– Тебе бы провести зиму в Норвегии, и тоска быстро пройдет, – улыбнулась Алли. – Или, хуже того, тебе придется жить под постоянным дождем. В Бергене дождь идет гораздо чаще, чем снег... Ну что, Георг, у вас есть новые мысли по поводу того, что вы сообщили нам вчера ночью?

– Нет, помимо обсуждения наших дальнейших действий. Один из нас должен поехать по тому адресу, который у меня есть, и убедиться, является ли эта женщина потерянной сестрой.

– В таком случае как мы узнаем, она это или нет? – поинтересовалась Майя. – У нас есть какая-то примета?

– Мне передали рисунок... определенного ювелирного украшения. Это кольцо, которое должно находиться при ней. Оно довольно необычное. Если она носит его, то мы можем не сомневаться в ее личности. Рисунок у меня с собой.

Георг раскрыл свой тонкий кожаный чемоданчик, достал лист бумаги и положил на стол для всеобщего обозрения.

Алли внимательно изучала рисунок. Майя выглядывала из-за ее плеча.

– Кольцо нарисовано по памяти, – объяснил Георг. – В оправе – изумруды, а центральный камень – бриллиант.

– Очень красиво, – сказала Алли. – Смотри, Майя, самоцветы расположены в форме... – она помедлила для подсчета, – ...в форме семилучевой звезды.

– Георг, вам известно, кто изготовил это кольцо? – спросила Майя. – Действительно, очень необычный рисунок.

– Боюсь, что нет, – ответил Георг.

– Это папин рисунок? – продолжала Майя.

– Да, это его рисунок.

– Семь лучей звезды для семи сестер... – прошептала Алли.

– Георг, вчера ночью вы сказали, что ее зовут Мэри, – сказала Майя.

– Да.

– Па Солт нашел ее и хотел удочерить, но потом что-то случилось и он потерял ее из виду?

– Я могу лишь сказать, что перед своей... кончиной он получил некую новую информацию и попросил меня проверить ее. Когда мы установили место рождения этой девушки, мне и другим понадобилось около года, чтобы выяснить, где она находится теперь. До того я шел по многим ложным дорожкам, которые заканчивались тупиками. Однако перед смертью ваш отец был совершенно уверен в надежности своего источника.

– Кто этот источник? – спросила Майя.

– Он так и не сказал, – ответил Георг.

– Если это потерянная сестра, то страшно жаль, что ее обнаружили только через год после смерти Па Солта, – вздохнула Майя.

– Но как будет здорово, если это *на самом деле* она, – сказала Алли. – Тогда мы сможем вернуть ее в Атлантис до возложения венка на борту «Титана»!

– Возможно, – улыбнулась Майя. – Но есть одна большая проблема. Согласно вашей информации, Георг, эта Мэри живет далеко отсюда, а нам предстоит отправиться в греческий круиз меньше чем через три недели.

– Да, – согласился Георг. – К сожалению, сейчас у меня тоже очень напряженный график, иначе я сам бы поехал и разыскал Мэри.

Зазвонил мобильный телефон, словно подчеркивая правоту его слов. Георг извинился и вышел из-за стола.

– Можно я внесу предложение? – в наступившей тишине спросила Ма.

– Конечно, давай, – сказала Майя.

– Поскольку Георг вчера сообщил нам, что Мэри живет в Новой Зеландии, сегодня утром я навела справки и узнала, сколько времени занимает перелет между Сиднеем и Оклендом. Потому что...

– ...Сиси находится в Австралии, – закончила Майя. – Ночью я тоже об этом думала.

– Три часа лету от Сиднея до Окленда, – продолжала Ма. – Если Сиси и ее подруга Крисси уедут на день раньше, чем они собирались, они могут по пути заглянуть в Новую Зеландию и узнать, та ли это Мэри, о которой говорил Георг.

– Отличная идея, Ма, – сказала Алли. – Только не знаю, как Сиси отнесется к этому. Она очень не любит самолеты.

– Я уверена, что если мы объясним, то она поймет, – сказала Ма. – Будет славно, если потерянная сестра воссоединится с семьей, чтобы почтить память отца.

– Вопрос в том, знает ли эта Мэри о Па Солте и нашей семье, – возразила Алли. – Даже мы, его дочери, теперь нечасто собираемся вместе. Конечно, это будет идеальный момент, то есть *если* она именно та девушка, которой ее считает Георг. Первым делом нам нужно связаться с Сиси, поскольку в Австралии уже наступил вечер.

– Как быть с остальными сестрами? – поинтересовалась Майя. – То есть мы им все расскажем?

– Хорошая мысль, – сказала Алли. – Нужно связаться со Стар, Тигги и Электрой по электронной почте и сообщить о происходящем. Хочешь позвонить Сиси, Майя, или я это сделаю?

– Лучше уж ты, Алли. Если остальные не возражают, я пойду и немного полежу перед обедом. Что-то до сих пор мутит.

– Бедная ты моя. – Ма поднялась с места. – Ты прямо позеленела.

– Я пойду с тобой и позвоню Сиси, – сказала Алли. – Будем надеяться, что сейчас она не уехала на этюды в буш со своим дедом. В его хижине посреди австралийской глубинки вообще нет мобильной связи.

Клавдия вышла из кухни на веранду.

– Я начинаю готовить обед. – Она повернулась к Георгу, который вернулся к столу. – Вы останетесь?

– Нет, спасибо. У меня срочные дела, и я вынужден уехать. Что вы решили? – обратился он к Ма.

Когда сестры уходили с веранды, Алли заметила бусинки пота, выступившие на лбу Георга. Его лицо казалось отрешенным.

– Мы свяжемся с Сиси и попросим ее удостовериться. Георг, вы уверены, что это *та* самая девушка?

– Да, – ответил Георг. – Другие люди, которые принимали участие в поисках, убедили меня в этом. А теперь, как бы мне ни хотелось еще поболтать, я должен проститься с вами.

– Уверена, что наши девочки смогут во всем разобраться, Георг. Теперь они взрослые женщины и очень способные. – Ма положила ладонь на его руку. – Постарайтесь успокоиться, Георг. Вы выглядите очень напряженным.

– Я постараюсь, Марина, я постараюсь, – со вздохом отозвался он.

* * *

Алли нашла номер австралийского телефона Сиси в своей записной книжке и сняла трубку телефона в коридоре.

– Давай же, давай... – шептала она сквозь зубы, пока в трубке шли гудки. Алли знала, что нет смысла оставлять для Сиси голосовое сообщение, поскольку та редко слушала их.

– Вот черт, – пробормотала Алли, когда включилась голосовая почта. Она повесила трубку и уже собиралась наверх, чтобы покормить Бэра, но тут зазвонил телефон.

– Аллю?

– Привет, это Ма?

– Сиси! Это я, Алли. Слава богу, ты перезвонила.

– Конечно, я увидела, что звонок поступил из Атлантиды. Все в порядке?

– Да, здесь все хорошо. Вчера прилетела Майя, и мы ужасно рады ее видеть. Сиси, когда ты собиралась вылетать в Лондон?

– Послезавтра мы расстанемся с Алисой и направимся в Сидней. Кажется, я говорила тебе, что сначала мы на несколько дней остановимся в Лондоне, чтобы разобраться с продажей моей квартиры и повидаться со Стар. Как обычно, я боюсь перелета.

– Знаю, но... Послушай, Сиси, Георг сообщил нам кое-какие новости. Не волнуйся, ничего плохого, но это настоящая сенсация, по крайней мере, возможно.

– Какие новости?

– Он сообщил определенную информацию... о нашей потерянной сестре. Он считает, что она сейчас живет в Новой Зеландии.

– Ничего себе! Ты хочешь сказать, это та самая седьмая сестра? – Сиси задышала в трубку. – Вот так новость! Как Георгу удалось найти ее?

– Понятия не имею. Ты знаешь, какой он скрытный, поэтому...

– Поэтому ты хочешь спросить, могу ли я ненароком заглянуть в Новую Зеландию и познакомиться с ней, так?

– Прямо в точку, мисс Шерлок. – Алли улыбнулась в трубку. – Я понимаю, что это немного удлинит твою поездку, но сейчас ты ближе всех к цели. Было бы замечательно увидеть потерянную сестру среди нас на церемонии прощания с Па Солтом.

– Само собой, но мы ничего не знаем об этой девушке. А она знает о нас?

– Неизвестно. По словам Георга, у него есть только имя и адрес. Ах да! Еще рисунок кольца, которое будет доказательством, что это она.

– Как насчет адреса? Новая Зеландия – немаленькая страна.

– У меня его нет, но я могу позвать Георга, чтобы он объяснил. Георг? – Алли жестом подозвала нотариуса, который направлялся из кухни к парадной двери. – Это Сиси; она хочет узнать адрес Мэри в Новой Зеландии.

– Ее зовут Мэри? – осведомилась Сиси.

– Судя по всему. Я передаю трубку Георгу.

Алли слушала, пока он диктовал адрес.

– Спасибо, Сиси, – сказал Георг. – Все издержки будут оплачены трастовым фондом. Моя секретарша Жизель бронирует билеты. А теперь я передаю трубку твоей сестре, потому что мне нужно идти. – Он добавил, обернувшись к Алли: – У вас есть телефон моего офиса; свяжитесь с Жизель, если что-то понадобится. Ну, до свидания.

– Хорошо. – Алли помахала Георгу, который направился к выходу. – Сиси, ты знаешь это место в Новой Зеландии?

– Минутку, я спрошу у Крисси.

В трубке послышался тихий обмен фразами, прежде чем Сиси вернулась на линию.

– Крисси говорит, что это место находится на Южном острове. По ее словам, нам будет гораздо проще вылететь из Сиднея в Квинстаун, чем в Окленд. Дальше посмотрим.

– Отлично. Значит, ты согласна?

– Ты же меня знаешь. Мне нравятся авантюры и путешествия, даже когда заходит речь о перелетах. Я никогда не была в Новой Зеландии, так что будет очень забавно посмотреть.

– Блестяще! Спасибо, Сиси. Если тебя не затруднит, пришли мне подробности своей дороги по электронной почте, а я свяжусь с секретаршей Георга насчет бронирования билетов. Кроме того, я перешлю тебе по факсу рисунок кольца.

– Хорошо. Стар знает об этом?

– Нет, точно так же, как Электра или Тигги. Я собираюсь написать им прямо сейчас.

– Вообще-то Стар предлагала договориться о встрече в Лондоне, так что я могу сообщить ей. Какая волнующая перспектива, правда?

– Да, если это и впрямь *она*. Пока, Сиси, будем на связи.

– Пока, Алли, до скорой встречи!

3

Сиси Гиббстон-Вэлли

– Эй, ты держишь карту вверх тормашками! – воскликнула Крисси, перегнувшись над пассажирским сиденьем.

– Нет... а может быть, и да. – Сиси нахмурилась. – Слова выглядят одинаково так и эдак, а дорога все время петляет... боже мой, когда мы в последний раз видели дорожный знак?

– Довольно давно. Ах, разве это не прекрасная сцена? – выдохнула Крисси, когда остановила у обочины взятый напрокат автомобиль и устремила взгляд на величественные темно-зеленые горы, склоны которых разворачивались до горизонта под массивными, нависающими облаками. Крисси повернулась, чтобы включить обогреватель, когда первые капли дождя расплылись на ветровом стекле.

– Да, но я совсем заблудилась. – Сиси протянула ей карту и посмотрела в обе стороны пустынной дороги. – Кажется, будто мы выехали из Квинстауна целую вечность назад. Следовало запастись продуктами, но я думала, что по дороге будут другие места.

– Ладно. Согласно этой распечатке, мы скоро увидим знак поворота к винодельне. Полагаю, надо просто двигаться вперед и надеяться, что кто-то подскажет нам, куда ехать дальше.

Крисси заправила за ухо упавший на лицо локон вьющихся черных волос и вяло улыбнулась. Их маршрут включал остановки в Мельбурне и Крайстчерче, и теперь обе были усталыми и голодными.

– Столько миль, и ни одного автомобиля. – Сиси пожала плечами.

– Ладно тебе, Сиси. Где твой дух приключений?

– Не знаю. Может, я размякла на старости лет и предпочитаю сидеть дома, а не в автомобиле под дождем? Мне правда холодно!

– Здесь самое начало зимы. Скоро эти горные вершины покроются снегом. Проблема в том, что ты слишком привыкла к теплему климату.

Крисси включила рычаг передач и выехала на шоссе. Стеклоочистители работали в максимальном режиме, и ливень превращал горы в размытое марево.

– Да, я определенно теплолюбивая девочка, и так было всегда. Можно я возьму твою фуфайку, Крисси?

– Само собой. Я предупреждала тебя, что здесь будет гораздо холоднее. Слава богу, я запасла для тебя куртку с капюшоном.

Сиси потянулась на заднее сиденье и раскрыла один из рюкзаков.

– Спасибо, Крисси. Не знаю, что бы я без тебя делала.

– Честно говоря, я тоже.

Сиси сжала ее руку над запястьем.

– Прости, что я такая бесполезная.

– Ты не бесполезная, Сиси, просто... не очень практичная. С другой стороны, несмотря на мой практический опыт, я не такая творческая натура, как ты. Поэтому мы с тобой – хорошая команда, правда?

– Да.

Пока Крисси вела автомобиль, Сиси утешалась ее присутствием. Прошлые несколько месяцев были самыми счастливыми в ее жизни. Между временем, проведенным в обществе Крисси, и отъездами на художественные вылазки в буш с дедом Фрэнсисом сердце Сиси еще никогда не было таким радостным. После душевной боли от утраты ее тесной связи со Стар она думала, что больше никогда не будет счастлива, но потом Крисси и Фрэнсис заполнили пустоту в ее жизни; Сиси обрела семью, где ее ценили и любили, пусть даже эта семья выглядела нетрадиционной.

– Смотри, вон дорожный указатель! – Сиси указала на залитое дождем ветровое стекло. – Притормози, посмотрим, что там написано.

– Я вижу отсюда: там написано, что это левый поворот к винодельне. Вау, мы это сделали! – обрадованно воскликнула Крисси. Она свернула на ухабистую проселочную дорогу. – Кстати, ты сказала своим сестрам, что я собираюсь приехать в Атлантис вместе с тобой?

– Да, конечно. Тем, с кем я успела поговорить.

– Как думаешь, они будут шокированы... насчет нас с тобой?

– Па Солт учил нас принимать всех людей, независимо от цвета кожи или ориентации. Наша экономка Клавдия может косо посмотреть на это, но лишь потому, что она принадлежит к старшему поколению и придерживается традиционных взглядов.

– А как насчет тебя, Си? Тебе не будет неудобно перед членами семьи?

– Ты же знаешь, что нет. Откуда вдруг такая неуверенность?

– Лишь потому, что... Хотя ты много рассказывала о своих сестрах в Атлантиде, они не кажутся... *настоящими*. Но через неделю мы действительно окажемся там. И я боюсь, особенно встречи со Стар. То есть вы вдвоем были командой еще до моего появления.

– Хочешь сказать, до того, как появился ее ухажер Мышь? Это Стар хотела расстаться со мной, помнишь?

– Знаю, но она по-прежнему каждую неделю звонит тебе, вы все время переписываетесь, и...

– Крисси! Стар – моя сестра. А ты... ну, как сказать...

– Да?

– Ты – моя половинка. Это другое, совершенно другое, и я надеюсь, что там найдется место для нас обеих.

– Разумеется, но ты сама понимаешь, что «каминг-аут» – это большое дело.

– Бр-р, ненавижу это выражение. – Сиси поежилась. – Я точно такая же, как была всегда. Ненавижу, когда человека кладут под стекло и наклеивают ярлык. Смотри, вон еще один указатель на винодельню! Поверни направо.

Они свернули на другую узкую дорогу. Вдалеке Сиси могла различить скелетообразные ряды увядающих виноградных лоз с давно собранным урожаем.

– Не похоже, что здешние дела продвигаются успешно. На юге Франции в это время года лозы покрыты листвой и зреющим виноградом.

– Сиси, ты забываешь, что в этой части света времена года устроены ровно наоборот, как в стране Оз. Насколько я понимаю, урожай был собран летом, где-то между февралем и апрелем, поэтому лоза выглядит голой. Ага, вот и другие указатели. «К магазину», «К отделу доставки», «К приемной». Поедем к приемной, да?

– Как скажете, босс, – ответила Сиси. Дождь прекратился, и солнце выглянуло из-за облаков. – Эта погода похожа на английскую, – пробормотала она. – В одну минуту – дождь, а в следующую – уже солнце.

– Может быть, поэтому многие англичане живут здесь, хотя вчера твой дед сказал, что самую большую группу мигрантов составляют шотландцы, а потом ирландцы.

– Они отправились на другой край света в поисках удачи. Примерно то же самое, что сделала я. Смотри, вон еще один указатель в сторону приемной. Ого, и чудесный старый каменный дом! Немного похож на наш дом в Женеве, только без озера.

Сиси замолчала, когда Крисси остановила автомобиль.

Двухэтажный фермерский дом угнездился на склоне холма над виноградищем, который ровными террасами спускался в долину. Стены дома были сложены из прочного серого камня, грубо обтесанного, но мастерски подогнанного. В больших окнах отражалась небесная голубизна, а крытая веранда окружала дом со всех сторон; с перил свисали горшки огненно-красной бегонии. Сиси заметила, что главная постройка прирастала с годами, поскольку каменные стены имели разную степень выветривания.

– Приемная находится здесь, – сказала Крисси, ворвавшись в мысли Сиси, и указала на дверь с левой стороны дома. – Наверное, там кто-нибудь поможет нам найти Мэри. У тебя есть рисунок кольца, который прислала Алли?

– Я сунула его в рюкзак перед отъездом. – Сиси выбралась наружу и взяла свой рюкзак с заднего сиденья. Она расстегнула молнию на переднем кармане и достала два сложенных листа бумаги.

– Си, они сильно помяты, – раздосадованно сказала Крисси.

– Неважно. Все равно можно разглядеть, что это за кольцо.

– Да, но рисунок какой-то любительский. Я хочу сказать, если мы собираемся поступать к совершенно незнакомой девушке и сказать ей или ее родственнику, что ты считаешь ее потерянной сестрой... она может решить, что ты сумасшедшая; я сама бы так подумала на ее месте.

– Ну, мы можем только предполагать. Хотя ты права, я вдруг очень занервничала. И они в самом деле могут подумать, что я чокну лась.

– По крайней мере, у тебя есть фотография твоих сестер и отца. Там ты выглядишь нормально.

– Да, но мы не похожи на сестер, верно? – сказала Сиси, когда Крисси закрыла двери автомобиля. – Давай пойдем, пока я не перетру сила.

Приемная – небольшое выставочное помещение с сосновой обшивкой, пристроенное к главному дому, – была пуста. Сиси позвонила в колокольчик, как было указано на табличке, стоявшей на столе.

– Только посмотри на эти вина, – сказала Крисси, прохаживаясь по комнате и рассматривая витрины у стен. – У некоторых есть международные призы. Да, это очень серьезное место. Наверное, нам стоит попробовать кое-что местного разлива.

– Еще только первая половина дня, а когда ты выпиваешь днем, тебя начинает клонить ко сну. Кроме того, ты за рулем...

– Добрый день, я могу вам помочь?

Из боковой двери комнаты появилась светловолосая девушка с ярко-голубыми глазами. Сиси обратила внимание на ее естественную красоту.

– Да. Хотелось бы узнать, можем ли мы поговорить, э-э-э... с Мэри Макдугал.

– Это я, – просто ответила девушка. – Меня зовут Мэри Макдугал. Итак, чем я могу вам помочь?

– Мы, э-э-э...

– Меня зовут Крисси, а это – Сиси, – сказала Крисси, перехватившая инициативу у смущенной подружки. – Дело в том, что отец Сиси – он уже умер – имел личного юриста, давно разыскивавшего девушку, которую Сиси и члены ее семьи называют потерянной сестрой. Недавно этот юрист получил информацию, согласно которой потерянная сестра может носить имя Мэри Макдугал и проживать по этому адресу. Прошу прощения; я понимаю, что это звучит странно, но...

– Я объясню, Мэри, – вмешалась Сиси, восстановившая самообладание. – Па Солт – это наш отец – удочерил шесть маленьких девочек. Пока мы росли, он иногда говорил о потерянной сестре, которую он так и не смог найти. Мы все носим имена звезд из созвездия Плеяд, и судьба младшей сестры, Меропы, до сих пор оставалась неизвестной. Формально она является седьмой сестрой, как в легенде о «Семи сестрах», пони маете?

Поскольку девушка оторопело глядела на них, Сиси поспешно продолжила:

– Возможно, вы не знаете эту легенду. Просто мы росли в окружении разных преданий, а большинство людей, если они не интересуются звездами и древнегреческими мифами, никогда и не слышали о «Семи сестрах».

Мэри улыбнулась:

– Моя мать Мэри преподавала в университете классическую литературу. Она регулярно цитировала Платона и других греческих философов.

– Вашу мать тоже зовут Мэри? – Сиси уставилась на нее.

– Да, Мэри Макдугал, как и меня. Официально меня зовут Мэри-Кэт, хотя все называют меня Эм-Кей. Хм... У вас есть другие сведения об этой потерянной сестре?

– Да, есть еще одна вещь: это рисунок кольца, – сказала Крисси. Она развернула мятый листок бумаги на узкой стойке перед Мэри-Кэт. – Это кольцо с изумрудами, расположенными в форме семилучевой звезды, с бриллиантом посередине. Судя по всему, наша Мэри получила его по наследству, и это подтверждает ее личность... если вы понимаете, что я имею в виду. К сожалению, это единственная подсказка, которая у нас есть.

Мэри-Кэт посмотрела на рисунок и слегка нахмурилась.

– Если это ничего не значит для вас, то нам лучше уйти, – пробормотала Сиси, снова пришедшая в замешательство. Она взяла листок. – Извините за беспокойство, и...

– Обождите! Можно посмотреть еще раз?

Сиси удивленно взглянула на нее:

– Вы узнаете кольцо?

– Думаю, да.

Сиси ощутила пустоту в животе. Она покосилась на Крисси, желая взять подругу за руку и ощутить теплое ответное пожатие, но была еще не готова к *такой* публичной демонстрации их отношений. Поэтому Сиси молча ждала, пока девушка рассматривала рисунок.

– Точно не скажу, но это очень похоже на мамино кольцо, – сказала Мэри-Кэт. – Вернее, если это то самое кольцо, то теперь оно принадлежит мне. Мама подарила его мне на двадцать первый день рождения.

– Правда? – ахнула Сиси.

– Да, она носила его, сколько я себя помню. Не каждый день, но по особым случаям она доставала его из ювелирной шкатулки. Мне оно всегда казалось очень милым. Понимаете, оно очень маленькое, и она могла надеть его только на мизинец, что казалось неправильным, либо на безымянный палец, где уже было обручальное кольцо. Но поскольку я не собираюсь обручаться, то мне все равно, на каком пальце его носить, – с лукавой улыбкой добавила Мэри-Кэт.

– Значит, кольцо у вас и мы можем посмотреть на него? – спросила Сиси.

– Вообще-то перед отъездом мама попросила меня временно отдать ей кольцо, поскольку я все равно редко ношу его, хотя, возможно, она решила не... Послушайте, почему бы нам не пройти в дом?

В этот момент из-за двери выглянул высокий мускулистый молодой человек в австралийской фетровой шляпе.

– Привет, Дуг, – сказала Мэри-Кэт. – Все в порядке?

– Да, просто заглянул за бутылками воды для ребят. – Дуг указал на группу дюжих мужчин, стоявших снаружи.

– Добрый день, – обратился он к Сиси и Крисси, когда подошел к холодильнику и достал упаковку бутылок минеральной воды. – Вы туристки?

– Да, вроде того, – ответила Крисси, распознавшая его австралийский выговор. – Приехали полюбоваться на местные красоты.

– Этого добра здесь хватает.

– Я собираюсь подняться наверх вместе с гостями, – сказала Мэри-Кэт. – Они думают, что я могу оказаться их родственницей.

– В самом деле? – Дуг окинул взглядом Сиси и Крисси, потом нахмурился. – Ладно, я с ребятами собираюсь позавтракать вон там, если вдруг что-то понадобится. – Дуг указал на круглый деревянный стол, где рассаживались его люди.

– Спасибо, Дуг, – сказала Мэри-Кэт.

Дуг кивнул, еще раз смерил подруг пронизывающим взглядом и ушел.

– Вот это да, – пробормотала Сиси, глядя на группу мужчин во дворе. – Похоже, с ними шутки плохи.

– Ну нет, – с улыбкой отозвалась Мэри-Кэт. – Дуг – это наш управляющий. Не обращайтесь: после отъезда мамы и моего брата Джека он взял на себя роль защитника. На самом деле это славные ребята, я ужинала с ними вчера вечером. Пойдемте же!

– Серьезно, если хотите, мы можем подождать снаружи, – сказала Крисси.

– Все нормально, хотя я и признаю, что это выглядит странновато. Так или иначе, как вы могли убедиться, я хорошо защищена.

– Спасибо, – сказала Сиси, когда Мэри-Кэт откинула доску на стойке в приемной, чтобы пропустить их внутрь. Она провела их по крутой деревянной лестнице и по коридору в просторную гостиную с открытыми потолочными балками. Окна комнаты с одной стороны выходили на долину и горы, а на другой стороне центральное место занимал огромный каменный камин.

– Садитесь, пожалуйста, а я схожу посмотрю, на месте ли кольцо.

– Спасибо за доверие, – сказала Сиси, когда Мэри-Кэт направилась к двери.

– Ерунда. Я попрошу моего товарища Флетча, чтобы он пришел сюда и составил вам компанию.

После ухода Мэри-Кэт, когда подруги опустились на старый, но уютный диван перед камином, Крисси сжала руку Сиси.

– Ты в порядке?

– Да. Она очень славная девушка. Не уверена, что я бы впустила к себе в дом двух незнакомых людей после такой истории.

– Люди в этих краях гораздо доверчивее, чем в больших городах. Кроме того, она сама сказала, что у нее есть телохранители.

– Она мне напоминает Стар, такие же светлые волосы и большие голубые глаза.

Дверь открылась, и в комнату вошел долговязый молодой человек лет двадцати с небольшим. Его длинные русые волосы свисали из-под шерстяной вязаной шапки, а в ушах блестело несколько серебряных колечек.

– Приветствую вас! Я – Флетч, рад познакомиться.

Девушки представились, и Флетч опустился в кресло напротив них.

– Итак, Эм-Кей прислала меня убедиться, что вы не будете держать ее под прицелом из-за ювелирных украшений. – Он ухмыльнулся. – Так что за история?

Сиси предоставила объяснение Крисси, так как ее подруге гораздо лучше удавались подобные вещи.

– Знаю, это звучит странно, – закончила Крисси. – Но Сиси происходит из весьма необычной семьи. То есть сестры вполне нормальные, да вот только приемный отец удочерил их по всему свету, и *это* необычно.

– А вы знаете, по какой причине он удочерил вас? – поинтересовался Флетч. – Конкретно вас, а не кого-то еще?

– Понятия не имею, – ответила Сиси. – Предполагаю, что это происходило спонтанно, во время его поездок по всему миру. Когда он замечал кого-то из нас, то брал под свое крыло и увозил домой.

– Понятно. То есть непонятно, но...

В этот момент Мэри-Кэт вернулась в гостиную.

– Я посмотрела в своей ювелирной шкатулке и в маминой, но кольца там нет. Наверное, мама все-таки взяла его с собой.

– Она надолго уехала? – спросила Сиси.

– Перед отъездом она сказала: «Я уеду на столько, на сколько мне захочется». – Мэри-Кэт пожала плечами. – Мой отец недавно умер, поэтому мама решила отправиться в путешествие, чтобы посетить всех друзей, с которыми она не виделась много лет... пока у нее еще есть силы на это.

– Соболезную по поводу смерти вашего отца, – сказала Сиси. – Кажется, я говорила, что мой отец тоже недавно умер.

– Спасибо, – ответила Мэри-Кэт. – Это действительно тяжело, вы же знаете. Он скончался несколько месяцев назад.

– Должно быть, его смерть стала потрясением для вашей мамы, – сказала Крисси.

– Да, конечно. Хотя папе было уже семьдесят три, никто не считал его стариком. Мама намного моложе: в сентябре ей исполнится шестьдесят лет. Правда, вы не сможете угадать ее возраст, так молодо она выглядит. Вон там стоит ее фотография, где она вместе со мной, моим отцом и моим братом Джеком. Папа любил говорить, что она похожа на актрису Грейс Келли.

Когда Мэри-Кэт принесла фотографию, девушки внимательно рассмотрели ее. Если дочь была миловидной, то Мэри-старшая, несмотря на возраст, сохранила признаки истинной красоты.

– Боже мой, – прошептала Крисси. – Я бы не дала ей больше сорока.

– И я тоже, – поддержала Сиси. – Она... да, она выглядит потрясающе.

– Более того, она очень хороший человек, – с улыбкой добавила Мэри-Кэт. – Все любят мою маму.

– Подтверждаю, – сказал Флетч. – Она из особых людей: всегда приветливая и доброжелательная.

– Да, наша приемная мать, которую мы зовем «Ма», точно такая же, – сказала Сиси. – Она позволяет нам чувствовать себя хорошо без всяких наставлений.

Она изучила другие фотографии на каминной полке. На одном черн-белом снимке была изображена молодая Мэри-старшая в темной мантии и академической шапочке, с жизнерадостной улыбкой на лице. На заднем плане были видны каменные колонны, обрамлявшие вход в здание университета.

– Это тоже ваша мама? – Сиси указала на фото.

– Да, после получения ученой степени в Тринити-колледж, в Дублине, – кивнула Мэри-Кэт.

– Она ирландка?

– Да.

– Значит, вы не знаете, как долго она собирается пробыть за границей? – спросила Крисси.

– Да, ее поездка не ограничена во времени; мама сказала, что в этом состоит часть удовольствия. Хотя она запланировала первые несколько недель своих разъездов.

– Извините за неудобство, но мы бы очень хотели встретиться с ней и расспросить насчет этого кольца, – сказала Сиси. – Вы знаете, где она сейчас находится?

– Ее ближайшее расписание висит на холодильнике; я пойду проверю, но практически уверена, что сейчас она в Норфолке.

Мэри-Кэт повернулась и вышла из комнаты.

– Норфолк? – Сиси нахмурилась. – Разве это не английское графство?

– Это еще и крошечный остров, расположенный в южной части Тихого океана между Австралией и Новой Зеландией, – сказал Флетч. – Восхитительное место, два года назад мама Эм-Кей и ее старейшая подруга Бриджит съездили туда, они совершили большое путешествие. Ее подруге так понравилось, что она решила покинуть Лондон и поселиться в доме на Норфолке.

– Да, согласно расписанию, мама все еще находится на острове, – сказала Мэри-Кэт, вернувшаяся в гостиную.

– Когда она собирается уехать и как мы можем попасть туда? – спросила Сиси.

– Она уедет через два дня, до острова есть короткий перелет из Окленда. Впрочем, имейте в виду, что рейсы не ежедневные. Это еще нужно выяснить, – предупредила Мэри-Кэт.

– Вот черт, – пробормотала Сиси сквозь зубы. Она посмотрела на Крисси. – Мы собирались вылететь в Лондон завтра вечером. Хватит ли времени?

– Придется найти время, правда? – Крисси пожалала плечами. – Я хочу сказать, что она еще сравнительно недалеко, не в Европе. И если потерянную сестру можно опознать по этому кольцу, тогда...

– Я проверю расписание рейсов из Окленда в Норфолк и из Квинстауна в Окленд, поскольку быстрее долететь, чем доехать, – сказал Флетч. Он встал и пошел вдоль длинного обеденного стола, заваленного бумагами и журналами, там же стоял и старомодный компьютерный моноблок. – Это потребует некоторого времени, потому что здешний интернет, мягко говоря, довольно неустойчивый. – Он постучал по клавиатуре и вздохнул. – Да, сейчас нет сигнала.

– Я увидела вашего брата на этой фотографии. – Сиси обратилась к Мэри-Кэт. – Он сейчас в Новой Зеландии?

– Обычно он находится здесь, но недавно улетел на юг Франции, чтобы побольше узнать о французском виноделии.

– Значит, он будет управлять виноградником после вашего отца? – спросила Крисси.

– Да. Кстати, вы не проголодались? Время обеда уже прошло.

– Мы умираем с голоду, – хором ответили Крисси и Сиси.

Они вчетвером сходили за хлебом, местным сыром и холодными мясными закусками, потом расчистили место на обеденном столе и принялись за еду.

– Так где вы живете? – поинтересовался Флетч.

– В Алис-Спрингсе, в Австралии, – ответила Сиси. – Но мой семейный дом называется Атлантис и находится на берегу Женевского озера в Швейцарии.

– Атлантис, мифическая родина Атласа, отца Семи сестер, – улыбнулась Мэри-Кэт. – Ваш отец действительно увлекался греческими преданиями.

– Это верно, – сказала Сиси. – У нас есть большой телескоп, который до сих пор стоит в обсерватории на крыше дома. Едва научившись говорить, мы уже знали наизусть все названия звезд в созвездиях Ориона и Тельца. Честно говоря, я не особенно интересовалась астрономией, пока не приехала в Австралию и не узнала, что Семь сестер являются богинями мифологии аборигенов. Просто удивительно, легенды о них существуют буквально повсюду. Например, в культуре майя, в Японии, в Греции... эти сестры знамениты по всему миру.

– У маори тоже есть истории о сестрах, – сообщила Мэри-Кэт. – Здесь их называют дочерьми Матарики. У каждой есть особые навыки и таланты, которыми они делятся с людьми.

– Откуда такая взаимосвязь культур? – спросила Крисси. – Я хочу сказать, тогда не было интернета или даже телефона и почтовой службы, как же легенды могут быть настолько похожими без всякого общения между разными людьми?

– Вам действительно нужно познакомиться с моей мамой. – Мэри-Кэт тихо рассмеялась. – Она не просто любит поговорить на такие темы. Она настоящий клад знаний... в отличие от меня. Меня больше привлекает музыка, чем философия.

– Но вы очень похожи на вашу маму, – сказала Крисси.

– Да, многие так говорят, хотя на самом деле я приемный ребенок.

Сиси выразительно посмотрела на Крисси.

– Ого, – сказала она. – Прямо как я и мои сестры. Вы знаете, где вас удочерили? И кем были ваши биологические родители?

– Нет. Мама и папа рассказали мне о том, что я приемная, как только я достаточно выросла для того, чтобы понять, но я всегда считала их своими подлинными родителями, и точка.

– Прошу прощения, – быстро сказала Сиси. – Просто... просто, если вас удочерили, тогда...

– Тогда вы можете оказаться *той самой* потерянной сестрой, – закончила Крисси.

– Слушайте, я понимаю, что ваша семья уже давно ищет эту особу, – мягко сказала Мэри-Кэт. – Но я никогда не слышала, чтобы моя мама упоминала о потерянной сестре. Мне известно лишь, что это было неофициальное удочерение и что оно произошло здесь, в Новой Зеландии. Я уверена, что мама все объяснит, если вы встретитесь с ней.

– Ладно. – Флетч встал. – Я снова попробую выйти в онлайн и посмотреть, есть ли у вас возможность посетить Норфолк в течение ближайших суток.

Он прошел вдоль стола и уселся за компьютер.

– У вашей мамы есть мобильный телефон? – поинтересовалась Крисси.

– Есть, – сказала Мэри-Кэт. – Но если вы собираетесь спросить меня, можем ли мы связаться с ней, то существует лишь очень слабая возможность поймать сигнал с острова Норфолк. Прелесть тамошней жизни отчасти состоит в том, что они на пятьдесят лет отстали от остального мира, особенно в современных технологиях.

– Окей, Хьюстон, у нас есть связь! – провозгласил Флетч. – Есть рейс из Квинстауна в Окленд завтра утром, в семь часов, с посадкой в восемь утра. Рейс из Окленда на остров Норфолк отбывает в десять утра и прибывает на место примерно через два часа. На какое время запланирован ваш рейс из Сиднея завтра вечером?

– Около одиннадцати вечера, – сказала Крисси. – Есть ли рейсы с острова Норфолк до Сиднея во второй половине дня?

– Сейчас посмотрю, – отозвался Флетч и вернулся к компьютеру.

– Даже если мы успеем на все рейсы, у нас остается лишь несколько часов на острове Норфолк, – сказала Сиси.

– Это крошечный островок, – заметил Флетч.

– Мэри-Кэт, можно ли попробовать связаться с вашей мамой по мобильному телефону? – спросила Крисси. – В смысле, отправиться туда и обнаружить, что ее там нет, будет очень обидно.

– Конечно, я могу попытаться. И еще я могу позвонить ее подруге Бриджит, у которой она гостит. Мама оставила ее телефон на холодильнике; я позвоню им обеим.

– Нам повезло, – сказал Флетч. – Есть рейс с острова в Сидней, в пять часов вечера. Если вы приземлитесь в 10:40 по норфолкскому времени, у вас будет достаточно времени для встречи с матерью Мэри-Кэт. Которую, кстати, здесь всегда называли Мерри, или Смешинкой, потому что она очаровательно хихикает.

– Это здорово, – улыбнулась Крисси.

– Мне даже ребенком не давали никаких прозвищ, – прошептала Сиси, обращаясь к подруге. – Мы с Электрой были вздорными и крикливыми сестрами.

– Я только что пробовала дозвониться до моей мамы и Бриджит, но меня перевели на голосовую почту и по мобильному, и по стационарному телефону, – сказала Мэри-Кэт, пришедшая с кухни. – Я оставила сообщения, что вы собираетесь приехать завтра и поговорить с мамой насчет кольца, так что если они прослушают свои автоответчики, то узнают о вашем визите.

– Ну, как? – Флетч оторвался от компьютера и посмотрел на них. – На рейсы до Окленда и острова Норфолк осталось только три места, плюс два места на рейс до Сиднея. Вы собираетесь лететь или нет?

Сиси посмотрела на Крисси, и та пожала плечами:

– Раз мы здесь, Си, то по меньшей мере должны попытаться увидеться с матерью Мэри-Кэт.

– Да, ты права, даже если завтра нам придется встать до рассвета. Флетч, вы можете забронировать билеты, если я дам реквизиты моей кредитной карты? Прошу прощения, но мы вряд ли найдем поблизости интернет-кафе.

– Не беспокойтесь, все равно не найдете. Я сделаю, что нужно.

– Да, и последнее: вы можете предложить нам место для ночлега? – спросила Крисси, как всегда озабоченная практическими вопросами.

– Конечно, прямо здесь, во флигеле, – сказала Мэри-Кэт. – Это спальни для работников, но я вполне уверена, что у нас есть хотя бы одна свободная комната. Ничего особенного, просто спальные места, но хотя бы есть где преклонить голову.

– Огромное спасибо, – сказала Крисси. – Теперь мы больше не будем докучать вам. Мне, например, хочется погулять вокруг: здесь невероятно красивые места.

– Хорошо, я только покажу ваши спальные места, и... – Мэри-Кэт посмотрела на Флетча, прежде чем добавить: – Мама оставила полный холодильник, так что я могу разморозить кастрюльку с тушеной курицей на ужин. Хотите присоединиться? Я бы с радостью послушала о вашей семье и о нашей предполагаемой связи.

– Да, было бы грандиозно, если бы вы оказались потерянной сестрой. – Сиси улыбнулась. – И так любезно с вашей стороны пригласить нас! Спасибо за гостеприимство.

– Так принято у нас, в Новой Зеландии. – Флетч пожал плечами. – Делись, и с тобой поделится.

– Спасибо, – сказала Крисси. – До скорой встречи.

Воздух на улице был свежим и прохладным, а небо приобрело глубокий лазурный оттенок.

– Здесь совсем не так, как в Австралии; это больше похоже на Швейцарию с ее горами, но все выглядит гораздо более диким и неухоженным, – заметила Сиси, пока они прогуливались между акрами виноградной лозы. Они нашли узкую тропу, которая вела вверх по склону пологого холма, здесь растительность становилась все более буйной и неухоженной. Сиси проводила пальцами по листьям кустарника, наслаждаясь пряными запахами зелени.

Она услышала крики незнакомых птиц и шелест воды в стороне, поэтому увлекла Крисси в ту сторону. Они раздвигали ветви, все еще влажные от утреннего дождя и блестящие на солнце, пока не вышли на берег ручья с кристально чистой водой, бежавшей по гладким серым камням. Девушки наблюдали за стрекозами, летавшими над поверхностью, и Сиси улыбнулась подруге.

– Хотелось бы подольше задержаться здесь, – сказала она. – Такое прекрасное и мирное место.

– Однажды я бы с удовольствием вернулась сюда и побольше разузнала об этих краях, – согласилась Крисси. – Послушай, что ты думаешь о нежелании Мэри-Кэт знать о своих биологических родителях? Ведь у тебя тоже определенно были сомнения, когда ты отправилась на поиски собственных предков.

– Там было по-другому. – Сиси смахнула мошку с лица и отдышалась, потому что они шли вверх по течению ручья. – Па только что умер, а Стар стала какой-то чудной и отстраненной. Мне нужно было заняться чем-то своим, понимаешь? У Мэри-Кэт остались любящая мать и брат, поэтому она, наверное, не испытывает желания рыться в своем прошлом.

Крисси кивнула, а потом потянула Сиси за руку, останавливая ее.

– Давай ненадолго остановимся. У меня разболелась нога.

Они уселись на мшистой полянке, чтобы перевести дыхание, и Крисси положила ноги на колени Сиси. В уютной тишине они смотрели на долину, где фермерский дом внизу и аккуратные ряды виноградных лоз на террасированном склоне были единственным признаком человеческого присутствия.

– Выходит, мы нашли ее? – наконец спросила Сиси.

– Хочешь знать мое мнение? Думаю, это вполне возможно.

* * *

Ужин вместе с Флетчем и Мэри-Кэт прошел в непринужденной обстановке. Уже за полночь, после двух бутылок превосходного местного «Пино Нуар» Сиси и Крисси пожелали хозяевам спокойной ночи и удалились во флигель. Как и сказала Мэри-Кэт, обстановка в комнате была простой, но там имелось все необходимое, включая душ и теплые шерстяные одеяла на случай ночных холодов.

– В Алис-Спрингсе я обычно сбрасывала с себя простыню, потому что истекала потом, а здесь мне уютно под одеялом, – хихикнула Сиси. – Что ты думаешь о Мэри-Кэт?

– Думаю, она классная, – ответила Крисси. – И если она окажется твоей потерянной сестрой, будет славно видеть ее рядом.

– Она сказала, что ей двадцать два года, и это идеально вписывается в наш расклад. Электре сейчас двадцать шесть, и она пока что самая младшая из нас... А может быть, мы охотимся за призраками, – сонно добавила Сиси. – Извини, но я засыпаю.

Крисси протянула руку с соседней кровати и прикоснулась к ее руке.

– Доброй ночи и сладких слов, милая. Завтра нам рано вставать, это правда.

4

– Пора просыпаться, Си. Мы скоро приземлимся, и тебе нужно пристегнуть ремень безопасности.

Голос Крисси ворвался в сны Сиси; когда она открыла глаза, Крисси уже застегивала ее ремень.

– Где мы?

– Примерно в тысяче футов над островом Норфолк. Ого, какой он маленький! Как один из тех атоллов в рекламных буклетах Мальдивских островов. Посмотри вниз: он утопает в зелени, а вода потрясающего бирюзового оттенка. Интересно, Мерри или ее подруга Бриджит прослушали свои сообщения?

Сиси нервно выглянула из иллюминатора.

– Это выяснится после посадки. По словам Мэри-Кэт, она сказала им насчет нашего рейса, поэтому – кто знает? – они даже могли приехать в аэропорт для встречи с нами. О боже, ты это видела? Похоже, будто посадочная полоса тянется прямо в море! Лучше я не буду смотреть туда.

Сиси отвернулась, когда двигатели самолета взревели перед посадкой.

– Ох, как я рада, что это закончилось, – сказала она, когда пилот резко притормозил и самолет остановился на рулежной дорожке.

Они сошли по трапу маленького самолета с рюкзаками за спиной и направились к миниатюрному зданию норфолкского аэропорта. Они миновали маленькую толпу встречающих, ожидавших за оградой, прошли таможенный контроль и вышли в небольшой зал прибытия, где та самая горстка встречающих направилась навстречу гостям.

Девушки всматривались в лица людей, большинство из которых уже встретили своих знакомых и направлялись к выходу.

– Кажется, они не получили сообщения. – Крисси пожала плечами. – Так или иначе, Мэри-Кэт сказала, что отсюда двадцать минут пешком до дома Бриджит. Но в какую сторону?

– Если сомневаешься, обращайся в справочный стол туристической информации. Кстати, вот и он. – Сиси кивнула молодому человеку, который сидел за столом, заваленным красочными буклетами.

– Добрый день, чем могу вам помочь?

– Мы ищем дорогу или улицу под названием... – Крисси достала сложенный листок бумаги из кармана джинсов, – ...Хэдстоун.

– Это очень просто; она находится вон там, в конце летного поля. – Парень указал вдаль. – Просто обойдите аэропорт по периметру и поверните налево. Там увидите знак «Хэдстоун-роуд».

– Спасибо, – сказала Сиси.

– Ищете, где можно остановиться? – деловито спросил молодой человек. – Могу предложить несколько идей.

– Нет, мы возвращаемся в Сидней во второй половине дня.

– Значит, мимолетный визит, – пошутил парень. – Тогда почему бы не оставить на хранение ваши рюкзаки, чтобы не тащить их с собой? Только возьмите купальники на тот случай, если захотите окунуться перед отлетом. Здесь есть несколько отличных пляжей.

– Спасибо, мы так и сделаем.

Парень указал в сторону зоны регистрации, и, к их удивлению, они смогли тут же зарегистрироваться на рейс в Сидней.

– Обожаю это место, – сказала Сиси, доставая из рюкзака купальник и полотенце. – Все так неформально.

– Прелесть жизни на маленьком острове, – сказала Крисси, когда они вышли из аэропорта. – И здесь столько зелени... только посмотри на эти деревья! – Она указала на ряды высоких хвойных красавцев по обе стороны улицы.

– Они называются норфолкскими соснами, – сказала Сиси. – Па Солт посадил несколько штук по краю нашего сада в Атлантиде, когда я была маленькой.

– Я потрясена, Си; не думала, что ты ботаник.

– Ты знаешь, что я не ботаник, но норфолкская сосна была одним из моих первых детских рисунков. Разумеется, это была ужасная мазня, но Ма вставила рисунок в рамку, и я подарила его папе на Рождество. Думаю, он до сих пор висит на стене его кабинета.

– Здорово. Итак... что мы собираемся сказать, когда встретимся с ними? – спросила Крисси.

– Думаю, то же самое, что мы сказали Мэри-Кэт. Я просто надеюсь, что они окажутся дома. После раннего подъема и двух перелетов я чувствую себя измотанной, а ведь впереди еще два перелета!

Через несколько минут они увидели дорожный знак с надписью «Хэдстоун-роуд».

– Какой номер дома?

– Я не вижу никаких номеров, – сказала Сиси. Они проходили мимо деревянных бунгалов, окруженных безупречно ухоженными садами, с живыми изгородями из гибискуса, покрытого яркими цветами.

– Дом называется... – Крисси изучила слово, написанное Мэри-Кэт на листке. – Понятия не имею, как это произнести.

– Не проси меня попробовать, – хихикнула Сиси. – Здесь все гордятся своим жильем, верно? Это напоминает мне английский поселок с идеально подстриженными газонами.

– Смотри, вот он! – Крисси подтолкнула подругу и указала на аккуратную вывеску с названием «Siocháin»³.

Они стояли перед решетчатой оградой, окружавшей территорию усадьбы. Бунгало было простым и опрятным, как и все остальные, с парой садовых гномов, стоявших на страже по обе стороны от входа.

– Они одеты в цвета ирландского флага, поэтому думаю, что это гэльское название, а хозяева – ирландцы, – сказала Крисси, когда они осторожно вошли на участок.

³ «Мир», или «прекрасный мир» по-гэльски (прим. пер).

– Слушай, кто будет говорить? – тихо спросила Сиси, когда они подходили к двери.

– Ты начнешь, а я помогу, если будешь запинаться, – предложила Крисси.

– Ну, была не была, – сказала Сиси, прежде чем нажать на кнопку звонка, который отозвался короткой мелодией, похожей на ирландскую джигу. Ответа не последовало. После четвертого звонка Крисси повернулась к подруге.

– Как насчет того, чтобы заглянуть на задний двор? Сегодня прекрасный денек, и они могут быть в саду.

– Стоит попробовать, – отозвалась Сиси.

Они обошли дом сбоку и вышли на задний двор, окаймленный банановыми пальмами. Веранда со столом и стульями, защищенными навесом от солнца, была пустой.

– Проклятие! – в сердцах воскликнула Сиси. – Здесь никого нет.

– Смотри! – Крисси указала в глубину длинного сада, где какой-то человек копал землю. – Давай пойдем и спросим его.

– Эгей! – позвала Крисси, когда они подошли ближе, и в конце концов человек – широкоплечий мужчина лет шестидесяти с лишним – поднял голову и помахал им. – Может быть, он ожидал нашего прихода?

– А может, он просто проявляет дружелюбие. Ты заметила, что водители проезжавших автомобилей тоже махали нам?

– Здравствуйте, девушки, – сказал мужчина, опершись на черенок лопаты. – Что я могу сделать для вас?

Он говорил с явственным австралийским акцентом.

– Уф, здравствуйте. Вы, э-э-э... живете здесь? Я имею в виду, это ваш дом?

– Ну да. А вы кто будете?

– Меня зовут Сиси, а это моя подруга Крисси. Мы ищем женщину... на самом деле двух женщин. Одну из них зовут Бриджит Демпси, а другую – Мерри, или Мэри Макдугал. Вы их знаете?

– Знаю. – Мужчина кивнул. – Особенно Бридж, потому что она моя жена.

– Великолепно! Они где-то рядом?

– Боюсь, что нет, девочки. Они обе вчера улетели в Сидней и оставили меня в гордом одиночестве.

– Вы не шутите? – Сиси в расстройстве повернулась к Крисси. – Мы могли бы полететь прямо туда. Мэри-Кэт, дочь Мерри, сказала нам, что она собиралась улететь только завтра.

– Верно, – сказал мужчина. – Мерри остановилась у нас, но потом вдруг передумала и предложила Бридж слетать в Сидней для шопинга и «девичьей вечеринки» в большом городе.

– Проклятие, – тихо повторила Сиси. – Очень жаль, поскольку мы проделали долгий путь ради встречи с ней и сегодня улетаем в Сидней. Вы, случайно, не знаете, долго ли Мерри пробудет в Сиднее?

– Она вроде бы сказала, что собирается улететь из Австралии в Европу поздним вечерним рейсом. А я собираюсь забрать Бридж в местном аэропорту во второй половине дня.

– Должно быть, это тот самый самолет, на котором *мы* собираемся улететь, – сказала Крисси и закатила глаза в притворном отчаянии.

– Я могу чем-то помочь? – спросил мужчина, снимая фетровую шляпу и вытирая носовым платком вспотевший лоб.

– Спасибо, но мы пришли побеседовать с Мерри, – сказала Сиси.

– Тогда почему бы нам не уйти из-под палящего солнца и не присесть на веранде? Мы можем выпить по паре банок пива или колы, и вы объясните, зачем вам понадобилось встретиться с Мерри. Кстати, меня зовут Тони, – добавил хозяин, когда они последовали за ним через сад в прохладную тень под навесом. – Пойду возьму пивка, и мы поболтаем.

– Похоже, он хороший мужик, – заметила Крисси, когда они уселись.

– Да, но он не тот, с кем мы хотели поговорить, – вздохнула Сиси.

– Ну вот. – Тони вернулся и выставил перед ними банки ледяного пива. Когда все с благодарностью отхлебнули по глотку, он продолжил: – Так что за история?

Сиси, как могла, постаралась объяснить, а Крисси при необходимости вставляла подробности.

– Да, вот так небылица, – хохотнул Тони. – Хотя не возьму в толк, где тут связь между вами и Мерри.

– Откровенно говоря, я тоже, и у меня такое ощущение, будто мы идем по ложному следу, но мы все равно решили попробовать, – сказала Сиси, чувствуя себя измученной и опустошенной.

– Мэри-Кэт оставила для своей мамы и для Бриджит сообщения о нашем приезде, – сказала Крисси. – Они не получили их?

– Не знаю, потому что вчера я весь день чинил ванную для моей супруги. И, если честно, я не очень хорошо знаком с Мерри, дорогая. Я познакомился с Бридж два года назад, когда она попросила меня построить для нее вот это. – Он широким жестом указал на бунгало. – Родители привезли меня сюда из Брисбена, когда я был ребенком, я строитель по профессии. Моя первая жена умерла много лет назад, и когда Бридж переехала сюда, она тоже была одинокой. Никогда не думал, что в моем возрасте найду себе другую женщину, но у нас как-то все срослось с самого начала. Мы поженились полгода назад.

Он широко улыбнулся.

– Значит, вы лишь недавно познакомились с Мерри?

– Я впервые встретился с ней на нашей свадьбе.

– А ваша жена, случайно, не ирландка? – упрямо продолжала Крисси.

– Вы правильно догадались. – Тони кивнул. – Так и есть, и она гордится своим семейным прошлым.

– Нам сказали, что Мерри тоже родилась в Ирландии, – сказала Сиси.

– Мне известно, что они вместе учились в школе, а потом поступили в Дублинский университет. Потом они надолго расстались, так бывает, не правда ли, когда люди разъезжаются кто куда после университета? Но теперь они снова не разлей вода. Будете сэндвичи? А то у меня уже урчит в животе.

– Если вас не затруднит, это было бы здорово, – вставила Сиси, прежде чем Крисси успела вежливо отказаться. У Сиси тоже урчало в желудке. – Мы можем помочь вам.

Они последовали за Тони на опрятную кухню, где он с гордостью продемонстрировал дело своих рук.

– Никогда не думал, что буду жить здесь, – сказал он, доставая из холодильника ветчину и сыр. – У нас тут некоторые перебои с провиантом; как вы понимаете, все приходится доставлять по морю или по воздуху. Новая доставка будет только завтра.

– Должно быть, замечательно жить в таком месте, – сказала Крисси, намазывая хлеб маслом.

– По большей части да, – согласился Тони. – Но, как и в случае с Робинзоном Крузо, жизнь на острове имеет свои недостатки. Здесь мало интересного для молодых людей, и большинство из них уезжает, чтобы поступить в колледж или найти работу. Интернет чудовищный, и, если у вас нет своего бизнеса, как у меня, туризм остается главной и практически единственной индустрией. Остров становится уделом для пожилых людей, хотя есть возможности улучшить положение вещей, привнести новую кровь. Это славное место для воспитания детей. Здесь все знают всех и есть реальное ощущение сплоченности. Все очень дружелюбны, преступления случаются редко. Ну что, давайте отнесем наш улов на ве ранду?

Девушки вернулись на веранду следом за Тони и разобрали свои сэнд вичи.

– Тони?

– Да, Сиси?

– Я вот подумала... Пока Мерри была здесь, она носила кольцо с изумрудом?

Тони добродушно рассмеялся:

– Обычно я не обращаю внимания на подобные вещи. Бридж говорит, что я даже не замечу, если она переоденется в Санта-Клауса, и, наверное, она права. Хотя... Обождите минутку. – Он провел пальцами по короткой бороде. – Если подумать, то я помню, как пару дней назад Бридж и Мерри сравнивали свои кольца. Обручальное кольцо, которое я купил для Бридж, разумеется, было с зеленым камнем: она ведь ирландка.

– И?... – Сиси подалась вперед.

– Мерри тоже показала кольцо с изумрудом; они сравнивали кольца и хихикали как девчонки, понимаете?

– То есть у нее было кольцо с изумрудом?

– Да. Они смеялись, потому что Бридж заявила, что ее изумруд крупнее, чем у Мерри.

Сиси и Крисси обменялись взглядами.

– Это воодушевляет, – кивнула Сиси. – В конце концов, похоже, что мы на правильном пути. А вы знаете, куда она собиралась после Сиднея?

– Да, она направлялась в Канаду, вроде бы в Торонто, но я могу узнать у Бридж.

Крисси посмотрела на часы:

– Спасибо за помощь и за сэндвичи, Тони. Мы собираемся немного поплавать, прежде чем вернемся в аэропорт.

– Тогда поскорее очищайте ваши тарелки, я не хочу оставлять здесь невымытую посуду. А потом можете забраться в мой пикап, и мы совершим короткую экскурсию по острову, заодно искупаемся, ладно?

– Отлично! – улыбнулась Сиси. – Мы будем только рады!

* * *

После быстрой экскурсии по острову, который можно было пересечь из конца в конец за двадцать минут, Тони повез их по узкой дороге.

– Посмотрите на них. – Он указал на ряд старых деревьев, нависавших впереди.

– Они кажутся древними, – сказала Сиси. – Что это за деревья?

– Это фиговые пальмы Мортон-Бэй; некоторым из них больше ста лет, – ответил Тони, когда они проехали мимо аэропорта и свернули вниз по извилистой дороге мимо маленького моста и группы каменных зданий. Потом они оказались перед почти пустым пляжем, где у берега плескались мелкие волны. Вдалеке линия пенистых бурунов указывала на коралловый риф. Тони повел их к кабинке для переодевания, и вскоре они вышли оттуда в купальниках и с полотенцами, обернутыми вокруг талии.

– Давайте наперегонки! – крикнул Тони и побежал к прибою по теплomu песку. – Кто последний, тот слабак!

Он забежал в воду по пояс и нырнул. В нескольких метрах от края воды Сиси помогла Крисси отстегнуть ножной протез. Крисси завернула его в полотенце и уложила на безопасном расстоянии от волн.

– Я всегда боюсь, что кто-то может украсть его, – призналась она, пока Сиси помогала ей дойти до воды.

– Даже не представляю, какой сволочи это может понадобиться, – сказала Сиси. – Ну что, заходим? Постарайся не уплыть далеко! – крикнула она, потому что Крисси сразу же нырнула в воду. Хотя у нее осталась только одна нога, будучи опытной пловчихой, раньше побеждавшей на чемпионатах, она каждый раз после первых нескольких гребков заставляла Сиси играть в догонялки.

– Разве не фантастика? – крикнул Тони, плескавшийся в воде в нескольких метрах от них.

– Это точно, – согласилась Крисси, которая перевернулась на спину и подставила лицо солнечным лучам. – Я даже не сознавала, как сильно мне не хватает моря, пока мы жили в Алис-Спрингсе.

Крисси снова повернулась, одним движением ушла под воду и вынырнула только через полминуты.

– Пожалуйста, Крисси, не уплывай слишком далеко! – крикнула Сиси. – Я не хочу, чтобы ты попала в беду; у меня не хватит сил спасти тебя.

Как обычно, Крисси не обратила на нее внимания. В конце концов Сиси вернулась на берег и легла на песок, чтобы немного обсохнуть.

– Ваша подруга отлично плавает, да? – сказал Тони, который тоже выбрался из воды и уселся рядом с ней. – Что случилось с ее ногой?

Сиси объяснила ему, что Крисси потеряла ногу в пятнадцать лет из-за осложнений после менингита, которые привели к сепсису.

– До того она была лучшей пловчихой в Западной Австралии, – вздохнула Сиси. – Она собиралась пройти отбор в олимпийскую команду.

– Жизнь иногда оборачивается скверной стороной. Но приятно видеть, что ваша подруга до сих пор в строю.

– Да, но я жутко боюсь, что она может нырнуть и больше не выплыть.

– Сомневаюсь, – улыбнулся Тони. – Только посмотрите на нее! Ладно, нам нужно собираться, если вы хотите успеть на самолет.

Сиси встала и замахала руками над головой, призывая Крисси вернуться на берег. Когда они оделись, Тони за несколько минут довез их до аэропорта.

– Если повезет, Бридж выйдет раньше, чем объявят посадку на ваш рейс, – сказал Тони, когда поставил автомобиль перед терминалом. Они услышали гудение самолета, заходившего на посадку.

– Как тебе мысль о том, чтобы заглянуть сюда после того, как мы вернемся из Европы? – спросила Сиси, пока они шли за Тони к аэропорту. – Я влюбилась в этот остров.

– Ладно, но давай сначала посмотрим на Европу. Даже выразить не могу, как мне не терпится увидеть ее.

– Она очень скучная по сравнению с этим местом. Толпы народу и старинные памятники.

– Сначала увижу своими глазами, а потом уж решу, – улыбнулась Крисси. – Смотри, самолет приземлился.

– Давайте выйдем на смотровую площадку, – предложил Тони. – По крайней мере, может быть, вы успеете поздороваться с Бридж.

– Отлично, – сказала Сиси. Дверь крошечного самолета открылась, и первые пассажиры начали спускаться по трапу.

– Смотрите, вон она! Бридж, я здесь! – крикнул Тони, когда ярко одетая рыжеволосая женщина с пышными формами, державшая в руках кучу магазинных пакетов, вышла из самолета. Она улыбнулась Тони и помахала ему. – Пойдемте, давайте поздороваемся.

Сердце Сиси гулко билось в груди, когда женщина подошла к ограждению, отделявшему прибывающих пассажиров от тех, кто приехал встречать их. Бриджит остановилась перед ними и сдвинула на макушку огромные солнечные очки.

– Как дела, куколка? Я уже соскучился без тебя. – Тони поцеловал ее над оградой. – Слушай, пока ты была в отъезде, меня посетили две юные дамы. Они приехали, поскольку думали, что Мерри все еще находится на острове. Бридж, это Сиси и Крисси.

«Возможно, я просто разнервничалась, – подумала Сиси, – но она изменилась в лице, когда Тони сказал, кто мы такие. Это ей не по нравилось».

– Добрый день, – сказала Бриджит с натянутой улыбкой.

– Они хотели узнать, носила ли Мерри кольцо с изумрудом, пока гостила у нас, – продолжал Тони. – Я сказал, что носила. Я оказался прав, для разнообразия?

– Я не запоминаю такие подробности, дорогой, – ответила Бриджит и опустила на глаза солнечные очки.

– Кажется, я слышал, как вы болтали между собой, что у вас похожие кольца.

– Думаю, тебе показалось или ты перепил в тот вечер, Тони. Потому что я не помню никакого разговора о кольцах.

– Но...

– Ну а теперь мне лучше пройти через таможенный контроль. Пожалуй, они могут задержать меня с таким количеством сумок из Сиднея. Приятно было познакомиться с вами, – сказала она девушкам, потом повернулась к Тони и подчеркнуто добавила: – А с *тобой* мы встретимся у выхода.

Тони озадаченно посмотрел на подруг.

– Вам тоже лучше поторопиться, потому что посадку на ваш рейс могут объявить в любой момент, – сказал он.

– Мы можем обменяться номерами? – попросила Сиси, доставая свой мобильный телефон.

Тони продиктовал свой номер.

– Было чудесно познакомиться с вами и увидеть кусочек острова, – сказала Сиси. – И большое спасибо за гостеприимство.

– Да, мне тоже было приятно. Если решите вернуться сюда, обязательно загляните к нам, ладно?

– До свидания, Тони, и еще раз спасибо!

– Ох, ничего себе, – произнесла Крисси, когда они вошли в зону безопасности и она выкатила тележку с липкой этикеткой, сообщавшей пассажиру, что данное средство предназначается для транспортировки наполнителя для кошачьего туалета.

– Да уж, – отозвалась Сиси, когда они прошли через сканер и начали собирать свои вещи. – Бриджит была не слишком рада видеть нас, а?

– Определенно не рада, – сказала Крисси.

– Интересно почему, – задумчиво произнесла Сиси. – Что она знает такого, чего не знаем мы?

– В данный момент практически все, – ответила Крисси, когда они подошли к очереди на посадку.

5

Атлантис

– Тебе звонят, – сказала Клавдия и передала трубку Майе. – Это Сиси.

– Алли! – позвала Майя, повернувшись к веранде, где ее сестра сидела на солнце и заканчивала завтрак. – Привет, Сиси, – сказала она, когда Алли вошла и они сблизили головы возле трубки. – Где ты?

– Мы в Сиднее. Собираемся зарегистрироваться на рейс в Лондон, но я решила позвонить тебе перед отлетом и ввести в курс дела.

– Вы нашли ее?

– Ну, мы встретились с Мэри-Кэт Макдугал. Мы думаем, что она может быть потерянной сестрой, поскольку она сказала, что ее удочерили, а это согласуется с нашей общей историей. Кстати, ей двадцать два года, и это тоже соответствует ожиданиям.

– Фантастика! – прошептала Алли.

– Как насчет кольца с изумрудом? – спросила Майя. – Она узнала его?

– Пожалуй, да. Если это то самое кольцо, то она получила его в подарок от матери на двадцать первый год рождения.

– Вот это да! – воскликнула Алли. – Наверное, ты все-таки *нашла* ее! Ты видела кольцо?

– Нет, мы не видели, поскольку ее мама, которую тоже зовут Мэри – хотя она предпочитает прозвище Мерри, – попросила у Мэри-Кэт это кольцо на время путешествия. Фактически мы умудрились дважды разминуться с Мерри; первый раз всего лишь на пару дней, а во второй раз... Мы с Крисси обсудили это дело, и нам хотелось бы знать, не покинула ли Мерри остров Норфолк на сутки раньше, чем собиралась, потому что узнала о нашем приезде.

– Остров Норфолк? Где это? – спросила Майя.

– В южной части Тихого океана, между Новой Зеландией и Австралией, – сказала Сиси. – Живописный островок, но он застрял в прошлом, и телефонный сигнал почти не проходит. Мэри-Кэт сообщила, что ее мама отправилась туда, чтобы повидаться со своей лучшей подругой Бриджит. Поэтому мы направились туда, но оказалось, что она уже уле тела.

– Проклятие! – пробормотала Алли. – Значит, сейчас она в Сиднее?

– Нет. Судя по таблице отбывающих рейсов, ее самолет только что улетел в канадский Торонто. А мы хотим посоветоваться: стоит ли нам ехать в Лондон, как было запланировано?

– Я совсем запуталась, – вздохнула Алли. – Но если она улетела, то да, разумеется. Вы уверены, что она направилась в Торонто?

– Да. Я только что связалась с ее дочерью Мэри-Кэт, и она подтвердила, что это следующая остановка в графике Мерри. Она сказала, что постарается выяснить, где остановилась ее мама. Мне жаль расстраивать тебя, Алли, но мы старались, как могли.

– Не глупи, Сиси. Вы с Крисси проделали фантастическую работу, так что спасибо вам.

– Думаю, мы на верном пути, но все равно нужно увидеть это кольцо, – сказала Сиси. – Слушай, нам пора регистрироваться на рейс, но у меня есть еще новости для тебя. Например, Мерри родилась в Ирландии, а у Мэри-Кэт есть брат, и...

– Лучше иди на регистрацию и позвони нам после посадки, – посоветовала Алли. – Спасибо за твои старания и находки.

После окончания разговора Алли и Майя обменялись взглядами и вышли на веранду.

– Итак... Что ты думаешь об этом? – спросила Майя.

– Дай-ка я принесу ручку и блокнот, чтобы записать ее слова, пока мы не забыли. – Алли метнулась на кухню, а когда вернулась, то сразу начала записывать. – Первое: у нас есть двадцатидвухлетняя девушка по имени Мэри-Кэт. Второе: мы установили, что кольцо с изумрудом, вероятно, принадлежало ее матери. Дочь получила кольцо в подарок, когда ей исполнился двадцать один год.

– Третье, и, возможно, наиболее важное: мы знаем, что Мэри-Кэт удочерили, – вставила Майя.

– Четвертое: ее маму тоже зовут Мэри, хотя она предпочитает прозвище Мерри, – продолжила Алли. – Пятое: у Мерри сейчас находится то самое кольцо с изумрудом, которое нам нужно увидеть для подтверждения.

– Сиси еще сказала, что у нее есть брат...

Алли записала и это, потом немного подумала и написала «Торонто».

– Итак, кого мы пошлем в Торонто, если узнаем, где остановилась Мерри? – спросила она.

– Думаешь, стоит попробовать?

– А ты?

Майя устремила взгляд на дорожку, ведущую к саду Па Солта.

– Имя Меропы было выгравировано на одной полосе армиллярной сферы вместе с нашими именами, – сказала она. – Па не стал бы этого делать, если бы ее не существовало, правда?

– Если только он не выдавал желаемое за действительное. Но особенно важно, что Георг верит в ее существование. По его словам, он получил эти сведения от Па Солта незадолго до его смерти. Он сказал, что ее зовут Мэри Макдугал и что она живет на семейной винодельне в Новой Зеландии; теперь мы знаем, что это правда. И у нее *есть* необычное кольцо с изумрудом. Мэри-Кэт думает, что узнала его по картинке, но...

– Возможно, у Георга есть более подробная информация. Давай позвоним ему, ладно? – предложила Майя.

Алли пошла на кухню и набрала номер офиса Георга. Через несколько секунд ее приветствовал жизнерадостный голос его секретарши.

– Добрый день, Жизель, это Алли Деплеси. Георг у себя?

– Добрый день, мадемуазель Деплеси. Мсье Гофман отлучился по делам.

– О, понятно. Когда он вернется?

– Простите, я не знаю, но он просил заверить вашу семью, что вернется вовремя для совместного выхода в море в конце этого месяца.

– Вы не могли бы передать ему сообщение? – спросила Алли. – Это срочно.

– Сожалею, мадемуазель Деплеси, но я не могу связаться с ним до его возвращения. Он обязательно позвонит вам, как только вернется. *Au revoir*.

Жизель повесила трубку, прежде чем Алли успела ответить. Алли вернулась на веранду, растерянно качая головой.

– Майя, Георг пропал.

– Что значит «пропал»?

– Секретарша говорит, что он уехал по вызову и она не может с ним связаться. Очевидно, он не вернется до нашей церемонии выхода в море.

– Он занятой человек, и Па Солт не был его единственным клиентом.

– Разумеется, но он может владеть нужной для нас информацией, – сказала Алли. – И в последний раз, когда он был здесь, он уехал в большой спешке. Все, что у нас есть, – это имя и рисунок кольца. Что ж, полагаю, нам придется продолжать без него.

– То есть попытаться найти маму Мэри-Кэт в Канаде? – спросила Майя.

– По крайней мере, мы можем попробовать. Что нам терять?

– Пожалуй, нечего, – согласилась Майя. – Но кого мы отправим в Торонто?

– Ближайшая из наших сестер – Электра, но мне нужно посмотреть, как далеко от Торонто до Нью-Йорка, – ответила Алли.

– Думаю, недалеко, – сказала Майя. – Спросим Электру, сможет ли она поехать в ближайшие дни, но я знаю, что репортеры все еще осаждают ее после недавнего концерта в пользу Африки. Возможно, у нее не найдется времени. Вчера, когда я была в Женеве, ее лицо красовалось на страницах всех газет.

– Она определенно умеет завоевывать внимание, да?

– Честно говоря, Алли, она произвела гораздо лучшее впечатление после того, как выписалась из реабилитационной клиники. Не думаю, что ее речь на концерте была лишь попыткой привлечь к себе внимание. Она всерьез хочет помогать людям с пагубными привычками, и если она будет пользоваться своей славой для благих целей, то это чудесно, не правда ли? Она станет вдохновляющей ролевой моделью.

– Ну да, конечно, – зевнула Алли. – Извини, за последние недели я стала брюзгливой, как старуха.

– Это из-за постоянной усталости, – утешила ее Майя.

– Наверное. Я думала, что после всего, что мне пришлось пережить за мою яхтенную карьеру, роль матери-одиночки будет простым делом, но знаешь что? Это самое трудное, что мне приходилось делать.

– Все говорят, что после первых месяцев становится легче, и, по крайней мере, следующие несколько недель у Бэра будет масса тетюшек, готовых позаботиться о нем.

– Знаю, и Ма замечательно поддерживает меня. Просто иногда...

– Что?

– Я заглядываю в будущее и вижу себя одинокой, – призналась Алли. – Не могу представить, что я смогу так же сильно полюбить кого-то, как любила Тео. Да, мы совсем недолго были вместе – так все говорят, когда пытаются утешить меня, – но мне это казалось вечностью. И... – Алли покачала головой, и по ее бледным щекам побежали слезы.

– Мне так жаль, дорогая. – Майя бережно обняла младшую сестру. – Нет смысла говорить тебе, что время лечит, что ты молода и, конечно же, у тебя есть будущее, хотя сейчас ты не видишь его. Но оно есть, я обещаю.

– Может быть, но я все время чувствую себя виноватой. Мне следует быть счастливой, потому что у меня есть Бэр. Разумеется, я всей душой люблю его, и, конечно, он самое лучшее, что у меня есть, но... мне так не хватает Тео. Извини, извини... обычно я не довожу дело до слез.

– Знаю, Алли, но иногда хорошо выпустить чувства наружу. Ты очень сильная; во всяком случае, гордость не позволяет тебе быть слабой, но у каждого есть свой предел прочности.

– Думаю, мне просто нужно как следует выспаться. Даже когда Ма дежурит в ночную смену, я все равно просыпаюсь, если слышу плач Бэра.

– Пожалуй, мы сможем устроить тебе короткий отпуск. Мы позаботимся о Бэре, не сомневайся в этом.

Алли с ужасом посмотрела на Майю.

– Какая мать может «уйти в отпуск» от своего младенца?

– Та, которая может себе это позволить, – прагматично отозвалась Майя. – Если оглянуться в прошлое, то молодые мамы не полагались на своих мужей; у них было множество родственников, которые поддерживали их. У тебя же не было никакой поддержки с тех пор, как ты переехала в Норвегию. Пожалуйста, Алли, не доводи себя до предела. Я знаю, как тяжело устраивать жизнь в новой стране, а ведь я хотя бы говорю по-португальски и могу нормально общаться с бразильцами.

– Я пробовала учить норвежский, но это очень трудный язык. В моей женской консультации были славные молодые женщины, которые немного говорили по-английски, но после того, как у всех появились дети, наши пути разошлись. У них есть свои семьи, понимаешь? А у меня закрадывались мысли, не была ли ошибкой сама мысль о переезде туда. Было бы замечательно, если бы я играла в оркестре и занималась другими делами, но пока что я просто застряла непонятно где вместе с Бэром. – Алли жестко провела ладонями по глазам. – Господи, мне еще только жалоб не хватало.

– Ты не жалуешься, а принятые решения всегда можно пересмотреть. Наверное, эти несколько недель в Атлантиде, а потом возвращение в твой любимый океан дадут тебе какое-то время для размышлений.

– Да, но куда мне податься? То есть я люблю Ма и Клавдию, но не думаю, что смогу навсегда вернуться в Атлантиду.

– И я тоже, Алли, но в мире есть и другие места. Не обязательно замыкаться в своей раковине.

– Стало быть, ты думаешь, что я должна наугад ткнуть булавкой в карту и отправиться туда, куда она укажет? Нет, так не годится. У тебя есть гигиенические салфетки?

– Вот, возьми. – Майя сунула руку в карман джинсов и протянула упаковку. – В общем, тетя Майя советует тебе немного вздремнуть, и позволь сегодня ночью мне с Ма поухаживать за Бэром. У меня все равно бессонница после долгого перелета. Правда, Алли: я думаю, что

у тебя в голове все смешалось от усталости. Очень важно, чтобы ты немного отдохнула перед приездом остальных сестер.

– Ты права, – вздохнула Алли. Она сняла с запястья резинку для волос и собрала свои локоны в узел на затылке. – Ладно, я принимаю твоё предложение. Вставлю затычки для ушей и постараюсь не обращать внимания на младенческие вопли.

– Почему бы тебе не прилечь в одной из свободных спален под нами, на этаже Па Солта? Там ты не услышишь, если Бэр начнет плакать. А я пока что проверю расписание рейсов из Нью-Йорка до Торонто, а потом позвоню Электре и узнаю, сможет ли она отправиться в Канаду.

– Хорошо, тогда я пошла спать. Бутылочки Бэра стоят в холодильнике, если они тебе понадобятся; сменные подгузники лежат в тумбочке, и...

– Я знаю, как все устроено, – ласково отозвалась Майя. – А теперь иди и поспи.

* * *

Когда Майя выяснила, что Торонто находится в двух часах полета от Нью-Йорка, она взяла мобильный телефон и позвонила Электре. Она не ожидала ответа, поскольку в Нью-Йорке было раннее утро, поэтому удивилась, когда услышала голос сестры на другом конце линии.

– Майя! Как твои дела?

«Даже по телефону она теперь отвечает не так, как раньше», – подумала Майя. Раньше Электра никогда не интересовалась *ее* делами.

– Немного сбилась с часовыми поясами после перелета, но прекрасно побывать в Атлантике и встретиться с Ма, Клавдией и Алли. А как дела у тебя, мисс Мировая Суперзвезда?

– Боже мой, Майя! Я никогда, никогда не ожидала, что моя речь получит такую поддержку. Такое ощущение, как будто все газеты и телеканалы в мире хотят получить интервью со мной. Мириам, – помнишь мою ассистентку? – пришлось нанять временную секретаршу, чтобы помогать ей. Я... это ошеломительно.

– Разумеется, но тому есть причина, верно?

– Да. Моя бабушка Стелла просто потрясающая. Она ведет массу дел, связанных с благотворительностью. По ее словам, у нас уже достаточно пожертвований для создания *пяти* центров социальной помощи, и целая куча благотворительных фондов предлагает мне вступить в их советы и быть их представителем. Но самое главное, со мной связались люди из ЮНИСЕФ⁴ и спросили, не хочу ли я стать всемирным послом этой организации. Стелла очень гордится этим, а мне приятна ее гордость.

– Звучит фантастически, Электра, но ты этого заслуживаешь. Ты даришь подлинное вдохновение людям, которые борются с проблемами зависимости, как пришлось бороться тебе самой. Только смотри, чтобы у тебя не произошел рецидив из-за такого сильного давления.

– Не беспокойся, никаких рецидивов. Это давление бодрит, а не расстраивает, если ты меня понимаешь. Я чувствую себя необыкновенно оживленной. И Майлз тоже молодец.

– Майлз... Это парень, с которым ты была в реабилитационной клинике?

– Да, и... в общем, мы очень сблизились за последние несколько недель. В сущности, я думаю, что если у него найдется свободное время, то я привезу его с собой в Атлантику. Он классный юрист, так что я смогу послать его в бой, если понадобится сражаться за свой угол против вас, дорогие сестрицы.

Электра хохотнула. Это был радостный, настоящий смех, которого Майя не слышала от нее уже долгие годы.

⁴ ЮНИСЕФ – чрезвычайный фонд помощи детям при ООН.

– Если кто-то в нашей безумной семейке может сражаться за свой угол, это ты, Электра. Но, разумеется, Майлз будет желанным гостем. Думаю, все кого-то привезут с собой, кроме Алли. Ее брат Том не может приехать, поскольку сейчас он гастролирует с Бергенским филармоническим оркестром.

– Во всяком случае, у нее есть Бэр.

– Да, но сейчас у нее довольно унылое настроение.

– Да, я поняла это по нашему недавнему телефонному разговору. Ничего, мы все будем рядом, чтобы подбадривать ее, и посидим с ребенком в случае необходимости. Так ты просто позвонила, чтобы узнать, как мои дела, или есть другая причина?

– На самом деле и то и другое. Ты читала электронное письмо, которое Алли послала тебе, Тигги и Стар?

– Не читала, но ты сама понимаешь, что я находилась в полном цейтноте. Даже Мириам еще не успела разобраться с делами. О чем там написано?

Майя постаралась как можно лаконичнее описать события, произошедшие после внезапного визита Георга тем поздним вечером после концерта в пользу Африки.

– ...И теперь мы знаем, что мать Мэри-Кэт по прозвищу Мерри улетела в Торонто. При ней находится кольцо с изумрудом, которое Георг описал как доказательство для определения потерянной сестры. Мы еще посмотрим, сможем ли получить адрес Мерри в Канаде, но если сможем... Мне очень неловко обращаться с просьбой, когда ты так занята, но не могла бы ты потратить один день, чтобы слетать в Канаду и встретиться с ней? Рейс из Нью-Йорка до Торонто занимает лишь час сорок минут, поэтому...

– Уверена, что смогу, Майя. Да что там, я буду только рада возможности поскорее выбраться из города. Возьму с собой Мириам; она отлично умеет получать информацию от людей.

– Отлично, Электра! Надеюсь, мы скоро выясним, где она остановилась, и тогда я свяжусь с собой.

– Думаешь, это действительно может привести нас к потерянной сестре?

– Точно не знаю, но Георг вполне уверен в своей информации.

– Было бы великолепно, если бы мы смогли заполучить ее к себе, чтобы она смогла возложить венок вместе с нами. Па Солт был бы счастлив.

– Да, и с твоей помощью мы можем этого добиться. Ну, ладно; я понимаю, что у тебя впереди трудный день, так что мне пора откланяться. Еще раз прими мои поздравления, младшая сестричка.

– Спасибо, о, старшая сестра. Дай знать, если получите нужный адрес, и до скорой встречи!

Повесив трубку, Майя вышла из дома и направилась к павильону, где закрыла за собой дверь. Хотя она решила спать в своей детской комнате в главном доме, чтобы быть ближе к Алли, ее старый дом здесь, здесь она так долго жила в одиночестве, уже будучи взрослой. Павильон был отмыт дочиستا и проветрен Клавдией. Именно здесь они разместились с Флориано и Валентиной после приезда. Майя прошла в спальню и открыла ящик с нижним бельем. Пошарив на дне, она достала то, что искала.

Да, это по-прежнему находилось здесь. Майя спрятала предмет обратно и опустилась на кровать. Она подумала о недавних словах Алли, которая чувствовала себя виноватой из-за уныния, когда ей следовало быть счастливой. Отчасти это было справедливо и для Майи, поскольку нечто давно желанное наконец свершилось. Но в то же время это произвело странную метаморфозу в ее мозге, который как будто вознамерился извлекать болезненные события из ее прошлого...

Когда она заставила себя встать, то решила, что рада оказаться вдали от Флориано, получить некоторое время для работы над своими мыслями и чувствами, прежде чем собраться для разговора с ним.

– Не надо спешить, – прошептала она, обводя взглядом комнаты, где так долго жила. От осознания того, что она пряталась здесь от окружающего мира, словно раненое животное, к ее глазам подступили слезы. Атлантис был надежной, уютной вселенной, почти лишенной повседневных проблем. Теперь ей лишь хотелось воссоздать это чувство и ощущение, что Па Солт находится за соседней дверью, потому что она была напугана...

6

Мэри-Кэт Гиббстон-Вэлли, Новая Зеландия

Дождь хлестал в окна, а в долине завывал ветер, и я наконец махнула рукой на стихи для новой песни, которую пыталась сочинять на синтезаторе. Вчера мы с Флетчем работали вместе в гостиной, пока снаружи бушевала гроза.

– Пора бы разжечь камин, подружка, – сказал Флетч. – Зима уже здесь.

Я тяжело сглотнула, поскольку ритуал зажигания первого огня перед наступающей зимой всегда проводила *только* мама. Но сейчас ее здесь не было, как не было и отца или Джека...

Тогда я напомнила себе, что мне уже двадцать два года и я должна вести себя как взрослая. Поэтому я попросила Флетча сделать фотографию, отец таким образом всегда отмечал это ежегодное событие, как другие семьи делают фотографии на дни рождения или на Рождество. И разожгла камин.

Во второй половине дня, когда Флетч уехал в Данидин (ему понадобилось завести «Сисси» от внешнего аккумулятора), я решила усовершенствовать стихи, с которыми возилась раньше. Флетч отлично поработал над мелодией, но обозвал мою лирику «депрессивной». Впрочем, он был прав. Не знаю, то ли мне было одиноко, то ли я пребывала в общей растерянности после того, как Сиси и Крисси отправились искать маму на остров Норфолк, но с творчеством у меня ничего не клеилось.

– Что ты думаешь об этих девушках, а? – спросил Флетч за бутылкой вина. – Они могут оказаться связующим звеном с твоей давно потерянной семьей, и они выглядят шикарно, не говоря о деньгах, раз у них есть яхта на Средиземном море.

– Не знаю, что и думать. Я не соврала, когда сказала им, что никогда не думала искать моих биологических родителей. Моя фамилия – Макдугал, – твердо добавила я.

Но теперь, когда я осталась наедине со своими мыслями и шатаниями по дому, полному воспоминаний об отце, вопрос о биологических родителях не шел у меня из головы.

Я раздраженно взяла дисгармоничный аккорд на синтезаторе и посмотрела на часы. Наступила полночь, и это означало, что в Торонто наступило утро.

«Тебе нужно поговорить с ней...»

Совладав с нервозностью, я потянулась к домашнему телефону, чтобы набрать номер мамы. *«Наверное, она все равно не ответит»*, – успокаивала я себя.

– Здравствуй, милая, это ты? – Мама ответила после второго гудка. Ее голос звучал устало.

– Привет, мама. Где ты?

– Только что зарегистрировалась в отеле «Рэдисон» в Торонто. У тебя все в порядке?

– Все хорошо, – сказала я. – Слушай, ты получила мое позавчерашнее сообщение о двух девушках, Сиси и Крисси, которые хотели встретиться с тобой?

– Да, получила. – Последовала пауза, а потом мама добавила: – К сожалению, когда они прибыли на остров, я уже улетела в Сидней вместе с Бриджит. Какое у тебя впечатление от них?

– Честно говоря, они довольно милые и вежливые. Флетч был здесь, и мы пообедали все вместе. Похоже, они искренне хотят найти эту потерянную сестру, как они ее называют. В сообщении я объяснила...

– Они говорили, что работают вместе с другими людьми? – перебила мама.

– Да, если ты имеешь в виду других сестер, помогающих найти тебя. Сиси сказала, что их еще пятеро, кроме нее. И все они приемные дети вроде меня. Э-э-э, мама...

– Да, милая?

Я закрыла глаза и сделала глубокий вдох.

– Мама, мне раньше ничего не хотелось знать о моих... биологических родителях, но после их вопросов я начала думать, что, возможно, мне *стоит* что-то узнать про них.

– Разумеется, дорогая, я понимаю. Пожалуйста, не смущайся говорить об этом.

– Я люблю тебя, папу и Джека больше всех на свете, и вы – моя *настоящая* семья, – быстро сказала я. – Но мы с Флетчем поговорили об этом, и, думаю, будет полезно кое-что узнать о другой стороне моей жизни. Ох, мамочка, я не хочу расстраивать тебя... – Мой голос прервался, и я всем сердцем пожелала, чтобы мама была рядом и обняла меня, как она всегда делала в такие моменты.

– Все нормально, Мэри-Кэт, правда. Послушай, давай посидим вместе и обсудим это, когда я вернусь домой. Ладно?

– Да, спасибо. Это будет замечательно.

– Эти девушки больше не связывались с тобой?

– В общем... я коротко поговорила с Сиси по телефону, но на самом деле они хотят увидеть то самое кольцо с изумрудом, которое ты подарила мне на двадцать первый день рождения. У них был рисунок кольца.

– Ты написала мне об этом. Они сказали, откуда у них рисунок?

– Судя по всему, от их юриста. Мама, с тобой все в порядке? Твой голос звучит как-то странно.

– Все в полном порядке, Мэри-Кэт; просто я беспокоюсь за тебя. Флетч все еще с тобой?

– Нет, он уехал во второй половине дня.

– Ладно, а Дуг где-то рядом?

– Да. Он с корчевщиками расположился во флигеле. Я в полной безопасности.

– Отлично. Но больше не пускай в дом незнакомых людей, ладно?

– У вас с папой двери всегда были открыты, – возразила я.

– Знаю, милая, но ты там совсем одна. Это другое. Ты уверена, что не хочешь прилететь в Торонто и присоединиться ко мне?

– Откуда такая тревога, мама? Вы с отцом всегда называли нашу долину самым безопасным местом на земле. Ты пугаешь меня!

– Извини, извини. Мне просто не нравится, что моя девочка осталась совсем одна. Будь на связи, хорошо?

– Конечно. Да, и еще... – Я тяжело сглотнула, потому что нужно было задать еще один трудный вопрос: – Скажи, я могу проверить свое удочерение в Новой Зеландии?

– Да. Документы были оформлены в одном из агентств Крайстчерча, «Грин и...» кто-то еще.

– Спасибо, мама. Ладно, мне пора ложиться в постель. Люблю тебя!

– Я тебя тоже, дорогая. И, пожалуйста, будь осторожна.

– Буду. До свидания.

Я положила телефонную трубку и тяжело опустилась на диван. Голос мамы звучал странно и напряженно; это было совсем не похоже на нее. Хотя она вроде бы не возражала насчет связи с моей предполагаемой биологической семьей, на самом деле ей это не нравилось.

«Она предложила поговорить об этом, когда вернется домой...»

– Но когда это будет? – спросила я вслух в пустой комнате. С учетом всех стран, которые она собиралась посетить, могли пройти месяцы до этого разговора, но теперь, когда искра вспыхнула, мне не терпелось узнать ответы. Я собиралась завтра позвонить Сиси и сказать, что мама остановилась в «Рэдисоне». Если они смогут опознать кольцо, это откроет дверь в мое прошлое, даже если мама этого не хочет.

Когда я пришла к решению, то встала и включила старый компьютер. Пока он грузился, я нетерпеливо притопывала. Я открыла браузер и перешла в Google.

«Грин и... агентство по усыновлению, Крайстчерч, Новая Зеландия», – набрала я в поисковой строке.

Потом затаила дыхание и нажала клавишу ввода.

7

Атлантис

– Никогда не думала, что скажу это, но сон – великое дело, – объявила Алли, когда присоединилась к Майе за поздним завтраком на кухне. – Ты снова бледная как полотно. Надо полагать, сама ты почти не спала?

– Да. – Майя пожала плечами. – Просто никак не могу привыкнуть к смене часовых поясов.

– Все уже должно было прийти в норму, ведь ты приехала четыре дня назад. Уверена, что с тобой все в порядке? Живот не беспокоит?

– Немного, но это пройдет.

– Возможно, тебе стоит отправиться к доктору Краузе в Женеву и пройти осмотр.

– Я так и сделаю, если мне не станет лучше в ближайшие два дня. Так или иначе, я рада, что тебе удалось поспать, Алли. Ты словно преобразилась.

– Я чувствую это. Кстати, а где Его Величество?

– Ма взяла его на прогулку в сад. Помнишь, как она была помешана на том, чтобы все мы в детстве чаще находились на свежем воздухе?

– Помню. И как я не любила нарезать круги в саду, толкая перед собой ту здоровенную коляску и пытаюсь заставить Электру или Тигги хотя бы ненадолго заснуть!

– Кстати, о Тигги, – сказала Майя. – От нее и Стар так и не было вестей с тех пор, как ты послала им электронное письмо насчет потерянной сестры. Ты что-нибудь слышала?

– Нет, хотя Сиси говорила, что сказала об этом в беседе со Стар... Ну, и ты знаешь, какое качество связи там, где живет Тигги. Возможно, она еще даже не получила письмо. Я просто не понимаю, как люди могут жить в такой изоляции от остального мира.

– Но ты же была отрезана от мира, когда ходила под парусом?

– Да. Однако больше двух дней без контактов с окружающими я оказывалась очень редко. Обычно поблизости находился удобный порт, где я могла принимать текстовые сообщения и электронные письма.

– Ты и впрямь компанейский человек, да, Алли?

– Я никогда особенно не задумывалась об этом, – рассеянно сказала Алли и уселась за стол с чашкой кофе в руке. – Пожалуй, ты права.

– Возможно, поэтому тебе так тяжело жить в Норвегии; у тебя там мало знакомых, и даже если они есть, тебе трудно общаться с ними.

Алли уставилась на Майю, потом кивнула:

– Знаешь что? Ты опять права. Я привыкла жить там, где меня окружало множество людей. Сначала с сестрами в Атлантисе, потом с членами команды в тесных каютах. Когда я остаюсь одна, мне становится не по себе.

– Да. А мне как раз нравится побыть в одиночестве.

– У нас с тобой совершенно разный жизненный опыт, – заметила Алли. – Мне недавно пришлось привыкнуть к одиночеству, а ты после стольких лет одинокой жизни здесь теперь имеешь Флориано и Валентину, которые живут с тобой.

– Да, и мне было трудно приспособиться к этому, особенно потому, что наша маленькая квартира находится в центре многолюдного города. Поэтому мне так нравится выезжать на *фазенду* – на ту ферму, которую я унаследовала. Там я могу обрести волю и покой, а без этого кажется, будто начинаешь сходить с ума. Мы надеемся приобрести квартиру попросторнее, когда позволит заработок.

– Кстати, о заработке, – сказала Алли. – Я собираюсь побеседовать с Георгом после его возвращения, поскольку у меня почти закончились деньги. Я не работаю уже несколько месяцев и полагаюсь на тот малый доход, который получаю из трастового фонда. Все мои сбережения и деньги от продажи яхты Тео были потрачены на реконструкцию дома в Бергене, но деньги из фонда не покрывают все необходимые расходы, поэтому я собираюсь попросить Георга о выделении немного большей суммы. Сейчас я чувствую себя неуютно из-за этого, наверное, из-за гордости, поскольку раньше я всегда могла обеспечивать себя.

– Я знаю, Алли, – тихо сказала Майя.

– У меня нет выбора, если только я не продам тот старый сарай, который Тео оставил мне на греческом острове под названием «Гдетотам». Кроме того, сарай никто не купит, если его не отремонтировать – на что у меня нет средств, – и я должна постараться сохранить его для Бэра.

– Ну конечно.

– Я даже не представляю, сколько денег нам оставил Па Солт, – сказала Алли. – А ты?

– Тоже. Те несколько дней после смерти Па промелькнули как одно мгновение, и я не помню, что именно Георг говорил о финансах, – призналась Майя. – Думаю, после нашего общего возвращения из морского круиза на Делос будет полезно расспросить его об устройстве фонда, чтобы мы ясно понимали, какими средствами мы располагаем и для чего мы можем их использовать.

– Да, это будет здорово, и все-таки мне очень неловко впервые обращаться к нему за помощью. Па учил нас стоять на собственных ногах, – вздохнула Алли.

– С другой стороны, когда родитель... умирает, то дети получают оставшиеся деньги по завещанию и вольны тратить эти средства по своему усмотрению, – сказала Майя. – Нам нужно понимать, за что мы сейчас отвечаем. Это наши деньги, и не нужно бояться расспрашивать о них. Георг не является нашим нравственным ориентиром, в отличие от Па Солта. А он учил нас не злоупотреблять тем, что нам повезло иметь. Положение матери-одиночки – это одна из весомых причин для обоснования финансовой поддержки, Алли. Если бы Па был жив, он бы сказал то же самое.

– Ты права. Спасибо, Майя. – Алли протянула руку сестре. – Знаешь, я очень скучала по тебе. Ты всегда была успокоительным гласом рассудка. Жаль только, что ты живешь так далеко.

– Надеюсь, однажды вы с Бэром приедете в Бразилию. Это потрясающая страна, и...

Зазвонил телефон, и Алли вскочила, чтобы взять трубку.

– Алло, это Алли Деплеси. Кто-кто? Ох, здравствуйте, Мэри-Кэт! – сказала она и пома-нила Майю к себе. – Очень приятно познакомиться с вами. Сиси подробно рассказала о вашей встрече в Новой Зеландии. Здесь со мной Майя, наша старшая сестра.

– Привет, Мэри-Кэт, – сказала Майя.

– Привет, Майя, – послышался мягкий голос Мэри-Кэт. – Рада познакомиться. Сиси оставила мне этот номер, а поскольку я не могу связаться с ней, то надеюсь, вы не возражаете против моего звонка.

– Конечно, не возражаем. – Алли снова взяла трубку.

– Сиси и ее подруга Крисси хотели узнать, в каком отеле остановилась моя мама после приезда в Торонто. Вчера вечером я поговорила с мамой; она остановилась в «Рэдисоне». У

меня есть точный адрес. – Майя и Алли расслышали нотки волнения в голосе Мэри-Кэт. – Сказать его вам или подождать до связи с Сиси?

– Скажите нам, пожалуйста, – попросила Алли и подхватила ручку и блокнот с кухонного стола рядом с телефоном. – Давайте. – Алли записала адрес и номер телефона. – Спасибо, Мэри-Кэт, это просто фантастика!

– Что вы будете делать? Кто-то полетит, чтобы встретиться с ней?

– У нас есть сестра, которая живет на Манхэттене. Она обещала помочь, а из Нью-Йорка в Торонто лететь совсем недолго.

– Какая у вас интересная семья. Странная, но интересная. – Мэри-Кэт хихикнула. – Упс! Я не хотела показаться грубой...

– Не беспокойтесь, мы привыкли, – сказала Алли. – Сиси наверняка сказала вам: если мы подтвердим, что это *то самое* кольцо, то будет очень здорово, если вы прилетите к нам в конце этого месяца и отправитесь в морской круиз, чтобы почтить память нашего отца.

– Очень мило с вашей стороны, но, боюсь, я не смогу себе этого позволить.

– Все путевые расходы будут оплачены из нашего семейного фонда, – поспешно сказала Алли.

– Хорошо, я подумаю. Так или иначе, давайте посмотрим, сможет ли ваша сестра встретиться с моей мамой и спросить ее насчет того кольца. Просто... маме показалось странным, что Крисси и Сиси вдруг появились у меня на пороге, понимаете? И я еще не сказала ей, что другая сестра хочет встретиться с ней в Торонто. Думаю, что после смерти отца она с большим подозрением относится к незнакомцам.

– Я прекрасно понимаю это, Мэри-Кэт, – дипломатично отозвалась Майя. – Если захотите, мы в любой момент можем прекратить поиски.

– Я совсем не хочу расстраивать ее, но, честно говоря, мне очень хочется знать, окажусь ли я вашей потерянной сестрой. Это нехорошо?

– Нет, вовсе нет. Конечно, для любой приемной матери очень тяжело обнаружить целый набор родственников. Мы виноваты, Мэри-Кэт, мы должны были сначала написать вам, но мы так разволновались, что даже не подумали об этом.

– Я рада знакомству с Сиси и Крисси, но...

– Я обязательно скажу Электре, чтобы она держалась как можно тактичнее.

– Электра... Это шестая сестра?

– Да, – удивленно подтвердила Алли. – А вы разбираетесь в мифологии.

– Так и есть. Я сказала Сиси, что мама изучала античность в университете и довольно сильно увлекалась древнегреческими мифами. Электра – необычное имя, правда? Я знаю только одну Электру, знаменитую фотомоделю. Несколько дней назад я слышала ее выступление по телевизору. Но это не ваша сестра, так?

– Нет, это именно наша сестра.

– Черт! Я имею в виду... вы серьезно? Она... знаете, она всегда была моим кумиром. Она такая красивая и элегантная, а ее недавняя речь говорит о большом уме и сострадании. Думаю, если я встречу с ней, то рухну на месте!

– Не беспокойтесь, мы вас поддержим, – сказала Алли, обменявшись улыбками с Майей.

– Если будете говорить с Электрой, передайте, что я считаю ее потрясающей.

– Хорошо. Возвращаясь к вашим прежним словам, я думаю, что мы должны сообщить вашей маме о возможном завтрашнем визите Электры. Если хотите, я оставлю такое сообщение у администратора отеля.

– Да, это будет хорошо. Спасибо, Майя, и до свидания.

– До свидания, Мэри-Кэт, спасибо, что позвонили.

Майя повесила трубку и несколько секунд смотрела на Алли.

– У нее славный голос, – сказала Майя, когда они вернулись к столу. – И она очень юная.

- Мне она показалась совершенно нормальной.
- Хочешь сказать, мы ненормальные? – улыбнулась Майя.
- Хочу сказать, что мы все разные, как и большинство сестер. И потом, что такое норма?
- Я все равно чувствую себя виноватой перед ее матерью, – вздохнула Майя. – Такая неожиданная встреча дочери с возможными родственницами – тяжелое испытание для материнской психики. Обычно такое происходит по официальным каналам.
- Да, ты права, – согласилась Алли. – Нам нужно было подумать об этом. С нами-то все было по-другому: Па Солт всячески поддерживал поиски наших биологических родителей.
- Это лишь показывает, как замечательно держалась Ма, пока мы искали и находили наших родственников, – сказала Майя. – Ее материнская любовь всегда оставалась с нами, и я не могла бы любить ее сильнее, даже если бы она была моей *родной* матерью.
- И моей, – тихо добавила Алли. – А еще фантастической бабушкой для Бэра.
- Итак... думаешь, Мэри-Кэт – это наша потерянная сестра?
- Кто знает? Но если да, то как Па Солт потерял ее?
- Понятия не имею, и вообще, мне не нравятся подобные разговоры. – Майя покачала головой. – Помнишь, как раньше мы шушукались друг с другом о том, почему он вообще решил удочерить нас? И откуда у него взялась навязчивая идея насчет «Семи сестер»?
- Конечно, помню.
- Тогда мы могли просто спуститься в кабинет Па Солта и задать ему прямые вопросы, но никому из нас не хватило храбрости это сделать. Теперь его нет, и у нас не осталось выбора. Я жалею, что мне не хватило смелости, поскольку теперь мы уже никогда не узнаем. – Майя устало вздохнула.
- Может, и нет, хотя мне кажется, что Георг знает гораздо больше, чем говорит.
- Согласна. Но полагаю, он связан каким-то обязательством о неразглашении тайны своих клиентов.
- У Па Солта определенно было много тайн, – сказала Алли. – Например, тебе известно, что в этом доме есть лифт?
- Что? – ахнула Майя. – Где?
- В коридоре, который отходит от кухни, есть панель, за ней скрывается лифт, – сказала Алли, многозначительно понизив голос. – Тигги узнала об этом, когда задержалась здесь весной после болезни. Насколько я знаю, Ма сказала ей, что Па Солт установил лифт незадолго до своей смерти; ему было трудно подниматься по лестнице, но он хранил это в секрете, потому что не хотел нас тревожить.
- Понятно, – протянула Майя. – Но это не кажется очень уж подозрительным, Алли.
- Нет, но гораздо интереснее, что лифтовая шахта спускается в тайный винный погреб, о котором нам никто не рассказывал! – отчеканила Алли.
- Я уверена, что есть объяснение...
- Когда Электра приезжала в Атлантис несколько месяцев назад, Ма отвела нас туда. И Электра подтвердила находку Тигги, она спустилась в подвал, пока Ма и Клавдия спали наверху: за одной из винных стоек есть тайная дверь.
- А что за дверью?
- Не знаю, – вздохнула Алли. – Я сама спустилась туда, когда не смогла заснуть из-за Бэра; ключ от лифта находится в коробке с ключами на кухне. Я увидела ту дверь, но не смогла сдвинуть винную стойку перед ней.
- Когда мы все соберемся здесь, то посмотрим. Наверное, Георг знает, куда ведет та дверь. Итак, если вернуться к потерянной сестре, теперь мы знаем, где остановилась мама Мэри-Кэт после приезда в Торонто. Давай еще раз позвоним Электре, – добавила Майя и посмотрела на часы. – Там около шести утра, но, надеюсь, это не слишком рано.

На этот раз Электра не ответила на звонок, и Майя оставила ей сообщение с просьбой о срочной связи. Ма вернулась из сада вместе с Бэром, и Алли покормила его, пока сидела на кухне в ожидании звонка от Электры.

– Если хочешь, можешь выйти из дома или подняться наверх, – сказала Ма, когда Клавдия начала готовить ланч. – Я все равно буду возле телефона.

– Пожалуй, если Электра не позвонит в скором времени, – сказала Алли, когда Майя отлучилась в туалет. – Я могу оставить Бэра с тобой? У меня была мысль после обеда вывести «Лазер» на озеро.

– Само собой. Мне будет приятно поухаживать за ним, Алли, а час-другой плавания под парусом только пойдет тебе на пользу. Может быть, Майя присоединится к тебе? – добавила Ма, поглядывая на дверь кухни. – Ей тоже не помешает глотнуть свежего воздуха.

– Может быть, – согласилась Алли. – Мне кажется, ей надо обратиться к врачу, если ее состояние не улучшится в ближайшие два дня.

– Надеюсь, ей станет лучше, когда начнут приезжать ваши сестры. Я хочу, чтобы празднество прошло наилучшим образом.

Алли уловила блеск предвкушения в глазах Ма.

– Я тоже надеюсь на это. Когда все наши девочки вернутся, это будет настоящий праздник.

– Да, но они приедут со своими семьями, и мне нужно позаботиться об их размещении. Как думаешь, супруги не будут возражать против полуторных кроватей в мансардных комнатах или мне нужно будет разместить их в комнатах на отцовском этаже, с двойными кроватями?

Алли и Ма обсуждали этот вопрос, когда Майя вернулась на кухню.

– Есть новости? – спросила она.

– Еще нет, но уверена, что Электра свяжется с нами, как только получит сообщение. Ма интересовалась, не хочется ли тебе подышать свежим воздухом и совершить прогулку по озеру на «Лазере» вместе со мной?

– Спасибо, но не сегодня, – вздохнула Майя. – Мой желудок еще не вполне успокоился.

– Суп готов, – объявила Клавдия со своего рабочего поста. – Будете есть на кухне или на веранде?

– Думаю, на веранде, – ответила Алли. – А ты, Майя?

– Э-э-э... у меня был поздний завтрак, и я не голодна. Думаю, мне лучше подняться наверх и прилечь, пока вы поедите. Увидимся позже.

Когда Майя вышла из комнаты, Алли и Ма обменялись взглядами.

* * *

Когда Бэр был уложен в коляску и отвезен в тенистое место под дубовой кроной, где Ма всегда оставляла младенцев поспать, Алли устроилась рядом с суповой кружкой, но тут зазвонил телефон. Она метнулась на кухню, но Клавдия первой взяла трубку.

– Это Электра?

– Нет, это Стар. – Клавдия протянула трубку и вернулась к мытью посуды.

– Привет, Стар! Как ты там?

– Все нормально, Алли, спасибо.

– Как поживает Мышь? И Рори?

– Тоже хорошо. Извини, что я пока не ответила на твое электронное письмо; мы проводили переучет товара в книжном магазине, и тут был настоящий хаос. И вообще, я решила, что лучше позвонить тебе, а не написать. Кажется, мы разговаривали целую вечность назад.

– Так и есть, – с улыбкой отозвалась Алли. – Но не волнуйся. Значит, ты получила мое письмо?

– Да, и Сиси тоже связалась со мной; мы скоро встретимся в Лондоне. Потрясающая новость, да? Я имею в виду то, что Георг, похоже, нашел потерянную сестру и теперь она сможет возложить венок вместе с нами. Есть еще новости?

Алли рассказала о своей надежде на то, что завтра Электра отправится в Торонто.

– Дай знать, если я смогу что-то сделать со своей стороны. Ничего, если я расскажу об этом Орландо, брату Мыши? Он реально хороший сыщик. – Стар издала смешок. – Должно быть, это из-за новелл Конан Дойля, которые он читает.

– Почему бы и нет? Ты еще не решила, когда приедешь в Атлантик?

– Первым делом я встречусь с Сиси и Крисси в Лондоне, но не смогу улететь в Женеву вместе с ними; Мышь очень занят реставрацией Хайвельда, и мне не хочется надолго оставлять с ним Рори. Мышь будет кормить его чипсами и шоколадками. Школьный семестр Рори заканчивается за день до начала нашего круиза, поэтому я собираюсь прилететь вместе с ним и, надеюсь, вместе с Мышью.

– Тогда держи нас в курсе, потому что осталось уже недолго, хорошо?

– Да, и я жду не дождусь встречи с вами. Боже мой, Алли, сколько всего произошло с нами в прошлом году! И, конечно же, мне не терпится увидеть Бэра. Будь на связи, ладно? А сейчас мне пора идти: я обещала испечь сорок восемь кексов и лимонный торт для завтрашнего школьного праздника Рори.

– Нет проблем, Стар. До скорого, пока!

Алли вышла на улицу, чтобы доест суп, и постаралась не завидовать насыщенной и занятой жизни сестер. Судя по их голосам, все они были совершенно довольны.

«Мне действительно нужно прокатиться по озеру», – подумала Алли.

* * *

Теплый июньский бриз растрепал локоны Алли, когда она вышла на воду. Она полной грудью набрала чистый воздух и медленно выдохнула. С ее плеч, вернее, с ее рук, как будто сняли тяжкий груз. Она оглянулась на силуэт Атлантики, на бледно-розовые башенки, которые выглядывали из-за ряда хвойных деревьев, защищавших их от любопытных глаз.

Резко свернув с пути других моряков, парашютистов и отдыхающих, скопившихся на озере в этот ясный летний день, Алли направила «Лазер» в бухту и улеглась на спину, наслаждаясь ощущением солнечных лучей на лице. Это напомнило ей, как год назад она лежала в объятиях Тео и чувствовала себя счастливой, как никогда.

– Мне так тоскливо без тебя, мой милый, – прошептала она в небо. – Пожалуйста, покажи, как двигаться дальше, потому что я даже не знаю, где теперь мой дом.

* * *

– Привет, – окликнула Майя сестру, когда через два часа Алли вернулась на кухню. – Ты поймала самые солнечные моменты. Ну как, по нравилось?

– Спасибо, это было замечательно. Я и забыла, как люблю выходить на открытую воду. – Алли улыбнулась. – У Бэра все в порядке?

– Ма только что искупала его, и он в полном здравии.

– Отлично, тогда я приму душ, пока есть время. А ты как себя чувствуешь, Майя; тебе лучше?

– Со мной все хорошо, Алли. Да, пока ты не ушла: недавно звонила Электра. Я сообщила ей название отеля в Торонто, и Мириам забронировала частный рейс на завтрашнее утро.

– Вот и прекрасно. До скорой встречи, – сказала Алли и вышла из кухни.

После звонка в отель Мерри, где администратор подтвердила, что она по-прежнему находится там, Майя набрала номер Мириам.

– Добрый день, это Мириам? Я – Майя.

– Здравствуйте Майя, у вас все нормально?

– Все замечательно, я лишь хотела передать, что Мэри Макдугал в ближайшие два дня определенно останется в отеле. Ее не было на месте, но я оставила сообщение, что Электра свяжется с ней для подтверждения времени завтрашней встречи. Впрочем, я не называла имя Электры, чтобы не поднимать лишнего шума.

– Спасибо, тогда я лучше сама позвоню, – ласково отозвалась Мириам. – Вашей сестре не позавидуешь: все хотят поговорить с ней прямо сейчас. Мы с Майлзом считаем, что сейчас ей очень важно распределять свои силы, в конце концов, она лишь недавно прошла курс реабилитации.

– Совершенно верно. Я сказала ей то же самое, хотя, очевидно, у Электры есть другие идеи.

– Вообще-то, она очень спокойно относится к нынешнему положению. Она не хочет снова возвращаться в то темное место. Мы решили выбрать двух надежных журналистов и крупное ток-шоу, где с ней проведут интервью, что даст отличную рекламу для благотворительности, но не будет слишком тягостно для нее.

– Я так рада, что у нее есть вы, Мириам. Спасибо за все, что вы делаете для нее.

– Никаких проблем, Майя. Помимо того, что это моя работа, я просто люблю Электру. Она очень сильная личность, и думаю, она способна на великие дела. Кстати, как полное имя той дамы, с которой мы встречаемся?

– Миссис Мэри Макдугал, также известная по прозвищу Мерри.

– Отлично, – сказала Мириам. – Сейчас я позвоню в отель, постараюсь побеседовать с Мерри и договориться насчет времени и места. Думаю, проще всего будет встретиться в отеле, поскольку он находится рядом с аэро портом Билли Бишоп. Вы знаете, в каком номере она остановилась?

– Боюсь, что нет. Теперь в отелях не сообщают такую информацию о клиентах. Вам нужно будет попросить администратора соединить вас с ее номером.

– Ничего, если я воспользуюсь моим именем вместо имени Электры? Последнее, что нам нужно, – это чтобы кто-то выяснил, куда она собирается. После концерта она еще не появлялась на публике. Мы решили, что она отправится в отель под прикрытием.

– Вот что значит быть всемирной знаменитостью! – хохотнула Майя.

– Что мне сказать, если Мэри будет спрашивать, зачем нужна эта встреча?

– Что вы действуете в интересах сестры Сиси Деллеси, которая посетила Мэри-Кэт на винодельне, и что вы хотите прояснить некоторые вопросы.

– Хорошо. Я подтверждаю бронирование частного самолета, потом постараюсь связаться с ней и перезвоню вам. До свидания, Майя.

– До свидания, Мириам.

Клавдия пришла на кухню в сопровождении Ма и свежеемытого Бэра, переодетого в ползунки.

– Ох, дайте тетушке приласкать его, – проворковала Майя.

– Само собой. – Ма передала ей извивающегося Бэра. – Больше всего я любила купать вас, когда вы все были маленькими.

– Наверное, это потому, что обычно нас купали перед сном, – сказала Майя. – Seriously, Ма: теперь, когда я оглядываюсь в прошлое, то не понимаю, как тебе удавалось справляться с нами.

– Кое-как, но справлялась. – Ма пожала плечами и налила себе стакан воды. – И, если помнишь, вы неустанно развлекали друг друга. Электра завтра собирается в Торонто?

– Да, но не знаю, что из этого получится, – сказала Майя. – Хотя Георг убежден, что Мэри Макдугал является нашей потерянной сестрой и есть кольцо с изумрудом в качестве доказательства, у нас нет других аргументов. А когда я беседовала с Мэри-Кэт, она волновалась, что ее приемная мать будет расстроена и недовольна нашим внезапным появлением в жизни ее дочери.

– Могу представить, – согласилась Ма. – Но Мэри-Кэт сама должна решить, хочет ли она узнать больше, и, похоже, она хочет этого.

– Да. Как думаешь, почему Георг уверен, что это она?

– Мне известно не больше тебя, Майя. Могу лишь сказать, что за все годы моего знакомства с Георгом он никогда не утверждал, что кто-то из объектов его поиска мог оказаться потерянной сестрой. Поэтому сейчас он должен быть уверен в своей правоте.

– А Па Солт за все эти годы что-нибудь говорил тебе о потерянной сестре?

– Иногда. Он говорил, что не может ее найти, и всегда становился грустным.

– А тебе он что-нибудь говорил, Клавдия? – поинтересовалась Майя.

– Мне? – Клавдия оторвалась от овощей, которые она резала на ужин. – Ох, я ничего не знаю. Я вообще не сплетница, – добавила она, и Ма с Майей обменялись улыбками. Обе знали, что Клавдия больше всего любит скандальные журналы, большую кучу которых она прятала под папкой с рецептами, когда кто-то заходил на кухню.

Мобильный телефон Майи снова зазвонил, и она передала Бэра на руки Ма, прежде чем ответить на звонок.

– Привет, Майя, это снова Мириам. Мэри Макдугал не было в номере, но я оставила администратору сообщение о нашем завтрашнем приезде. Я предложила встретиться в фойе в 13:00 и оставила номер своего телефона в надежде, что она перезвонит. Как нам быть, если она этого не сделает?

– Я... честно говоря, не знаю. Не хотелось бы впустую отправляться куда-то, но это возможно.

– Я готова, – сказал голос на заднем плане.

– Минутку, Майя, я передам трубку Электре.

– Здравствуй, – сказала Электра. – Думаю, мы должны поехать, даже если Мэри не откликнется. Смотри, ведь Сиси и Крисси появились без уведомления и получили кучу полезной информации. Кроме того, мы знаем, что Мерри остановилась в отеле. Если ее не будет на месте, мы попросим консьержа сообщить о ее возвращении и посидим в холле, пока она не вернется. Напомни, как она выглядит.

– Судя по фотографии, которую видела Сиси, это красивая миниатюрная блондинка, выглядит лет на сорок. Похожа на актрису Грейс Келли. Ты уверена, что хочешь ехать?

– Эй, не волнуйся; я за день обернусь туда и обратно. Обычно я дважды в неделю летаю черт знает куда. Я дам тебе знать, как продвигаются дела. Думаю, мы обязаны Па Солту хотя бы попыткой поисков потерянной сестры, верно?

– Да, Электра, – сказала Майя. – Думаю, ты права.

8

Электра Торонто, Канада

Шестиместная «Сессна» набирала высоту после вылета из Нью-Йорка. Электра смотрела в иллюминатор и думала о том, как в «былые дни» ей не терпелось поскорее добраться до бара и смешать большую порцию водки с тоником. Это побуждение, успевшее превратиться в привычку, до сих пор остро напоминало о себе, но Электра примирилась с тем, что оно едва ли покинет ее, так что предстоит ежедневная борьба с искушением.

– Ты не возьмешь мне кока-колу? – обратилась она к Мириам, которая сидела перед ней, ближе к бару.

– Само собой. – Мириам расстегнула привязной ремень и пошла открывать маленький холодильник.

– Захвати еще соленых крендельков, ладно? Боже мой, стоило мне покончить с алкоголем, как проснулся аппетит к нездоровой пище. – Электра вздохнула. – Хорошо, что у меня впереди новая карьера, потому что я стану слишком толстой, чтобы элегантно расхаживать по подиуму.

– Послушай, Электра, с виду не скажешь, что ты прибавила хотя бы одну лишнюю унцию. Думаю, у тебя просто очень хороший метаболизм... в отличие от меня. – Мириам опустила на место, указала на свой живот и пожала плечами.

– Возможно, любовь способствует хорошему аппетиту, – сказала Электра, открывая колу. – У вас с Томми все хорошо?

– Думаю, да. Он очень рад работать на тебя и прекрасно выглядит в своих новых костюмах.

На щеках Мириам заиграл легкий румянец.

– Он отличный парень и превосходно квалифицирован для такой работы, с учетом его военного прошлого. Я понимаю, что сегодня мне следовало взять его с собой в качестве телохранителя, но это короткий визит, и никто не узнает меня в такой маскировке. Будет так же, как в тот вечер, когда мы вместе отправились на ужин в Париже, разумеется, без выпивки и наркотиков с моей стороны. – Электра издала смешок. – Ты еще не говорила о Томми своей семье?

– Нет, мы решили действовать аккуратно. Нам некуда спешить, правда? Я просто рада быть рядом с ним, когда предоставляется такая возможность.

– Не могу дождаться, когда станцую на твоей свадьбе, и уверена, что у тебя будут чудесные дети, – сказала Электра. – Мы с Майлзом вчера вечером обсуждали детские имена. Оказывается, у него ужасный вкус: все его предложения насчет мальчиков сводятся к именам его любимых баскетболистов!

– Он хороший человек, Электра, и так бережно относится к тебе. Держись за него, хорошо?

– Конечно, пока он будет держаться за меня. Меня иногда раздражает его юридическое образование, потому что он бывает невыносимо логичным, но все-таки он говорит дело. И знаешь, какой он гордый? Он часто получает дырку от бублика, поскольку регулярно работает на общественных началах, без гонорара. Ты бы видела его квартиру в Гарлеме: она расположена над винной лавкой и размером с половину моего чулана! Я предложила ему купить нормальную квартиру, где мы хотя бы могли вытянуться в полный рост, но он не хочет и слышать об этом.

– Я могу его понять, он не хочет чувствовать себя любовником на содержании, – заметила Мириам.

– А почему для женщины нормально «находиться на содержании»? В чем разница?

Мириам пожала плечами:

– Так уж устроены некоторые мужчины. Честно говоря, это хорошо, что Майлз отказывается пользоваться твоим богатством. Многие бы поступили иначе.

– Это понятно, но я бы хотела воспользоваться своим богатством и купить славный дом или квартиру на Манхэттене. Сейчас у меня есть ранчо в Аризоне, но пройдет время, пока оно будет готово для переезда, и это все равно слишком далеко для настоящего дома. В последнее время я много думала, как важно иметь дом.

– Может быть, это потому, что тебе скоро предстоит вернуться домой. Тебе, наверное, не терпится вернуться в Атлантик и увидеться с сестрами?

– Хороший вопрос. – Электра помедлила с ответом. – На самом деле я не уверена. Они считают меня «трудным ребенком», и я понимаю, что *была* такой, и с этим ничего не поделаешь. Хотя я избавилась от алкоголя и наркотиков, это не значит, что я вдруг отрастила крылья и стала ангелом.

– Если это поможет, то я считаю, что ты совершенно изменилась после того, как выбрала трезвый образ жизни.

– Ты еще не видела меня в обществе сестер. – Электра изогнула бровь. – Особенно рядом с Сиси. У нас с ней всегда возникали... неприятные трения.

– Ты же знаешь, я тоже происхожу из большой семьи и могу заверить тебя: в такой семье всегда есть родственник, с которым всем остальным приходится нелегко. Например, я люблю свою младшую сестру Шез, но она так покровительственно относилась ко мне из-за своей юридической степени, что я просто вцепилась в свою работу.

– Точно, – кивнула Электра. – Ну, и как ты справилась с сестрой?

– Я постаралась понять, почему мы с ней постоянно соперничали. Я хотела быть лучше ее и ничего не могла поделать с этим чувством. Но если я понимаю, почему испытываю эти чувства, значит, могу справиться с собой.

– Наверное, Сиси тоже соперничала со мной, хотя и не в том плане, как ты и Шез. В смысле, она умеет вопить громче меня, но, думаю, я могу закатывать лучшие сцены, – хохотнула Электра.

– Кто знает, насколько вы обе могли измениться за последний год. Судя по тому, что ты рассказала о Сиси, сейчас она гораздо больше довольна своей жизнью. Мне кажется, что многие схватки с нашими родственниками происходят из-за неуверенности в родительской любви и расположении. Мы начинаем жить отдельно от семьи, строить самостоятельную карьеру, начинаем жить с кем-то, кто заботится о нас и кого нам не нужно делить с нашими родственниками. Поэтому мы чувствуем себя сильнее и увереннее.

– Знаешь что, Мириам? В тебе пропадает психоаналитик. Тебе надо было стать семейным консультантом. Думаю, за последние несколько месяцев я узнала от тебя больше, чем от любых психотерапевтов, которым платила кучу денег за их разговоры.

– Что ж, спасибо за комплимент, – улыбнулась Мириам. – Но помни, что ты и мне платишь. Кстати, как насчет того, чтобы обсудить график твоих интервью на следующие несколько дней?

* * *

– Я уже несколько лет не была в Торонто, – заметила Электра, когда они вышли из самолета и были сопровождены к лимузину, ожидавшему на взлетной полосе.

– А я вообще никогда не бывала здесь, – ответила Мириам. – Но слышала, что это замечательный город. Вчера вечером я читала путеводитель; судя по всему, нам нужно успеть на паром, который за пятнадцать минут пересекает озеро Онтарио. Сейчас идут разговоры о подземном тоннеле для пассажиров, желающих совершить прогулку пешком.

– Ты просто кладезь информации, Мириам, – сказала Электра. – Если оглянуться назад, мне жаль, что я никогда не стремилась побольше узнать о тех местах, где проводила фотосессии. Один город сливался с другим, все золотые пляжи как один, понимаешь?

– Не вполне, но могу представить. Смотри, вот и паром. – Мириам указала на узкую полосу воды, отделявшую их от материковой Канады.

– Кстати, ты взяла мою маскировку?

– Разумеется, – кивнула Мириам и полезла в свой объемистый саквояж, напомилавший Электре ковровую сумку Мэри Поппинс, поскольку там неизменно оказывалось все нужное в данный момент.

– Хочешь, я помогу тебе нарядиться? – спросила Мириам, когда лимузин въехал на паром и вырулил на стоянку.

– Да, пожалуйста. Если мы встретимся с этой женщиной в фойе отеля, мне лучше оставаться неузнанной, иначе нас окружают со всех сторон. На деюсь, как только мы отведем Мерри в более уединенное место, я объясню ей, кто я такая на самом деле.

– Вот блузка, которую ты носила в Париже. Можешь надеть ее поверх футболки.

– Спасибо, – сказала Электра, когда натянула блузку через голову и продела руки в широкие рукава. Она наклонила голову к Мириам, и та повязала ей разноцветный шарф, скрепив его булавкой. После того как Мириам немного поработала карандашом для глаз, Электра отодвинулась на место.

– Ну, как я выгляжу?

– Именно так, как нужно. Мы – две мусульманки, которые на выходные собрались на экскурсию в Канаду. Смотри, мы уже выезжаем с парома, – добавила Мириам. – Отсюда лишь две минуты езды до отеля.

Когда они вышли из лимузина перед отелем «Рэдисон», у Электры что-то екнуло в груди. Это было похоже на ощущение пустоты в животе, которое возникало у нее в детстве, когда приходилось возвращаться в частную школу для девочек. «Не нервничай», – прошептала Электра себе под нос, когда они вошли в вестибюль.

– Что теперь? – спросила она.

– Ты садись, а я спрошу консьержа, может ли он позвонить в номер Мерри и сообщить, что мы находимся здесь. Лучше всего устроиться там, где мы сможем видеть вход и лифтовый холл. – Мириам указала пальцем. – Вон с того углового дивана открывается идеальный обзор.

– Ладно, – отозвалась Электра, радуясь присутствию Мириам. Ее помощница всегда знала, что нужно делать, и спокойно оценивала ситуацию. Направившись по сияющему полу фойе к дивану, на который указала Мириам, Электра огляделась по сторонам и убедилась, что никто не обращает на нее особого внимания.

Вскоре Мириам вернулась и села рядом с ней.

– Пока меня никто не заметил, – прошептала Электра.

– Хорошо. Я уверена, что Аллах не будет возражать, если ты время от времени станешь повторять наш символ веры, но если ты захочешь делать это постоянно, тебе придется обратиться в ислам, – заметила Мириам. Электра не могла понять, шутит она или нет. – Так или иначе, консьерж сообщил, что вчера вечером он говорил с миссис Макдугал, а также положил ей под дверь записку с извещением о нашем приезде и ожидании встречи с ней прямо здесь примерно в час дня.

– А знаешь, я никогда не читала бумажки, которые мне подсовывали под дверь, – сказала Электра. – Обычно это счет либо уведомление о том, что горничная не может прийти и убрать твою постель. Консьерж при тебе позвонил в ее номер?

– Да, но она не взяла трубку.

– Тогда, наверное, она не придет.

– Электра, мы приехали на десять минут раньше, так что давай будем оптимистами. Дадим миссис Макдугал шанс, ладно?

– Ладно, ладно. Но если она не выходит, это значит, что она избегает нас.

– Ее дочь Мэри-Кэт думает – и это вполне понятно, – что она совсем не рада визиту потенциальных родственников. Нам нужно быть чуткими, Электра.

– Обещаю постараться. Еще раз напомни мне, как она выглядит?

– По словам Майи, это миниатюрная, стройная женщина средних лет со светлыми волосами. Она похожа на Грейс Келли.

– Ну да, Майя упоминала о Грейс Келли. Что там она сказала?

– Что *она* была одной из самых красивых женщин, когда-либо ходивших по земле. Мой отец долго был влюблен в нее. Давай посмотрим, смогу ли я найти ее фотографию.

Мириам открыла саквояж и достала свой ноутбук. Она ввела пароль для Wi-Fi, полученный от консьержа, и произвела поиск.

– Вот. Ты должна признать, что она была поразительно красивой. Она даже вышла замуж за настоящего принца! Когда это случилось, мой отец был еще подростком, но он до сих пор хорошо помнит свадебную церемонию.

– Действительно красавица, – согласилась Электра. – И моя полная противоположность. Она широким жестом указала на свой рост и темную кожу.

– Значит, эта Мерри не имеет никакой генетической связи со мной, но оттенок ее кожи напоминает мне о Стар... Слушай, давай ты будешь следить за лифтами, а я – за входом.

Они просидели еще около двадцати минут на выбранной позиции, потом Электра встряхнулась.

– Знаешь что? Я голодна как волк.

– Закажем еду? – Мириам взяла меню со стола и изучила его. – Здесь у них нет халяльных блюд, так что можешь изобразить вегетарианку, если хочешь придерживаться выбранного образа.

– Проклятие! Я хотела заказать чизбургер, но обойдусь салатом и картошкой фри.

– Хорошо. – Мириам сверилась со своими часами. – Сейчас десять минут второго, так что она либо опоздает, либо не придет. Мы сделаем заказ, а потом я еще раз подойду к консьержу.

Мириам так и сделала, и по выражению ее лица Электра поняла, что дела плохи.

– Он снова позвонил в ее номер, но никто не ответил. Полагаю, нам остается посидеть здесь и подождать.

– Если она активно избегает нас, это может означать, что она чего-то боится.

– Меня это не удивляет. Ей наверняка кажется странным, что группа приемных сестер следует за ней по всему свету. Вашу семью не назовешь обычной, правда?

– Но если она все-таки придет, то я смогу объяснить ей, в чем дело.

– Объяснить, что тебе нужно увидеть кольцо с изумрудом, которое, по мнению вашего юриста, должно послужить доказательством, что ее дочь Мэри-Кэт является вашей потерянной сестрой? Это все равно будет звучать очень странно, Электра, поскольку вы все не являетесь биологическими дочерьми вашего отца. Георг не сообщил, оставили ли ей какое-то наследство? Возможно, это наведет Мерри на мысль, что будет полезно встретиться с нами. Я имею в виду деньги, которые может унаследовать ее дочь.

– Я не знаю, – безнадежно отозвалась Электра, когда официантка принесла обед. – Спасибо. Можно еще немного кетчупа и майонеза к жареной картошке?

Официантка кивнула и поспешила на кухню. Электра взяла немного фри и начала жевать.

– Как обычно, все связанное с Па Солтом окружено тайной. Что я делаю в Торонто, маскируясь под мусульманку и лопаю жареную картошку в фойе какого-то отеля? Жду женщину, о которой слухом не слыхивала еще два дня назад и которая, похоже, совсем не хочет общаться со мной.

– Ты права, – согласилась Мириам. – Если представить дело в таком свете, оно и впрямь *очень* странное.

Обе прыснули со смеху.

– Я серьезно, Мириам, это просто нелепо. На месте матери Мэри-Кэт я бы тоже не пришла. Может быть, ты в последний раз попросишь консьержа связаться с ней? А потом мы уйдем.

– Да, но только после того, как доем сэндвич, – ответила Мириам. – А если она не ответит, советую написать ей записку. Мы оставим ее у консьержа, а он передаст Мерри.

– Хорошая мысль, – согласилась Электра. – Принеси мне бумагу и конверт с регистрационной стойки.

К тому времени, когда Электра удовлетворилась написанным посланием, было уже два часа дня.

– Да, это окончательный вариант, – пробормотала она, указав на предыдущие бумажки, разбросанные по кофейному столику.

– Давай, я слушаю, – сказала Мириам.

«Дорогая Мэри Макдугал!

Меня зовут Электра Делеси, и я одна из шестерых приемных сестер. Наш отец Па Солт (мы не знаем его настоящее имя, мы всегда называли его так) умер год назад. Он собрал нас по всему земному шару, но всегда говорил нам, что была еще седьмая, потерянная сестра.

Наш юрист и нотариус Георг Гофман сообщил, что нашел информацию, которая почти несомненно доказывает, что Мэри Макдугал является нашей потерянной сестрой. После визита моей сестры Сиси к вашей дочери Мэри-Кэт мы знаем, что вы с мужем удочерили ее. Доказательством служит кольцо с изумрудом в форме звезды, которое, по словам Мэри-Кэт, сейчас находится у вас.

Заверяю вас, что мы совершенно нормальные и у нас нет других мотивов, кроме как выполнить волю нашего покойного отца и найти потерянную сестру. Пожалуйста, свяжитесь со мной по мобильному либо позвоните на стационарный телефон нашего семейного дома в Женеве.

Сожалею, что сегодня мы не смогли встретиться, но если ваша дочь окажется нашей потерянной сестрой – как полагает наш юрист, – то мы будем чрезвычайно рады познакомиться с ней и с вами.

*С наилучшими пожеланиями,
Электра Делеси».*

– Прекрасный слог, и ты благоразумно упомянула, что вы будете рады познакомиться с ними обеими, – сказала Мириам. Она забрала письмо, прежде чем Электра успела найти очередную оплошность, аккуратно сложила лист бумаги и убрала в конверт вместе с карточкой, где значились номера телефонов. – Адресовать ей лично?

– Да, спасибо. – Электра вздохнула. – Боже, что за напрасный день! Я возвращаюсь обратно с пустыми руками; плохой из меня вышел сыщик.

– Как и из меня, – заметила Мириам, когда запечатала конверт. – Ну, ладно. Я отдам письмо консьержу, а потом вызову лимузин, чтобы мы уехали отсюда?

– Да, хотя сначала мне нужно сходить в уборную.

– Разумеется, – согласилась Мириам, и Электра отправилась на поиски уборной.

Когда Электра вошла в туалет, то заметила, что одна из кабинок занята, и выбрала самую дальнюю от входа.

– Нет, они еще здесь, – донесся женский голос из другой кабинки. – Консьерж сообщил по телефону, что меня хотят видеть две мусульманки. Но что им нужно от меня? Я хочу сказать, ты же не думаешь... что это *он*?

Электра замерла в своей кабинке.

«О боже мой, это она... Что мне делать?»

– Я спустилась посмотреть на них. Обе молодые, но нет, я их не знаю... Сейчас я собираюсь вернуться в номер. На всякий случай сегодня вечером я решила вылететь в Лондон; здесь слишком неуютно.

Последовала очередная пауза, пока женщина слушала собеседника.

– Да, Бриджит, разумеется, я буду на связи. Сейчас я позвоню в «Кларидж» и сообщу о своем более раннем прибытии, потом попрошу консьержа поменять рейс. Отлично, милая, спасибо тебе, и до скорой связи. До сви дания.

Электра услышала, как женщина открыла дверь кабинки. Каблуки туфель зацокали по кафельному полу, потом открылась и закрылась входная дверь.

Лихорадочно обдумывая положение, Электра стянула плотную блузку, потом размотала шарф на голове и оставила одежду на полу. Потом она выбежала из уборной и устремилась в фойе по коридору. Она заметила, как хорошо одетая миниатюрная блондинка, все еще державшая в руке мобильный телефон, остановилась рядом с другими людьми, ожидавшими прибытия лифта.

– Господи, это вы? Я уверена, что это вы! О боже! Вы – Электра, не правда ли? – Чьи-то длинные ногти впились сзади в плечо Электры.

– О-ох! Отстаньте, пожалуйста! – воскликнула она, когда повернулась и обнаружила у себя за спиной восторженную старшекласницу. – Послушайте, не хочу показаться грубой, но мне нужно пройти к лифту...

– Это она, это Электра! – закричала другая женщина, стоявшая в лифтовом холле, и вокруг мгновенно начала собираться толпа. Электра попыталась прорваться вперед, когда двери лифта начали открываться, но чья-то рука снова вцепилась ей в плечо, а другие люди загородили проход.

– *Пожалуйста*, Электра! Я не могу вас отпустить, пока моя подруга не сфотографирует нас. Позавчера вы так потрясающе выступили по телевидению!

– Пустите меня! – крикнула Электра, когда увидела, что блондинка вошла в лифт. Электра вывернулась из хватки старшекласницы и выбросила руку вперед в попытке остановить двери лифта.

– Мерри! – отчаянно воззвала она.

Но было поздно, и двери лифта закрылись. Электра посмотрела на панель и увидела, что лифтовая кабина уже на третьем этаже. Она хрипло выругалась сквозь зубы и развернулась в поисках Мириам, но толпа уже сомкнулась вокруг нее.

– Эй, мисс Электра, что вы здесь делаете? – спросил молодой человек, который уже снимал ее на камеру.

– Да, мы не знали, что вы собираетесь в Торонто, – поддержал кто-то другой. – Я тоже хочу сделать снимок.

– Я... – Электра почувствовала, как шея покрывается бусинами пота. – Пожалуйста, пропустите меня. Снаружи ждет автомобиль, и я...

Она находилась на грани рукоприкладства, когда перед ней вдруг появилась Мириам, и Электра облегченно вздохнула.

– Прошу всех отойти немного назад и дать Электре свободное место, – ровно, спокойно произнесла Мириам.

– Леди и джентльмены, прошу разойтись. Вы блокируете проход к лифту, и это может представлять угрозу.

Молодой мужчина в черном костюме с наушником, выдававшим сотрудника службы безопасности, появился рядом с Мириам.

– Эту даму ожидает автомобиль, – сказал он. – Будьте добры, освободите проход.

В конце концов, после того как Электра улыбнулась для нескольких снимков и поставила автографы там, где не посчитала это неуместным или оскорбительным, двое сотрудников безопасности отеля вывели их с Мириам на улицу и усадили в лимузин. Когда дверь автомобиля захлопнулась, Электра издала раздосадованный стон.

– Эй, что с тобой? – спросила Мириам. – Почему ты сняла шарф и блузу?

– Потому что *она*... потому что Мерри была в туалете! Она сидела в кабинке, и я слышала, как она разговаривала по мобильному насчет двух мусульманок, которые ждали ее в холле. Она была испугана и спрашивала, связано ли это с *ним*, не знаю, кого она имела в виду. Поэтому, когда она положила трубку, я сразу же избавилась от маскарада в надежде, что она не убежит, если узнает *меня*. Но я на считанные секунды разминулась с ней возле лифтового холла. Черт бы побрал все это! – выругалась Электра, когда лимузин отъехал от подъезда. – Мерри была совсем рядом, и я не могу поверить, что упустила ее. Как думаешь, можно ли будет как-то вытянуть из сотрудников отеля номер ее комнаты? Если мы представим ситуацию как дело жизни и смерти или...

– Я уже пробовала это сделать, – перебила Мириам. – Но консьерж соглашался только перезвонить ей. – Она вдруг захихикала. – Не забуду выражение его лица, когда он подошел посмотреть, что за суматоха в лифтовом холле, и узнал тебя, стоявшую рядом со мной. Должно быть, ему это показалось чудом и он не понял, что происходит.

– Я тоже не понимаю, что происходит, – сказала Электра. – Ясно лишь, что Мерри избегает нас. Она сказала своей подруге Бриджит, что собирается уехать на день раньше, чем планировала, и сегодня вечером улетит в Лондон.

– Ох, Электра! Тогда, по крайней мере, нам известно, что она собирается делать дальше. Ты хорошо рассмотрела ее, когда она стояла возле лифта?

– Только сзади. Светлые волосы до плеч и ладно скроенная фигурка. Со спины ей можно дать любой возраст от восемнадцати до шестидесяти, но она определенно привлекательна и хорошо ухожена. Ах да: она сказала, что остановится в отеле «Кларидж».

– Это еще лучше! Как видишь, наш визит был совсем не напрасным. Тебе нужно позвонить сестрам и рассказать им, что произошло.

– Само собой, – согласилась Электра. – Пожалуй, нам действительно удалось кое-что узнать.

– Да, и это твоя заслуга. Теперь к делу: у тебя есть сестра, которая живет где-нибудь поблизости от Лондона?

Электра повернулась к Мириам и широко улыбнулась:

– Конечно есть.

* * *

Когда они устроились в самолете и ожидали вылета, Электра позвонила в Атлантик.

– Аллю?

– Привет, Алли, это Электра. Звоню из Торонто.

– Привет, Электра! Тебе удалось встретиться с Мэри Макдугал и увидеть кольцо?

– И да, и нет.

– Что это значит?

Электра описала недавние события. Когда она закончила, повисло долгое молчание.

– Ну что ж, – наконец сказала Алли. – Если оставить в стороне, что твое описание немного похоже на сцену из театрального фарса, то, по крайней мере, тебе удалось выяснить, куда она направится потом. Лондонский «Кларидж», да? Должно быть, она состоятельная женщина.

– Мне просто хочется узнать, почему она изо всех сил избегает нас. У нас не было никаких дурных намерений, но она определенно боится. В телефонном разговоре она упоминала о «нем», о каком-то мужчине. Теперь мне интересно, мог ли это быть Па Солт?

– Но ей известно, что Па умер и не может представлять никакой угрозы. Даже если раньше он почему-то был опасен для нее, во что мне трудно поверить.

Наступила пауза. Электра вздохнула.

– Что будем делать дальше? – спросила она.

- Пока не знаю. Мне нужно поговорить с Майей и выяснить ее мнение.
 - Как насчет Стар? Она живет совсем рядом с Лондоном, верно?
 - Да. Хорошая мысль.
 - Она сможет отправиться в «Кларидж» и выследить в холле блондинку с отличной фигурой, особенно со спины? – Электра тихо рассмеялась. – Конечно, проблема в том, что в Лондоне полно симпатичных блондинок, но, пожалуй, стоит попробовать, тем более что Стар живет совсем близко.
 - Мне ничего не стоит позвонить Стар и спросить, сможет ли она это сделать. Если Мерри улетает поздно вечером по времени в Торонто, она должна приехать в отель завтра утром.
 - Если Стар согласится, я предлагаю не оставлять Мэри Макдугал никаких сообщений насчет того, что очередная сестра Деплеси хочет встретиться с ней, – сказала Электра. – Уже ясно, что это пугает ее.
 - Согласна, – сказала Алли. – Придется найти другие средства и способы, чтобы добиться аудиенции с ней. Я поговорю со Стар.
 - Ладно. Наш самолет готов к вылету, так что созвонимся завтра, Алли.
 - Спасибо за помощь, Электра, и приятного полета.
- Электра выключила свой мобильный, когда двигатели самолета взревели и он тронулся с места.

9

Стар Хайвельд, Кент, Англия

- Спокойной ночи, милый, хороших снов, – сказала Стар и одновременно показала свои слова жестами.
- Рори повторил ее жесты, а потом привлек ее к себе, обхватив за шею маленькими руками
- Я тебя люблю, Стар, – прошептал он ей в ухо.
 - Я тебя тоже, дорогой. Увидимся завтра утром.
- В дверях Стар посмотрела, как Рори накрылся одеялом, и выключила верхний свет, оставив маленький ночник. По скрипучей лестнице она спустилась на кухню, где остался беспорядок после недавнего ужина. Через окно над раковиной Стар увидела старый железный стол, который они вынесли на лужайку, чтобы поймать лучи вечернего солнца. За столом сидел Мышь.
- Она налила себе немного вина и присоединилась к нему.
- Привет, милая, – сказал он, оторвавшись от планов Хайвельда, своего фамильного особняка эпохи Тюдоров, довольно сильно запущенного в последние несколько десятилетий. Стар помнила, как она была шокирована, когда впервые увидела его в прошлом году. Как странно, что теперь она знает каждый дюйм прогнивших балок, отсыревшей штукатурки и отслоившейся краски внутри дома.
 - Как продвигаются дела? – спросила она, опустившись рядом с Мышью.
 - Медленно, как обычно. Наверное, я посетил все реставрационные строительные мастерские в Южной Англии, пока искал те две балки, которые нам нужны на замену в гостиной. Но балки шестнадцатого века нужной толщины и оттенка как-то не валяются вокруг.
 - Мы не могли бы воспользоваться предложением твоего строителя и сделать такие балки, которые были бы очень похожи на оригинальные? По словам Жилия, мы можем искусственно состарить их и выбрать такой цвет, что никто даже не заметит разницу.
 - Но *я-то* замечу, – возразил Мышь. – Так или иначе, в Ист-Гринстеде есть старинный паб, который собираются реконструировать для устройства очередного гастрономического бара. Сейчас они демонтируют внутренние конструкции. Там есть балки примерно того же исторического периода; наверное, мне удастся найти замену.

– Будем надеяться. Я хочу сказать, здесь прекрасно, как в фермерском доме, но я не хочу здесь зимовать, тем более что Рори подвержен всевозможным простудам, а в особняке нет отопления.

– Знаю, милая. – Мышь наконец поднял голову и устало заморгал зелеными глазами. – Но дело в том, что Хайвельд очень долго не реконструировался, я имею в виду структурную реконструкцию, а не просто новомодную кухню, и я хочу убедиться не только в аутентичных материалах, но и в том, что он простоит еще двести лет.

– Разумеется. – Стар с трудом удержалась от вздоха, поскольку уже много раз слышала это раньше. Когда речь шла о Хайвельде – да и о других домах, с которыми Мышь работал для своих клиентов, – он был неисправимым педантом. Это было весьма похвально, если не обращать внимания на тот факт, что они втроем жили в холодном и неудобном фермерском доме рядом с Хайвельдом, пока шла реконструкция. *«С такой скоростью я стану пенсионеркой, прежде чем мы переедем в фамильное поместье»*, – подумала Стар.

– Раз уж ты занят, то не будешь возражать, если я навешу Орландо? – спросила она. – У меня есть одна... ситуация, и я хочу подключить его аналитические способности.

– Вот как? Что за ситуация?

– Это довольно сложное дело, связанное с моей семьей... но я расскажу тебе, когда у нас будет больше свободного времени.

Стар встала и поцеловала Мышь в макушку, отметив при этом появление нескольких седых нитей в его пышной рыжевато-шавелюре.

– Не забудь через час заглянуть к Рори. Недавно у него были кошмары, и он еще не умеет нормально обращаться за помощью.

– Конечно загляну, – кивнул Мышь. – Я пойду в дом, поработаю там. Спасибо тебе, милая, до скорой встречи.

Стар подошла к своему старенькому «мини», завела двигатель и выпустила давно сдерживаемый вздох. Она всем сердцем любила Мышь, но иногда с ним бывало тяжело.

– Как будто для него не существует ничего, кроме старинных балок, крытых галерей и... бррр! – бормотала она, пока ехала по сельской дороге к городку Тентерден. После десятиминутной поездки она припарковала автомобиль у книжного магазина и открыла дверь старомодным бронзовым ключом.

– Орландо, ты наверху? – окликнула она, когда прошла в заднюю часть магазина и отворила дверь, ведущую к квартире наверху, где жил Орландо.

– Я на месте, – ответил он. – Давай заходи.

Стар поднялась по лестнице и распахнула дверь гостиной. Орландо восседал в своем любимом кожаном кресле и поглощал десерт, подоткнув белую холщовую салфетку под воротник рубашки.

– Обожаю летний пудинг. – Орландо снял салфетку и промокнул уголки рта. – Итак, чем я обязан удовольствию нашей встречи? Мы распрощались лишь час-другой назад.

– Но я не отрываю тебя от срочных дел, правда?

– Нет, хотя я собирался свести знакомство с Т. Э. Лоуренсом и с его предположительно реальными приключениями в Аравии, – благодушно отозвался Орландо и похлопал по кожаной обложке книги, лежавшей на столе рядом с ним. – Итак, чем я могу помочь тебе?

Орландо переплел длинные пальцы с ухоженными ногтями и выразительно посмотрел на Стар. У него были такие же зеленые глаза, как и у Мыши, однако больше между этими двумя братьями не имелось почти никакого сходства. Стар часто забывала, что Орландо был младшим братом, в том числе из-за его склонности одеваться по моде 1908-го, а не 2008 года.

– У меня есть загадка для тебя. Помнишь, я упоминала о Георге Гофмане, нашем семейном нотариусе?

– Разумеется. Я никогда ни о чем не забываю.

– Знаю, Орландо. Так или иначе, несколько дней назад он приехал в Атлантис и объявил, что наконец-то смог найти потерянную сестру... нашу седьмую сестру.

– Что?! – Даже обычно невозмутимый Орландо выглядел потрясенным. – Ты говоришь о Меропе, потерянной сестре из созвездия Плеяд? Конечно, в некоторых мифах сказано, что честь быть потерянной принадлежит Электре, но твоя младшая сестра и так находится в центре вни мания.

– Еще бы. Должно быть, ты слышал ее потрясающую речь на концерте в пользу Африки.

– Ты знаешь, что я не одобряю телевидение, это настоящая анестезия для мозга, но я прочитал о речи Электры в газете *Telegraph*. Очевидно, ее темперамент изменился к лучшему после короткого визита в дурдом.

– Орландо! Пожалуйста, не надо так говорить. Это верх неприличия, и к тому же совершенно неуместно.

– Извини за отсутствие политкорректности. Как тебе известно, мой языковой стиль происходит из другой эпохи, где слово «дурдом» было шуточным определением для психиатрической лечебницы. Когда-то ее называли Бедл...

– Хватит, Орландо! – укоризненно сказала Стар. – Я понимаю, что ты специально дразнишь меня, но в последний раз Электра всего лишь получала помощь в излечении от вредных привычек. В общем, ты хочешь узнать, что нам стало известно о потерянной сестре, или нет?

– Конечно хочу. Если ты согласишься отнести мой обеденный поднос на кухню и налить мне глоточек бренди во второй бокал слева на средней полке буфета, то я буду весь внимание.

Стар отправилась выполнять его просьбу и задалась вопросом, не был ли Орландо тем, кто на самом деле нуждался в лечении. *«У него определенно есть обсессивно-компульсивное расстройство»,* – подумала она. – *Только человек с синдромом навязчивых состояний может давать такие тщательные инструкции о выборе бокала на буфетной полке».*

– Вот, – сказала Стар, закрывая пробкой хрустальный графин и протягивая Орландо порцию бренди. Потом она опустилась в кожаное кресло с другой стороны от камина. Ей снова показалось, что эта комната, обставленная точно так же, как гостиная его старой квартиры над книжной лавкой в Кенсингтоне, – с красными стенами, старинной мебелью и рядами книг в кожаных переплетах на длинных полках, – была бы образцовой сценой для любого романа Диккенса. Орландо жил в прошлом веке, на добрую сотню лет отставая от всех остальных, и это порой раздражало, хотя выглядело очень мило.

– Итак, дражайшая Стар, я внимательно слушаю, – произнес Орландо и выразительно переплел пальцы под подбородком.

Стар начала свой рассказ. Объяснение заняло гораздо больше времени, чем с любым другим собеседником, поскольку Орландо постоянно вмешивался с вопросами.

– К каким выводам приходят твои несравненные дедуктивные способности? – наконец спросила она.

– Увы, я мало что могу добавить к услышанному. Судя по всему, эта ваша Мерри, имеющая кольцо с изумрудом, которое является ключом к происхождению ее приемной дочери, действительно не желает встречи с кем бы то ни было. По крайней мере, она не хочет встречаться с кем-либо из вашего семейства. Остается лишь один вопрос: почему?

– Вот именно, – сказала Стар. – Я надеялась, что у тебя появятся какие-то идеи.

– Сомневаюсь, что у нее есть что-то личное к твоим сестрам. Ты говоришь, что никто из вас раньше не был знаком с Макдуглами и даже не слышал о них. Значит, ключ к разгадке этой истории нужно искать в прошлом. – Орландо энергично кивнул. – Да, это определенно имеет отношение к прошлому.

– Мне кажется, что Па Солт собирался удочерить Мэри-Кэт в младенчестве, но потом случилось что-то неожиданное, и он потерял ее из виду, – задумчиво сказала Стар.

– Возможно, – согласился Орландо. – Как ни крути, Новая Зеландия на другом краю света. Но, по крайней мере, ее приемная мать должна знать биологических родителей Мэри-Кэт.

– Поэтому нам с тобой нужно как-нибудь организовать встречу с ней, чтобы выяснить это. И наконец увидеть это кольцо и сравнить его с рисунком, который я получила по факсу от Алли.

– То есть ты хочешь, чтобы завтра я с тобой предпринял опасную вылазку в Лондон?

– Совершенно верно, – с улыбкой ответила Стар. – И я полагаю, что ты ни за что на свете не захочешь упустить такую возможность.

– Ты слишком хорошо знаешь меня, дорогая Стар. Ну, тогда снова давай все подробности...

Когда Стар повторила свой рассказ и у Орландо больше не осталось вопросов, он прикрыл глаза и погрузился в глубокую сосредоточенность.

– Прошу прощения, что больше не могу быть Ватсоном для твоего Холмса, но мне пора возвращаться домой, – напомнила она.

– Да, разумеется. – Орландо распахнул глаза. – Итак, ты серьезно хочешь встретиться с той женщиной завтра утром?

– Разумеется. Майя и Алли попросили меня об этом.

– Боюсь, это обойдется твоей семье в небольшое состояние, но вам придется забронировать двухместный люкс и одноместный номер в отеле «Кларидж».

Стар прищурилась:

– Орландо, это же не просто уловка, чтобы переночевать в твоей любимой гостинице?

– Моя дорогая Стар, это ты окунешься в роскошь двухместного люкса, тогда как я буду ютиться в мансардной комнате рядом с горничными. Хотя их послеполуденная чайная церемония выдержана в лучших традициях.

– Хм-м-м... Если бы ты посвятил меня в свои планы, то я могла бы побеседовать с Майей и Алли и убедить их в необходимости потратить астрономическую сумму. По словам Майи, секретарша Георга бронирует все номера, которые мы заказываем. Сам он находится в отъезде.

– Я все еще оттачиваю свой замысел, но можешь заверить сестер, что он практически безотказный. Скажи им, что в случае неудачи я гарантирую возмещение издержек. А теперь мне нужно вернуться к работе; я должен как следует подготовиться, если хочу добиться успеха.

– Что значит «хочу»? А я уже не принимаю участия в этом?

– О да, и ты должна безупречно исполнить свою роль. Полагаю, в твоём гардеробе найдется элегантное платье или женский костюм?

– Э... пожалуй, я смогу что-нибудь придумать.

– А жемчуг?

– У меня есть ожерелье и сережки из искусственного жемчуга; я купила их по случаю, но ни разу не носила.

– Прекрасно. И, разумеется, туфли на каблучке, но не слишком высоком. Завтра, моя дорогая Стар, ты станешь леди Сабриной Воган.

– То есть мне нужно будет кого-то изображать?

– Не совсем. – Орландо закатил глаза. – Представь это как подготовку к твоей предстоящей свадьбе с моим братом. На свадьбе тебе понадобится изображать настоящую леди.

– Это другое... Я не уверена, что смогу быть на высоте, Орландо. У меня всегда был ужасный страх перед сценой.

– Ты будешь изображать саму себя, лишь в более шикарном образе. А большую часть актерской работы я возьму на себя.

– Это уже легче. Нам понадобится помощь Сиси и Крисси? Они сейчас в Лондоне, Сиси занята продажей своей квартиры и разбором вещей, которые она собирается отправить в Австралию.

– Нет. – Орlando отмахнулся от такой возможности. – С учетом обстоятельств, очередная сестра Делеси нам вовсе ни к чему. Это деликатная операция. Забронируй двухкомнатный люкс на свой псевдоним, а мой номер – на имя Орlando Саквилль.

Стар захихикала, когда услышала эту литературную аллюзию.

– Хорошо.

– Теперь иди и дай мне поработать, – провозгласил он. – Встретимся завтра на платформе, чтобы успеть на поезд до Лондона в девять сорок шесть. Доброй ночи!

Когда Стар вернулась домой, Мышь уже лег спать. Она быстро связалась с Атлантиком и объяснила Алли текущую ситуацию.

– Если Орlando считает, что это поможет, я сразу отправлю электронное письмо в «Кларидж» и бронирую номера, – сказала Алли. – Как полагаешь, что он задумал?

– Понятия не имею. Но он чрезвычайно хитроумный и в прошлом помог мне решить одну-две загадки.

– Я заинтригована. Ты сказала, что он хочет зарегистрировать вас под псевдонимами?

– Да, Орlando Саквилль. – Стар продиктовала по буквам. – Я уверена, что он выбрал такой псевдоним в честь Виты Саквилль-Уэст, которая послужила источником вдохновения для романа «Орlando», написанного Вирджинией Вулф.

– По крайней мере, мы не единственная семья с замысловатыми именами, – хохотнула Алли. – А какой псевдоним будет у тебя?

– Я буду леди Сабриной Воган. Пожалуй, мне лучше как следует выспаться, если завтра я собираюсь изображать благородную даму.

– Будем надеяться, что его замысел сработает. Утром я позвоню секретарше Георга, чтобы она уладила вопрос со счетом за номер.

– Хорошо. Я буду выходить на связь так часто, как позволит Орlando. Спокойной ночи, Алли.

– Спокойной ночи.

* * *

Орlando ждал на платформе в Эшфорде, когда Стар подбежала к нему. Поезд уже приближался к станции.

– Доброе утро. Надо сказать, ты едва успела, – заметил он, когда двери поезда открылись и они вошли в вагон.

– Мне нужно было отвезти Рори в школу, а потом я рылась в гардеробе и старалась найти что-нибудь подходящее. – Стар опустила на сиденье и перевела дух. – Ну как, сойдет?

– Ты выглядишь безупречно, – сказал Орlando, по достоинству оценивший ее элегантное летнее платье, подчеркивавшее стройную фигуру. – Но, может быть, тебе следовало уложить волосы в шиньон? Тогда ты бы выглядела более величественно.

– Орlando, мы не ставим пьесу Оскара Уайльда, – прошептала Стар ему на ухо. – В наши дни актрисы и супермодели – с твоей точки зрения, простолюдины – часто выходят замуж за аристократов.

– Мне известно об этом, но с учетом того, что наша миссис Макдугал более тридцати лет прожила в Новой Зеландии, она, как и я, могла немного отстать от современной Англии. Как бы то ни было, ты выглядишь превосходно и без труда впишешься в наш интерьер.

– Жаль, что Мышь не сможет присоединиться ко мне сегодня вечером. Мы могли бы провести денек-другой в Лондоне. Что за ирония судьбы, когда настоящий лорд не может себе позволить номер в «Кларидже»?

– Разумеется, он может, Стар. У него целый дом, правда, в данный момент это склад, наполненный антикварными ценностями, картинами и произведениями искусства, которые стоят целое состояние. Но он весьма разумно полагает, что проживание в роскошной гостинице не стоит его денег.

– Ты прав. Кроме того, реконструкция дома отнимает значительную часть его средств. Я иногда мечтаю о переезде в современный многоквартирный дом, где хотя бы тепло и есть все удобства. Куда мой муж возвращается к ужину и мы обсуждаем, как прошел наш день... что угодно, кроме стеновых панелей или двутавровых балок, что бы это ни значило.

– Хайвельд – это другая женщина в жизни Мыши, – заявил Орландо.

– Знаю. Самое плохое, что мне придется жить с этим до конца моих дней.

– Полно тебе, Стар: мне было ясно, что ты тоже с самого начала влюбилась в Хайвельд.

– Ты прав, и, конечно, дело будет стоить того... когда все закончится. Но расскажи наконец, что ты задумал.

– Если все пройдет хорошо, то мы приятнейшим образом скоротаем время, – сказал Орландо. – Мы приедем, распакуем вещи, а потом спустимся в ресторан с видом на вход, где вкусим легкий завтрак. Есть лишь четыре поздних рейса из Торонто, которыми наша миссис Макдугал могла прибыть в Лондон. Все они прибывают между полуднем и тремя часами дня. Я составил схему нижнего этажа «Клариджа». Мы выберем такое место, где сможем наблюдать за входом и видеть всех, кто прибывает с багажом в этот промежуток времени. Смотри. – Орландо достал лист бумаги из своего антикварного кожаного чемоданчика и указал на вход, ресторан и стойку регистрации. – Когда мы зарегистрируемся, то зарезервируем в ресторане столики с наилучшим обзором.

– Но за это время сколько угодно женщин могут войти в фойе.

– Мы знаем, что миссис Макдугал значительно больше пятидесяти, хотя она выглядит моложе, и что она стройная миниатюрная блондинка. Кроме того, на ее чемоданах будут багажные ярлыки. – Орландо достал из чемоданчика другой листок бумаги. – Вот фотография ярлыка, который покажет, что она прилетела из Торонто. Код аэропорта Пирсон – YYZ.

– Ладно. Но даже если мы вычислим ее по багажу, то как мы ей представимся?

– Ага! – воскликнул Орландо. – Эту часть можешь предоставить мне. Но сначала я должен официально *представиться* тебе, – продолжал он, снова порывшись в своем чемоданчике и протянув Стар визитную карточку с красивым рельефным тиснением.

Виконт Орландо Саквилль

Винный эксперт и кулинарный обозреватель

Внизу Орландо поставил свой мобильный номер.

– Виконт? – Стар улыбнулась. – Винный эксперт и кулинарный обозреватель, вот как?

– Думаю, я вполне могу назваться таковым, принимая во внимание количество замечательной еды и изысканных вин, поглощенных мною в течение жизни. Кроме того, мой брат является лордом, так что я могу назваться виконтом без особой натяжки.

– Ладно, но почему ты думаешь, что визитная карточка поможет нашему делу? И как тебе удалось так быстро напечатать их?

– Силы и средства, моя дорогая. Я хорошо знаком с владельцем соседней типографии, а что касается помощи, то я просто обдумал всю информацию, полученную от тебя. Я проверил винодельню в Новой Зеландии и узнал, что ее владельцами являются Мэри и Джок Макдугал. Бизнес стартовал в начале 1980-х годов, и сейчас это один из лучших виноградников в регионе. В основном они продают свое вино в Новой Зеландии, но начинают продавать и

в Европе. Иными словами, можно сказать, что, хотя еще несколько лет назад новозеландские вина не продвигались дальше Австралии, Джок и Мэри Макдугал построили бизнес, которым они могут гордиться.

– Да, но ее муж Джок умер несколько месяцев назад.

– Вот именно. По твоим сведениям, их сын Джек всерьез намерен продолжить отцовское дело. Сейчас он во Франции и учится у мастеров-виноградарей, поэтому нетрудно предположить, что он постарается продолжить отцовское дело. Согласна?

– Пожалуй, да.

– Насколько я понимаю человеческую природу, материнский инстинкт пересиливает любые другие чувства. Поэтому мисс Макдугал захочет оказать своему сыну любую возможную поддержку.

– И?

– Что может быть лучше случайной встречи с винным экспертом и кулинарным журналистом в «Кларидже»? Особенно если у него есть тесный контакт со всеми британскими газетами и журналами, где публикуются колонки о еде и вине? *«Что такая хвалебная статья может сделать для нашего виноградаря?»* – подумает она. – *И для моего любимого сына?»* Теперь понимаешь, Стар?

– Да. Итак, ты собираешься представиться ей в роли светского журналиста, а потом предложить интервью насчет ее виноградаря.

– И ее сына, так как теперь он стал официальным владельцем. Для меня совершенно очевидно, что нам нужно выйти на контакт с Джеком, чтобы получить какие-то новые сведения о его сестре. Дорогая мамочка просто обязана сообщить мне подробности. – Орландо радостно хлопнул в ладоши. – Разве не блестящая затея?

– Очень мило, но в чем тут моя роль?

– Мне нужно, чтобы миссис Макдугал не сочла меня каким-то шарлатаном, который пытается окольными путями наводить справки о ней. Поэтому, когда я замечу ее, а потом представлюсь ей у регистрационной стойки, ты выйдешь из ресторана и пройдешь мимо нас. Я удивленно скажу: «Ах, Сабрина, какой приятный сюрприз!», и мы церемонно расцелуемся. Потом вы скажете, что приехали из провинции вместе с мужем и собираетесь пройти по магазинам. Вы предложите мне присоединиться к вам за коктейлем в вашем шикарном номере около шести вечера. Я скажу: «С превеликим удовольствием», и вы пойдете своей дорогой. Если наш маленький розыгрыш будет удачным, то миссис Макдугал убедится в моей превосходной репутации и авторитетности. Это расположит ее к согласию, когда я попрошу дать интервью.

Стар глубоко вздохнула:

– Господи, мне действительно придется лицедействовать! Надеюсь, я справлюсь и не ляпну ничего такого, что может нас выдать.

– Не бойся, Стар. Я сделаю твою роль короткой и приятной.

– Но когда мы доберемся до сути дела? То есть когда мне придется объяснить, кто я такая и почему изображаю леди Сабрину в роскошном номере? – спросила она, когда поезд подошел к вокзалу Чаринг-Кросс.

– Как ты сама сказала, дорогая Стар, это не пьеса Оскара Уайльда, а лишь жизненная импровизация, вызванная необходимостью. Нам еще предстоит убедиться, что мы сможем разыграть первую часть: заметить ее после входа в отель и увлечь разговором, прежде чем она поднимется в свой номер. Здесь есть много случайных факторов, не поддающихся учету, но давай двигаться шаг за шагом, ладно?

– Хорошо, – вздохнула Стар, ощущая гнетущую тяжесть в животе, когда они вышли из поезда и направились к ряду такси.

* * *

– Бог ты мой! – воскликнула Стар, когда управляющий отелем, лично проводивший их в ее номер, вышел из гостиной. – Это потрясающе!

– Должен признать, да. Я всегда обожал «Кларидж»; это триумф стиля ар-деко, и замечательно, что им удалось все сохранить в прежнем виде. – Орlando провел кончиками пальцев по столешнице в черно-желтую полосу и опустился в бордовое плюшевое кресло.

– Нам оставили бесплатную бутылку шампанского! Давай выпьем немножко? Это поможет мне успокоить нервы.

– Моя дорогая Стар, ты ведешь себя как восторженная девочка рождественским утром. Разумеется, если хочешь, мы можем открыть шампанское, хотя я бы не стал называть такие вещи бесплатными. Ты – вернее, твоя семья – только что заплатила эквивалент своей месячной зарплаты в моем книжном магазине за право переночевать в роскошном двухкомнатном номере. Это шампанское не бесплатное, и если ты решишь воспользоваться другими прелестями вроде этих маленьких бутылочек с ароматами, которые дамы так любят добавлять в ванны, или даже полотенцами и банными халатами, то, пожалуйста, не отказывай себе в этом. Ибо ничто здесь не является бесплатным. Тем не менее люди с восторгом рассказывают о «краже» разных мелочей, когда возвращаются из подобных мест. Абсолютная нелепость! – фыркнул Орlando. Он встал и подошел к ведерку со льдом. – За что мы выпьем? – спросил он и поднял бутылку шампанского.

– Либо за то, чтобы остаться здесь навеки, либо за то, чтобы нас не арестовали за мошенничество. Решай сам.

– Давай выпьем за то и за другое! – произнес Орlando. – Ну, вот. – Он протянул Стар высокий бокал, наполненный шампанским. – Можешь взять платную шоколадку, которую они оставили рядом.

– Чувствую себя королевой на один день, – пробормотала Стар, отправив в рот изысканно глазированной шоколадную конфету.

– Судя по тому, что ты рассказывала о своей семье, прибыли от вашего фонда достаточно, чтобы ежедневно вести такой образ жизни.

– Не знаю, сколько там денег, и, хотя это наш фонд, им управляет наш нотариус Георг.

– Я никогда не встречался с этим Георгом, но он всего лишь сотрудник на службе у вашей семьи. Это ваши деньги, дорогая Стар, и очень важно, чтобы сестры не забывали об этом.

– Ты прав, но Георг – довольно грозный тип. Уверена, что он не одобрит, если я предложу ему оплатить годовое проживание в «Кларидже», – усмехнулась Стар. – Кроме того, радость удовольствия заключается в его мимолетности. Я не могла бы так радоваться, если бы каждый день жила в «Кларидже», правда?

– Правда, правда, – согласился Орlando. – Теперь перейдем к делу: пока ты регистрировалась, я производил тактическую разведку. Иными словами, нашел лучшие столики в ресторане «Фойе» для нас обоих и заказал места. Я войду первым, а ты через десять минут после меня. Нас не должны видеть вместе, пока мы не пересечемся друг с другом у стойки регистрации отеля. Ты сядешь сюда, – он указал место ее столика на карте нижнего этажа, – а я расположусь здесь, так что у нас обоих будет хороший обзор на входную дверь. При этом огромная ваза с цветами в центре зала будет загромождать нас друг от друга.

– Хорошо, но как мы будем держать связь друг с другом? – Стар внезапно хихикнула. – Почтовыми голубями через зал ресторана?

– Послушай, я надеюсь, что шампанское не ударило тебе в голову. Мы воспользуемся скучным современным методом связи по мобильному телефону. Если кто-то из нас заметит женщину, похожую на миссис Макдугал, мы обменяемся сообщениями. Я прослежу, когда она

пойдет на регистрацию, выжду минуту-другую, а потом подойду к ней сзади. Ты остановишься возле вазы с цветами и начнешь любоваться ими; в то же время ты удостоверишься, что я вступил с ней в контакт. Потом ты подойдешь к нам, и мы разыграем нашу маленькую сцену. Только не забудь пригласить меня на коктейль в свой номер к шести вечера.

– Будет сделано, – выдохнула Стар после очередного глотка шампанского. – Мы сможем это сделать, правда, Орландо?

– Конечно же, моя дорогая. А теперь, поскольку уже половина двенадцатого, я сделаю вылазку вниз и оставлю тебя почистить перышки. Желаю удачи.

– Тебе тоже. – Когда он направился к выходу, Стар окликнула его: – Орландо?

– Да?

– Спасибо тебе.

Мерри

Лондон Июнь 2008 года

10

Я устроилась на заднем сиденье такси и, хотя ощущала бесконечную усталость после очередной бессонной ночи на борту самолета, не смогла сдержать улыбки при мысли о том, что *на самом деле* сижу в салоне черного кэба. В последний раз я была в Лондоне в те ужасные времена, и все эти долгие годы я мечтала протянуть руку и остановить лондонское такси. Но они, как и все остальное, не считая абсолютно необходимых вещей, находились далеко за пределами моего бюджета. Я с таким же успехом могла мечтать о том, чтобы сесть в ракету и улететь на Луну, как Нейл Армстронг за несколько лет до того, как я впервые приехала в Лондон.

Как изменился город со времени моего предыдущего визита! Из Хитроу тянулись огромные путепроводы и виадуки; транспорт двигался сплошным, нескончаемым потоком. Высокие офисные здания и многоквартирные дома поднимались повсюду, и я ощущала слезы, подступавшие к глазам, потому что это было так похоже на Сидней, Торонто или любой другой большой город на свете. Я видела элегантную архитектуру, зеленые просторы общественных парков и Национальную галерею, которые были единственными местами, бесплатными для меня в те прежние времена.

«Мерри, – твердо говорю себе я, – ты отлично знаешь, что Биг-Бен и Парламент остались на месте, как и Темза...»

Я закрываю глаза, отгораживаясь от мира, и молюсь о покое, пока мы приближаемся к центру великого города. Я надеялась, что на этот раз смогу получить истинное удовольствие от него, но с тех пор, как Мэри-Кэт оставила сообщение для меня и Бриджит и в фойе «Рэдисона» меня поджидали те девушки, я вернулась в далекое прошлое. И снова испытала весь тот ужас, который чувствовала тогда.

«Конечно, это был он... Или нет?»

Этот вопрос прозвучал в моей голове в тысячный раз. Но почему? Почему после стольких лет? И как он – вернее, *они* – смогли найти меня?

Сердце гулко забилося в груди. Должно быть, они настроены серьезно, если пустили по моему следу столько людей и сумели проследить за мной от Новой Зеландии до Канады.

Действительно, я отправилась в кругосветное путешествие отчасти ради удовольствия, но и ради того, чтобы найти их обоих. Я не произносила их имена с тех пор, как переехала в Новую Зеландию тридцать семь лет назад. Я знала одно: чтобы выжить, мне нужно было оставить прошлое за спиной и начать все снова. Но потом, когда мой дорогой Джок скоропостижно скончался, я лишилась его защиты и воспоминания потоком хлынули обратно. Когда мы встретились с Бриджит на острове Норфолк и накачались ирландским виски, мы стали вспоминать былые дни, и я призналась ей, что мое «большое турне» имело скрытые мотивы.

– Я просто хочу выяснить, живы они или умерли, – сказала я, когда она заново наполнила мой бокал. – Я не могу коротать остаток жизни, не *зная*, надо ли прятаться, в конце концов. Я хочу вернуться домой в Ирландию и встретиться со своей семьей. Надеюсь, я буду все знать к тому времени, когда попаду туда. И понимать, что это безопасно – и для них, и для меня.

– Разумеется, – ответила она. – Но, по-моему, каждый из них разрушил твою жизнь на свой лад.

– Это нечестно, Бриджит. Если он так и не появился, тому должна быть причина. Ты же знаешь, он любил меня, и...

– Боже мой! – Бриджит пристально посмотрела на меня. – Ты говоришь так, словно до сих пор оправдываешь его! Это же не так, правда?

– Конечно нет. Тебе известно, как я обожала Джока. Он спас меня, Бриджит, и мне ужасно не хватает его.

– Может быть, из-за его ухода ты решила возродить огонь своей бывшей любви? Но позволь сказать тебе: если хочешь познакомиться с мужчиной, отправься в зарубежный круиз. Моя подруга Присцилла, которая отправилась в Норвегию, рассказала о толпах возбужденных вдовцов, ищущих новых жен, – фыркнула Бриджит.

Я закатила глаза:

– Скорее, они ищут сиделку, которая будет нянчиться с ними, когда они выживут из ума. Нет, Бриджит, такой круиз не для меня. И, честно говоря, мои намерения не имеют ничего общего с поисками нового мужчины. Я просто хочу выяснить, что случилось с моей первой любовью... и с человеком, которого я считаю ответственным за ее крушение.

– Что ж, я бы не советовала копаться в прошлом. Особенно *в твоём* прошлом.

Бриджит всегда была откровенна, и я уважала ее за это. Мы знакомы с детства, и, несмотря на ее властную натуру, исключавшую правильность любого мнения, кроме ее собственного, я нежно любила ее.

Именно в ее крошечной квартире я три недели ночевала на диване во время первого ужасного визита в Лондон. Тогда она была доброй подругой и в нужные моменты неизменно приходила мне на помощь. А ведь я солгала и сказала о своем намерении вернуться в Ирландию, когда рассталась с ней и уехала из Лондона. Мне казалось, так надежнее – если *они* постучится в ее дверь, она ничего не будет знать.

Это Бриджит нашла меня два года назад, когда бутылка нашего «Пино Нуар» 2005 года завоевала золотую медаль на престижном винном конкурсе в Новой Зеландии. В «Отаго дейли таймс» появилась фотография, на которой я была вместе с Джоком и Джеком, и статья о нашей винодельне.

Бриджит, которая вышла на пенсию и отдыхала в Новой Зеландии, узнала меня по фотографии и вскоре приехала к нам. Меня чуть не хватил сердечный приступ, когда я открыла дверь и увидела ее. Мне пришлось быстро сообщить Бриджит, что Джок и мои дети ничего не знают о моем прошлом. Сначала я подумала, что она собирается сообщить мне о смерти кого-то из членов семьи, и я испытала огромное облегчение, когда узнала, что Бриджит увидела мою фотографию лишь по счастливой случайности.

Я была чрезвычайно рада, когда через несколько недель после переезда на остров Норфолк, влюбившись в его красоты после нашей поездки туда, она познакомилась с Тони и вскоре решила выйти замуж за него. Принимая во внимание, что Бриджит всю свою жизнь прожила старой девой, это решение крайне удивило меня.

– Это лишь потому, что Тони беспрекословно выполняет все ее указания, мама, – заметил Джек перед отъездом во Францию.

Джек был не лучшего мнения о Бриджит.

– Думаю, она тайком поколачивает его и запирает на ночь в собачьей конуре перед домом, – язвительно добавил он.

Действительно, Тони был обходительным и мягкосердечным человеком, которому нравилось выполнять чужие указания. Тем не менее супруги определенно выглядели счастливыми и довольными друг другом. Последний раз Бриджит не на шутку встревожилась, когда мы с ней услышали от Мэри-Кэт о потерянной сестре и о двух девушках, которые хотели встретиться со мной.

– Что я тебе недавно говорила насчет желания копаться в прошлом? – воскликнула Бриджит.

– Но я до сих пор ни о чем таком не говорила с Мэри-Кэт. Должно быть, это случайное совпадение. В конце концов, мы удочерили Мэри-Кэт, и одна из этих девушек может принадлежать к ее биологической семье.

– Такое может быть, но я помню, как *он* называл тебя потерянной сестрой. После стольких лет и нашего недавнего брака с Тони я не хочу иметь ничего общего с этим.

Поэтому мы вдвоем решили отправиться вечерним рейсом в Сидней – так, на всякий случай.

– Если эти девушки действительно прилетят на остров и постучатся в твою дверь, Тони может разболтаться, – нервничала я. – Как думаешь, не лучше ли посоветовать ему на время уйти из дома?

– Нет, Мерри. Тони ничего не знает, а если мы предложим ему держать рот на замке, то он начнет задавать вопросы, на которые у нас не будет ответа. Ему нужно знать лишь то, что мы собираемся устроить девичник с вечеринкой в Сиднее. Пусть они приезжают: нас просто здесь не будет.

Я до сих пор ощущала дрожь ужаса, охватившую меня после слов Мэри-Кэт о потерянной сестре.

«Я выслежусь тебя, где бы ты ни спряталась...»

Потом было кольцо с изумрудом. *Он* с первого взгляда возненавидел это кольцо. Потому что это был мой подарок на совершеннолетие от человека, которого он терпеть не мог.

«Похоже на обручальное кольцо, – проворчал он. – В его возрасте, со всеми его деньгами и английским выговором... Он просто извра щенец».

Может быть, после прибытия в «Кларидж» мне стоит просто вынуть кольцо из сумочки и бросить его в Темзу? Однако я знала, что не сделаю этого. Помимо того, что кольцо теперь принадлежало Мэри-Кэт, оно досталось мне от самого дорогого человека в моей жизни – человека, который беззаветно любил и никогда не предавал меня... От Амброза.

Окружающие здания постепенно становились ниже, и я узнавала некоторые дома, которые видела раньше во время поездок по городу на двухэтажном автобусе. Их вид утешал меня и делал менее пугающим воспоминание о двух девушках, поджидавших меня в фойе отеля в Торонто; одна из них выкрикнула мое имя, когда я входила в лифт. Хотя Мэри-Кэт и девушка по имени Электра в своем письме заверили меня, что сестры только хотели увидеть мое кольцо, я не понимала, как они смогли так быстро добраться до меня. Хорошо, что теперь мой след затерялся в Канаде. Ни одна живая душа не знала, где я нахожусь сегодня, кроме Бриджит, а ей я доверяла безоговорочно. Пока что я в Лондоне, и здесь никто не сможет проследить за мной до отеля «Кларидж»...

Когда такси остановилось у входа в отель, я испытала долгожданный прилив бодрости и радостного оживления. Носильщики бросились выгружать мой багаж, пока я расплачивалась с водителем. Много лет назад в Дублине Амброз рассказал мне об этой знаменитой и роскошной гостинице, когда я размышляла о пробной вылазке в Лондон вместе с Бриджит во время наших летних каникул в университете.

– Это прекрасный город, Мэри, с великолепной архитектурой и множеством исторических зданий, – сказал он. – Если ты отправишься туда, обязательно выпей чаю в «Кларидже» и полюбуешься на изумительный интерьер в стиле ар-деко. Когда мои родители приезжают в Лондон по делам или на светские мероприятия, они всегда останавливаются там.

Тогда мы действительно поехали в Лондон, но, вместо того чтобы пить чай в «Кларидже», мы с Бриджит поселились в обшарпанном пансионе на Глостер-роуд. Тем не менее мы обе влюбились в Лондон, и это побудило Бриджит переехать сюда после университета, а меня – укрыться здесь, когда мне пришлось бежать из Дублина...

И вот теперь меня препроводили в фойе «Клариджа» в роли состоятельной туристки.

– Надеюсь, ваша поездка прошла благополучно, мадам? – спросила администраторша, пока я стояла за стойкой регистрации, впитывая неброскую роскошь окружающей обстановки.

– Спасибо, вполне благополучно.

– Вижу, что вы прилетели из Торонто. Мне всегда хотелось посетить Канаду. Ваш паспорт, мадам?

Я протянула администратору паспорт и посмотрела, как она вносит данные в свой компьютер.

– Итак, ваш адрес – Новая Зеландия, долина Гибстон, винодельня Макдугал?

– Все верно.

– Еще одна страна, где мне всегда хотелось побывать, – улыбнулась она.

– Прошу прощения за вмешательство, – раздался голос у меня за спиной, – но я услышал, что вы живете при винодельне в долине Гибстон?

Обернувшись, я увидела очень высокого, угловатого мужчину в старомодном костюме-тройке, который словно вышел из времен расцвета Оскара Уайльда.

– М-да, – отозвалась я, гадая, не окажется ли он управляющим отсюда: уж очень официально он выглядел. – Что-то не так?

– Боже мой, нет. – Он улыбнулся и достал из нагрудного кармана визитную карточку. – Позвольте представиться. – Он указал на карточку. – Орlando Саквилль, назначенный за свои прегрешения винным экспертом и кулинарным обозревателем. Я могу оправдать это грубое вторжение лишь вчерашней беседой за обедом с моим добрым знакомым. Видите ли, он занимается винным импортом. Он рассказал мне, что новозеландские вина укрепляют свою репутацию как младшие родственники австралийских вин и представляют настоящие шедевры. Он упоминал ваше предприятие как одну из ведущих виноделен. Полагаю, это вы получили золотую медаль за «Пино Нуар» 2005 года? Можно поинтересоваться, вы являетесь владелицей предприятия?

– Мы с мужем вели этот бизнес совместно в течение многих лет... увы, он недавно скончался. Теперь мой сын Джек вступает в права владения.

– Мои глубокие соболезнования. – Мужчина казался искренне опечаленным. – Я больше не смею занимать ваше время, но позвольте спросить: вы остановились в этой гостинице?

– Да.

– Тогда, со всем почтением, сможете ли вы уделить мне час вашего времени сегодня вечером? Мне бы очень хотелось написать статью о вашей винодельне; местные влиятельные газеты обожают такие вещи в своих гастрономических разделах. И, разумеется, я хорошо знаком с главным редактором винного клуба «Санди таймс». Уверен, вы скоро узнаете, что если чье-то вино включено в специальную подборку, он может считать себя *состоявшимся* человеком.

– Можно немного подумать? Видите ли, я немного устала после перелета, и...

– Сабрина! Моя милая девочка, как вы здесь оказались?

Обернувшись, я увидела стройную гибкую блондинку, довольно похожую на Мэри-Кэт. Мой новый знакомый дружески расцеловал ее в обе щеки.

– О, я только что приехала из сельской глубинки вместе с Джулианом, – ответила она. – Мы остановились здесь на пару суток, он будет работать, а я пока пройдуся по магазинам.

– Дивно, дивно, моя дорогая, – обратился он к девушке, которая выглядела весьма нервно. Он поймал мой взгляд и привлек ее ближе к себе.

– Позвольте представить вам леди Сабрину Воган, старинную подругу моей семьи.

– Здравствуйте, э-э-э...

– Мэри, миссис Макдугал, – сказала я и обменялась с нею рукопожатием.

– Миссис Макдугал – совладелица замечательного виноградника и винодельни в Новой Зеландии. Я только что рассказал ей, как тепло наш дорогой Себастьян Фэйрклоу позавчера

отзывался о ее винах. Теперь я решительно намерен склонить ее к интервью об этом винограднике.

– Ясно, – кивнула Сабрина. – Очень приятно познакомиться, Мэри.

Наступила пауза, мой новый знакомый пожирал Сабрину взглядом.

– Ох! – воскликнула она. – Почему бы вам не заглянуть в мой люкс на коктейль к шести часам вечера? Я остановилась... э-э-э, в 106-м номере. Вас я тоже буду рада видеть, миссис Макдугал, – добавила она.

– Вот и славно! – сказал Орландо. – Скоро увидимся, Сабрина.

– Прошу прощения, миссис Макдугал, можно вашу кредитку? – спросила администраторша, когда Сабрина направилась к лифту.

– Разумеется. – Я порылась в сумочке и протянула кредитную карту.

– Еще раз извините за неудобство, миссис Макдугал, но, если сможете, приходите сегодня вечером на коктейль к Сабрине. Тогда и обсудим ваш виноградник и все, что связано с виноделием.

– Повторюсь, у меня легкий стресс после перелета и недосыпания, но я постараюсь.

– Превосходно. Тогда разрешите проститься с вами. – Он отошел в сторону, когда администраторша протянула мне ключ, но потом остановился и повернулся ко мне.

– Простите, в каком номере вы остановились?

Я взглянула на ключ.

– Номер 112. До свидания, Орландо.

Наверху, в просторной комнате с высоким потолком, изысканной мебелировкой и видами на оживленные лондонские улицы, я достала из чемодана два летних платья, юбку и блузку, а потом позвонила по служебному телефону и заказала чай в номер. Хотя здесь имелись все необходимые вещи для самостоятельного чаепития, мне хотелось пригубить напиток из тонкой фарфоровой чашки, наполненной из элегантного чайника, – в точности как описывал Амброз. Когда все доставили, я уселась на стуле, смакуя этот момент.

Потом я рассмотрела карточку, полученную от чопорного англичанина. Если он был тем, за кого себя выдавал (а информация на карточке и приветствие той девушки в фойе отеля, безусловно, подтверждали это), то у меня появилась отличная возможность привлечь внимание британской – а возможно, и международной – прессы к нашей винодельне.

Я решила позвонить Джеку. По привычке я посмотрела на часы, чтобы прикинуть разницу во времени, но потом поняла, что больше не нахожусь в Австралии, Новой Зеландии или даже в Канаде. Разница во времени с Францией составляла лишь один час.

Я сняла трубку стационарного телефона на прикроватном столике и набрала мобильный номер Джека. Понадобилось некоторое время для соединения, а потом раздался незнакомый тоновый сигнал, означавший звонок в другую страну.

– Алло?

– Это мама, Джек. В трубке сильный треск... ты меня слышишь?

– Да, четко и ясно. Как ты там? Или, скорее, где ты сейчас?

– У меня все хорошо, Джек, – сказала я и понадеялась, что он незнаком с британскими и американскими телефонными кодами. Я решила солгать ему. – Я в Нью-Йорке!

– Ого, Большое Яблоко! Как оно там?

– Ох... шумно, оживленно, потрясающе! – Я никогда в жизни не бывала в Нью-Йорке. – Так, как можно было представить. Теперь расскажи, как твои дела, мой милый.

– Я очень доволен, мама, я просто счастлив. Мне трудновато общаться с моим ломаным французским, но я многое узнаю от Франсуа, а долина Роны – это нечто поразительное! Целые мили виноградников, пастельных домов и голубых небес. Здесь даже есть горы, которые напоминают о нашем доме. Хотя все не так, как дома. – Джек тихо рассмеялся. – Значит, после Нью-Йорка ты направляешься в Лондон?

– Да.

– Франсуа говорит, что будет очень рад принять тебя после сбора урожая, если ты согласишься оказать взаимную услугу и принять его вместе с семьей в Новой Зеландии в следующем году.

– Разумеется, Джек, нечего и говорить об этом. Я буду счастлива увидеть Прованс, но после Лондона у меня запланирована Ирландия, ты помнишь?

– Великое возвращение на родину предков... Было бы здорово побывать там и увидеть родину моей таинственной мамы. Вообще-то, ты даже не говорила о своей жизни в Ирландии, только об учебе в Дублинском университете.

– Честно говоря, ты никогда не спрашивал, – парировала я.

– «Честно говоря», мама? У тебя появляется ирландский акцент, даже когда ты думаешь о возвращении! А в целом как проходит твое путешествие?

– Очень хорошо, но я ужасно скучаю по моему отцу. Мы всегда думали, что рано или поздно он отойдет от дел, но это было не в его характере.

– Знаю, мама. Мне не нравится, что ты путешествуешь совсем одна.

– Ох, Джек, не волнуйся за меня. Я отлично могу позаботиться о себе. Кстати, я хотела рассказать тебе о неожиданной встрече в отеле... – Я вдруг вспомнила, что должна находиться в Нью-Йорке. – Это было вчера вечером. Это винный эксперт, журналист, который пишет статьи для крупных международных газет. Мы немного поболтали, и он попросил меня дать ему интервью о нашей винодельне, ее истории и так далее. Что думаешь?

– Кажется, это именно то, что нам нужно. Ого! Стоит на пару минут упустить тебя из виду, и ты уже раздаешь интервью винным экспертам!

– Очень смешно, Джек. Этот парень вдвое младше меня. Его зовут... – я сверилась с визитной карточкой, – ...Орландо Саквилль. Ты, случайно, не слыхал о нем?

– Нет, но я не специалист по винным экспертам. Как ты помнишь, папа разбирался в этих вопросах. Так или иначе, нам не повредит, если ты поговоришь с ним, да? Можешь рассказать о том, как вы с отцом основали бизнес на пустом месте. Если ему понадобятся технические подробности о нашем винограде, почвах и прочих вещах, дай ему мой мобильный номер, и я с удовольствием пообщаюсь с ним.

– Разумеется, – сказала я. – А теперь давай занимайся своими делами. Я скучаю по тебе, Джек, и твоя сестра тоже скучает.

– Мне тоже вас не хватает. Ладно, мама, оставайся на связи. Я люблю тебя.

– Я тоже.

Сразу же после окончания разговора я позвонила по телефону, напечатанному на визитной карточке.

– Орландо Саквилль, – ответил бархатный голос моего нового знакомого.

– Это Мэри Макдугал из винодельни в Онтаго, с которой вы встретились внизу. Я вас не беспокою?

– Ничего подобного. Какой приятный сюрприз! Означает ли это, что вы согласились дать мне интервью?

– Я обсудила это с моим сыном Джеком, он сейчас находится в Провансе и полагает, что мне будет полезно побеседовать с вами. Он также может сообщить все необходимые технические подробности.

– Восхитительно! Значит, в шесть вечера, в номере Сабрины?

– Да, хотя я не задержусь надолго. Боюсь уснуть на месте.

– Прекрасно понимаю вас. Сабрина будет очень рада.

– Значит, до встречи в шесть вечера. До свидания, Орландо.

– До скорого свидания, миссис Макдугал, – ответил он по-французски.

Я повесила трубку, внезапно охваченная воспоминаниями о своем прошлом в Дублине, когда я только что поступила в Тринити-колледж и познакомилась с людьми, похожими на Орlando и Сабрину, с их безупречным английским выговором и беззаботной жизнью.

– Сегодня вечером я собираюсь встретиться с английским виконтом и дамой из высшего общества, меня пригласили на коктейль, – сказала я вслух и подумала о том, как сильно это не понравилось бы *ему*.

Лежа на мягчайших подушках, я обдумывала сведения, которые мне удалось собрать о двух мужчинах из моего прошлого. В Новой Зеландии определенно не было мужчин подходящего возраста с такими именами: я перепробовала все возможности перед отъездом. А после того, как не принесли результата поиски зарегистрированных браков и смертей в архивном управлении Торонто, единственным местом для получения информации перед моим отъездом в Ирландию оставался Лондон.

«Ладно, Мерри, перестань думать об этом. Это было давным-давно, а ты собиралась провести безмятежный отпуск».

Я достала из коробки бутылку виски «Джемисон», купленную в магазине беспощинной торговли, и налила немного, решив, что после пересечения такого количества часовых поясов мой организм так или иначе сбился с толку. Обычно я не позволяю себе употреблять спиртное до вечера, а сейчас было около двух часов дня, но я все равно сделала солидный глоток. Внезапно ко мне вернулось яркое воспоминание о первом вечере, когда я увидела его. Я была похожа на пугало, когда появилась в каком-то дублинском баре послушать игру музыкальной группы, где выступал последний ухажер Бриджит.

В тот вечер Амброз назвал меня самой красивой девушкой, которую ему приходилось видеть, но я восприняла это как мимолетный комплимент. Ему вообще не нужно было ничего говорить, чтобы зачаровать меня; достаточно было одного взгляда теплых светло-карих глаз, чтобы я влюбилась в него.

Дублин...

Как могло случиться, что прошлое вернулось ко мне с такой силой? И если я мысленно перенеслась в прошлое, то было ли совпадением, что эти девушки начали преследовать меня?

Я понимала, что, осторожно раскрывая воспоминания, так долго лежавшие под спудом, я рискую высвободить бурный поток других воспоминаний, иногда проникающих в самое детство.

Я помнила *его* – высокого мальчишку, с которым я училась в школе и вместе гуляла по окрестным полям. Я помнила, каким неистовым он был даже в то время. Непреклонным в своих убеждениях и твердо намеренным убедить меня.

– Прочитай это, Мерри, и ты поймешь, – сказал он, когда вручил мне блокнот. В тот день я собиралась уехать в пансион для девушек в Дублине.

– Я буду называть тебя потерянной сестрой до тех пор, пока ты не вернешься, – добавил он.

Его энергия была нервирующей, особенно потому, что она очень часто оказывалась сосредоточенной на мне.

– Я хочу, чтобы ты познакомилась с жизнью моей бабушки Нуалы. Чтобы ты узнала, что британцы сделали с нами и как моя семья боролась за свободу Ирландии... Это мой подарок для тебя, Мерри.

На первой странице толстой тетради в черной обложке стояла надпись «Дневник Нуалы Мэрфи. 19 лет». Я сорок восемь лет хранила у себя эту тетрадь, но ни разу не читала ее. Помню, как я перелистала страницы, когда приехала в пансион, но неразборчивый и неряшливый почерк с массой орфографических ошибок охладил мое рвение; к тому же моя новая жизнь в Дублине требовала множества других занятий. А потом, по мере нашего взросления, я старалась держаться как можно дальше от него и его убеждений, но все же прихватила дневник

с собой, когда уехала из Ирландии. Я снова обнаружила его в коробке, когда проходила через болезненный процесс сбора и упаковки вещей Джока. И, словно по наитию, взяла тетрадь с собой в эту поездку.

Я встала, открыла чемодан и нашла дневник во внутреннем кармане, завернутый в холщовый мешок. Почему я просто не выбросила его, как рассталась почти со всем, что имело отношение к моему прошлому?

Я достала шкатулку с ювелирными украшениями и хотела положить ее в комнатный сейф, но что-то заставило меня открыть ее. Я вынула кольцо, и в солнечном свете блеснули семь крошечных изумрудов. Потом я опустилась на кровать, достала очки для чтения и взяла дневник.

«Пора, Мерри...»

Я раскрыла тетрадку и провела кончиками пальцев по выцветшим черным чернилам, густо покрывавшим страницы.

28 июля 1920 года...

Нуала

Аргидин-Вэлли, Западный Корк, Ирландия

Cumann na mBan⁵
Совет ирландских женщин

11

Нуала Мэрфи развешивала на веревке выстиранную одежду. За последние несколько месяцев длина веревки увеличилась в три раза вместе с количеством белья, которого Нуала стирала для храбрецов из местных бригад Ирландской республиканской армии, известной как ИРА.

Бельевая веревка была натянута перед фермерским домом с видом на долину и восходящее солнце. Нуала подбоченилась и окинула взглядом нижние аллеи, выискивая любые признаки «черно-коричневых» – ненавистных британских констеблей, получивших такое прозвище за армейские штаны цвета хаки в сочетании с темно-зелеными куртками Ирландской королевской полиции, которые казались почти черными. Они колесили по сельской местности в своих грузовиках с открытым верхом; их единственной целью была ликвидация мужчин, сражавшихся с британцами в качестве добровольцев ИРА. Они тысячами прибывали в прошлом году для поддержки местной полиции, не способной удержать и подавить ирландское восстание. Нуала с облегчением убедилась, что аллеи и дороги, проходившие под ее домом, оставались пустынными.

Ее подруга Флоренс, которая, как и Нуала, состояла в женской добровольческой организации Куманн на-Маэн, раз в неделю приезжала на пони с тележкой и привозила белье

⁵ На сайте автора приведена транслитерация произношения этого названия на английском языке: «Куманн на-Маэн» (прим. пер.).

для стирки, спрятанное под нарезанными брикетами болотного торфа. Когда белье захлопало на ветру, Нуала позволила себе слабую улыбку. Было нечто приятное и вызывающее в том, чтобы выставлять на всеобщее обозрение подштанники самых разыскиваемых людей в Западном Корке. Нуала еще раз огляделась вокруг и вошла в дом. В совмещенной кухне-гостиной с низкими потолочными балками сегодня было душно, особенно из-за разведенного камина, готовился обед на всю семью. Мать Нуалы, Эйлин, уже очистила овощи, и теперь они кипели в горшке над огнем. Направившись в кладовую, Нуала взяла яйца, которые рано утром забрала из курятника, муку и драгоценные сухофрукты, вымоченные в холодном чае, и начала готовить смесь, которой должно было хватить на три-четыре фруктовых кекса. В эти дни у двери в любую минуту мог появиться волонтер ИРА, изможденный после долгого бегства, нуждавшийся в пище и крове.

Вывалив смесь в железный котелок, чтобы повесить его над огнем, когда овощи будут готовы, Нуала вытерла пот со лба и подошла к входной двери, чтобы подышать свежим воздухом. Сейчас она думала, что ее детство здесь, на Кросс-Фарм, не обходилось без тяжелой работы, но было сравнительно беззаботным. Только это было до того, как ее ирландские братья решили, что пора восстать против британского владычества, угнетавшего и контролировавшего Ирландию на протяжении столетий. После первых убийств британских констеблей в Типперери в январе 1919 года, которые привели к вооруженным столкновениям, в Ирландию для подавления мятежа были отправлены десять тысяч британских солдат. Из всех армейских подразделений в Ирландии Эссекский полк был самым безжалостным и совершал рейды не только по конспиративным квартирам ИРА, но и по домам обычных жителей. Потом «черно-коричневые» присоединились к солдатам в попытке задушить восстание.

Ирландия превратилась в оккупированную страну, где гражданские свободы, которые Нуала раньше воспринимала как должное, были жестоко ущемлены. Теперь ирландские повстанцы уже более года находились в состоянии войны с могучей Британской империей; они воевали не только за свою свободу, но и за освобождение своей родины.

Нуала подавила зевоту; она уже забыла, когда спала больше трех часов в сутки из-за волонтеров, прибывавших на ферму на постой и за провиантом. Кросс-Фарм была известна всем местным бойцам ИРА как конспиративная явка – отчасти из-за выгодного расположения в долине, где имелась возможность выставить дозорных на вершине густо заросшего холма за фермой, откуда открывался вид на округу с высоты птичьего полета. Это давало постояльцам достаточно времени для того, чтобы уйти и рассеяться по окружающей местности.

– Мы победим, – прошептала Нуала, когда вернулась в дом, чтобы проверить овощи. Ее отец Дэниэл и старший брат Фергус были ревностными волонтерами, а она со своей старшей сестрой Ханной работала для Куманн на-Маэн. Хотя это не требовало такого же прямого участия в боевых действиях, как для ее брата, Нуала гордилась тем, что их работа давала прочную опору для мужчин. Без женщин, доставлявших секретные сообщения, контрабандное оружие и гелигнит для бомб либо просто готовивших еду и стиравших одежду, восстание могло бы захлебнуться уже через несколько недель.

Ее троюродный брат Кристи жил вместе с их семьей уже более десяти лет. Мэрфи взяли его к себе после смерти его родителей, и до Нуалы доходили слухи, что у него есть старший брат по имени Колин, который был слабоумным и находился в лечебнице Корк-Сити, предназначенной для таких, как он. Это составляло разительный контраст с суровой и стойкой натурой Кристи. В пятнадцать лет он случайно угодил ногой в молотилку для зерна, и, хотя ногу удалось спасти, хромота осталась навсегда. Кристи вырезал себе красивую дубовую трость, и, хотя он был лишь на несколько лет старше Нуалы, трость придавала ему вид глубокомысленного старца. Несмотря на свою травму, он был силен как бык и числился в должности адъютанта в Баллинскартской бригаде ИРА, работая вместе с отцом Нуалы. Ни Кристи, ни отец не состояли в активных боевых ячейках, но их интеллект помогал планировать засады, коор-

динировать линии разведки и снабжения. Кристи работал в пабе в Клогхе и каждый вечер после усердного труда на ферме садился на свою старую лошадку и ехал в поселок разливать по кружкам портер. Там он слушал и запоминал полезную информацию, если группа «черно-коричневых» приходила в паб и спиртное развязывало им языки.

– Здравствуй, дочка, – сказал отец, споласкивая руки в бочке с водой, стоявшей перед дверью. – Обед уже готов? Я жутко проголодался, – добавил он, наклонив голову при входе и усевшись за стол.

Ее отец был здоровенным как медведь, и, хотя Фергус был высоким парнем, Дэниэл гордился тем, что сын так и не перерос его. Из всех страстных ненавистников Британии, когда-либо находившихся в стенах Кросс-Фарм, отец был самым стойким и громогласным. Его родители пали жертвой голода, и в юности ему довелось стать свидетелем «земельных войн» – восстания против британских землевладельцев, взимавших чудовищную арендную плату за лачуги, где жили работавшие на них фермеры. Дэниэл был истинным *фением*⁶ с головы до ног. Вдохновленные подвигами *fian* – воинских дружин из ирландских легенд, – фении твердо верили, что Ирландия должна обрести независимость и единственным способом достижения этой цели было вооруженное восстание.

Отец бегло говорил по-гэльски и воспитал своих детей в духе гордости за ирландское происхождение. Он научил их родному языку едва ли не раньше, чем они начали говорить по-английски. Все дети знали, что опасно говорить по-гэльски на людях, поэтому беседовали на гэльском лишь за закрытыми дверями Кросс-Фарм.

После «земельных войн» ее дед смог выкупить четыре акра плодородной земли у британских землевладельцев Фицджеральдов. Когда Дэниэл унаследовал ферму, ему удалось приобрести еще один акр и расширить свои владения. Нуала знала, что освобождение от «угнетателей», как он называл британцев, было важнейшим делом его жизни.

Его героем был Майкл Коллинз – «Мик», или «Большой Парень», как его называли в здешних местах. Уроженец Западного Корка, родившийся лишь в нескольких милях от Клонакилти, Мик вместе с Дэниэлом принимал участие в Пасхальном восстании, а затем, после двух лет, проведенных в британской тюрьме, стал главой добровольческого ополчения ИРА по всей Ирландии. Как часто говаривал отец Нуалы, именно Мик Коллинз командовал парадом, особенно пока Эймон де Валера, президент формировавшегося республиканского правительства, находился в Америке и занимался сбором средств для сопротивления ирландцев. Имя Майк ла Коллинза произносили с почтением, и у ее сестры Ханны была газетная вырезка с его фотографией, прикрепленная к стене напротив кровати, так что сестра видела его каждое утро. Нуала сомневалась, что любой другой мужчина когда-то сможет сравниться для Ханны с Большим Парнем. В двадцать лет ее старшая сестра не проявляла ни малейшего желания выходить замуж.

– Где мама, Нуала? – спросил Дэниэл.

– На улице, папа, копает картошку. Я позову ее.

Нуала вышла наружу, сунула два пальца в рот и пронзительно свистнула.

– Где Фергус и Кристи? – поинтересовалась она, когда вернулась в дом и начала раскладывать по тарелкам картошку и капусту с вареной ветчиной.

– Сеют зимний ячмень в поле. – Дэниэл посмотрел на дочь, когда она поставила перед ним миску с едой. Они перешли на половинные порции, экономя припасы для голодных волонтеров. – Есть новости?

– Сегодня еще нет, но...

⁶ Фении (от древнеирландского *fian*, военная дружина) – ирландские мелкопоместные революционеры второй половины XIX и начала XX века (прим. пер.).

Нуала повернулась к открытой двери и увидела Ханну, спешившую по тропинке к дому на своем велосипеде. Сестра работала в одежном магазине в Тимолиге и обычно не возвращалась домой к полуденной трапезе. Нуала поняла, что что-то случилось. Сердце забилося в груди быстрее; это ощущение теперь приходило так часто, что стало привычным.

– Что случилось? – спросила она, когда Ханна вошла в дом. Эйлин, Фергус и Кристи последовали за нею. Дверь плотно закрыли и заперли на засов.

– Я только что узнала, что эссекцы арестовали Тома Хэйлса и Пата Харта, – сказала Ханна, тяжело дыша от усталости и волнения.

– Боже, – произнес Дэниэл и прикрыл глаза рукой. Остальные члены семьи расселись по стульям и табуретам.

– Как? – спросила Эйлин. – Где?

– Кто знал, где они находились? – жестко осведомился Кристи.

Ханна протянула руки, чтобы утихомирить их. Тарелка, которую Нуала собиралась поставить на стол, замерла в воздухе. Том Хэйлс был командиром Третьей бригады Западного Корка: он принимал решения, и люди доверяли ему свою жизнь. Невозмутимый Пат Харт был его бригадным квартирмейстером, отвечавшим за организационные и практические вопросы.

– Это был шпион? – спросил Фергус.

– Мы не знаем, кто донес на них, – сказала Ханна. – Мне известно лишь, что их схватили на ферме Харли. Элли Шихи тоже находилась там, но ей удалось отмазаться. Это она послала мне весточку.

– Иисус, Мария и Иосиф! – Дэниэл стукнул кулаком по столу. – Только не Том и Пат. Разумеется, мы знаем причину. Это было сделано в отместку за сержанта Малхерна, застреленного возле церкви Святого Патрика вчера утром.

– Да сжалится Господь над его безжалостной душой, – добавил Кристи.

В наступившей тишине Нуала совладала с собой и подала еду потрясенным и подавленным членам семейства.

– Мы не могли ожидать, что убийство Малхерна останется без последствий; в конце концов, он был главным офицером разведки в Западном Корке, – сказала Ханна. – Честно говоря, это было проделано не лучшим образом, потому что он шел на мессу. Довольно жестоко.

– Война жестока, дочь моя, и ублюдок заслуживал этого. Сколько ирландских жизней будет на его совести, когда он предстанет перед Творцом? – грозно спросил Дэниэл.

– Что сделано, то сделано, – сказала Нуала и перекрестилась украдкой. – Ханна, ты знаешь, куда их забрали?

– Элли сказала, что их пытали в сарае на ферме Харли, а потом вывели наружу со связанными за спиной руками. Она сказала... сказала, что они почти не держались на ногах. Они заставили Пата махать «Юнион Джеком»⁷, – с отвращением добавила Ханна. – Мне сообщили, что их удерживают в Брендонских бараках, но готова поспорить, что их переправят в Корк-Сити, прежде чем волонтеры успеют устроить хорошую засаду, чтобы спасти их.

– Пожалуй, ты права, дочка, – сказала Эйлин. – Другие бригады оповещены?

– Не знаю, мама, но уверена, что скоро узнаю. – Ханна поспешно съела несколько остывших картофелин и кусок капусты. – Нуала, у меня есть новости для тебя.

– Какие?

– Сегодня утром в магазин приходила горничная леди Фицджеральд. Она спросила, сможешь ли ты прийти сегодня в Большой Дом во второй половине дня, чтобы присмотреть за ее сыном Филиппом. Его сиделка неожиданно ушла из дома.

Вся семья недоверчиво уставилась на Ханну. Наконец Нуала нашла в себе силы заговорить:

⁷ «Юнион Джек» – британский флаг (прим. пер.).

– Ох, Ханна, после того, что ты мне рассказывала, Аргидин-Хаус – не то место, где я захотела бы проводить время. Кроме того, почему именно я? Я приходила туда только для того, чтобы помогать с обедом и иногда подавать еду на стол, но я даже незнакома с ее сыном.

– Леди Фицджеральд слышала, что ты училась на сиделку до начала боевых действий. Очевидно, кто-то порекомендовал тебя.

– Конечно же, я не собираюсь туда, – решительно заявила Нуала. – У меня сушится постельное белье и одежда, и кто будет заваривать чай?

Последовало очередное молчание, потом отец посмотрел на нее.

– Думаю, тебе следует отправиться туда, дочка. Если они готовы впустить тебя в свой дом, это значит, что мы не под подозрением.

– Я... папа! Нет, пожалуйста, я не могу. Мама, скажи ему!

Эйлин пожала плечами. Такие решения мог принимать только ее муж.

– Я согласен с папой, – сказал Фергус. – Думаю, тебе стоит пойти. Неизвестно, что ты сможешь услышать там, внутри.

Нуала обвела взглядом членов семьи.

– Это все равно что послать меня в тыл врага, – горько сказала она.

– Послушай, Нуала. Да, сэр Реджинальд – британский протестант, который принимает наших врагов, но я скажу, что он порядочный человек, чья семья долго живет в Ирландии, – ответил Дэниэл. – В таких ситуациях легко мазать всех одной краской. Ты знаешь, что я – ирландский республиканец до мозга костей и хочу выгнать британцев, но следует отдать должное сэру Реджинальду; он достойный хозяин, несмотря на его происхождение. Его отец по сходной цене отдал землю моему отцу, а сэр Реджинальд выделил мне этот дополнительный акр за сущие гроши.

Нуала посмотрела на отца и поняла, что дальнейшие возражения бесполезны. Отцовское слово было законом. Она коротко кивнула, выразив свое согласие, и принялась за еду.

– В какое время мне нужно быть там? – спросила она.

– Так скоро, как сможешь, – ответила Ханна.

– Иди помойся и надень свое лучшее хлопчатобумажное платье, – распорядилась Эйлин после того, как Нуала закончила обед.

С недовольным вздохом Нуала последовала ее совету.

Теперь, когда мать целиком отвечала за еду и стирку, Нуала выкатила из сарая свой велосипед и присоединилась к Ханне на время поездки в Тимолиг.

– Что будет делать бригада без Тома Хэйлса во главе? – спросила она сестру.

– Думаю, они выберут Чарли Харли в качестве временного командира, – сказала Ханна, пока они катились по пологому склону холма к дороге вниз, проходившей вдоль реки Аргидин до Инчбриджа, где им предстояло расстаться.

– А мой Финн? – прошептала Нуала. – Есть новости о нем?

– Я слышала, что он с Чарли Харли на конспиративной квартире, так что не беспокойся. Ну вот, отсюда я возвращаюсь в магазин. Удачи тебе в Большом Доме, сестра.

Ханна помахала рукой и уехала, а Нуала неохотно повернула в сторону Аргидин-Хауса.

Узкая дорога тянулась вдоль железнодорожной линии, которая, в свою очередь, проходила вдоль реки. В лесной чаще пели птицы, и солнечные лучи играли в листве. Нуала миновала то особое место, где они с Финном устраивали тайные свидания. Она слезла с велосипеда и покатила его в глубь леса, где прислонила к старому дубу. Сидя под раскидистой кроной на том самом месте, где Финн впервые поцеловал ее, Нуала уделила несколько минут молчаливому раздумью.

Она впервые заприметила Финнбара Кейси на гэльском футболе, где он играл в одной команде с Фергусом. Ему было шестнадцать, а ей лишь четырнадцать, и он бы не удостоил ее вторым взглядом. Но она была загипнотизирована этим высоким темноволосым парнем, кото-

рый бегал с таким непринужденным проворством, искусно уклоняясь от соперников, перед тем как послать мяч в ворота. У него был добродушный смех и ласковые голубые глаза, и он крепко запечатлелся в ее памяти даже после того, как уехал для учебы на педагогических курсах. Они снова встретились на свадьбе год назад, после того как он стал учителем в местной школе. Во время вечерних танцев он взял Нуалу за руку, и она поняла, что их чувства взаимны. В восемнадцать и двадцать лет разница в возрасте больше ничего не значила. Случилось то, что должно было случиться. Их бракосочетание было назначено на август, и до него оставалось лишь несколько недель.

– Я мечтал, что мы устроим свадьбу в свободной Ирландии... – сказал Финн во время их последней встречи.

– Само собой, но я не собираюсь больше ждать, чтобы стать твоей женой, – ответила она. – Мы будем вместе сражаться за свободу.

Финн был идейным членом Третьей бригады Западного Корка вместе со своим лучшим другом Чарли Харли. Совсем недавно бойцы бригады устроили засаду на Ирландскую королевскую полицию в Ахавадде, убили трех полисменов и забрали их винтовки и амунисию. Это были ценные трофеи, поскольку и то и другое было в дефиците. В то время как британцы имели за спиной вооруженную мощь империи, волонтеры сражались с тем оружием, которое было либо украдено, либо доставлено контрабандой из-за моря. Многие мужчины в бригаде уже погибли, но Финну удавалось уходить невредимым, отчего его прозвали «Финн Девять Жизней». Нуала тяжело сглотнула. До сих пор ему везло, но, ухаживая за ранеными волонтерами, она хорошо знала, как переменчива эта удача... Как для Тома Хэйлса и Пата Харта вчера вечером.

– И вот я направляюсь в Большой Дом, чтобы прислуживать британцам, – вздохнула Нуала, снова забралась на велосипед и тронулась в путь. Она ехала вдоль высокой каменной стены, обозначавшей границу дома и парка, потом повернула на длинную извилистую подъездную дорогу и все гадала, каково жить в доме, где можно разместить, наверное, сотню человек. Многочисленные окна отбрасывали на нее солнечные блики, парадное обрамляли высокие колонны, – дом был симметричным и прямоугольным, в том стиле, который так нравился бри танцам.

Свернув возле дома налево, Нуала направилась к задней части, где находился вход на кухню. Во дворе пять громадных лоснящихся лошадей высывали головы над дверцами стойла.

«Если бы мы могли заполучить парочку таких красавиц, это бы сильно ускорило передвижение волонтеров между секретными убежищами...»

Соскочив с велосипеда, Нуала пригладила растрепанные ветром волосы, отряхнула платье и пошла к колокольчику у кухонной двери. Отсюда она могла слышать лай охотничьих собак, сидевших в своих конурах.

– Здравствуй, Нуала. Сегодня прекрасная погода, не так ли? – Люси, одна из кухарок, которую Нуала знала со школы, провела ее внутрь.

– Я бы назвала хорошим любой день, когда нет дождя, – ответила Нуала.

– И то верно, – согласилась Люси, провожая ее через громадную кухню. – Посиди здесь пять минут. – Она указала на табурет возле большого каменного очага, где пылал огонь и стояла кастрюля, из которой доносились вкусные запахи. – Домашняя горничная Морин ищет экономку, миссис Хоутон, которая отведет тебя наверх.

– Что случилось с прежней сиделкой?

– Ох, это такая сплетня, которая не должна покинуть пределы этой кухни. – Люси придвинула свой табурет ближе к Нуале и прошептала: – Лора сбежала с молодым конюхом!

– И что в этом плохого?

– Плохо то, что он из местных, а она британка и *к тому же* протестант ка! Ее милость, леди Фицджеральд, специально привезла ее сюда для ухода за Филиппом. Полагаю, они уже нашли какое-то судно и сейчас плывут в Англию. Ее милость спросила миссис Хоутон, знает ли она кого-то из местных девушек с опытом работы сиделкой. Миссис Хоутон обратилась к горничным, и я порекомендовала тебя.

– Очень заботливо с твоей стороны, Люси, но у меня нет нужной квалификации, – возразила Нуала. – Я всего лишь год проработала в Северной лечебнице в Корке, а потом была вынуждена вернуться домой и помогать на ферме.

– Ее милость не знает об этом, верно? Кроме того, парень не болен: ему просто нужно помогать мыться и одеваться да еще составлять какую-никакую компанию. Лора по большей части пила чай и читала ему вслух; во всяком случае, так говорит Морин. Но, знаешь, она ведьма. – Люси понизила голос. – Морин всего лишь горничная, но она ужасная кривляка. Никто ее не любит. Я...

Люси мгновенно замолчала, когда женщина, которую Нуала опознала как пресловутую горничную, вошла в кухню. Одетая в обычное черное платье с накрахмаленным белым передником, с длинным носом и бледным лицом, контрастировавшим с черными волосами, туго стянутыми и убранными под капор, она казалась суровой. По прикидкам Нуалы, ей было лет двадцать пять.

– Мисс Мэрфи? – спросила горничная, обратившись к ней.

– Да, я – Нуала Мэрфи.

– Пожалуйста, пойдемте со мной.

Проходя по кухне следом за Морин, Нуала обернулась к Люси и закатила глаза.

– Где вы получили опыт работы сиделкой? – осведомилась Морин, пока они шли по просторному коридору к лестнице, такой широкой и величественной, что она могла бы вести на небеса.

– В Северной лечебнице Корка.

– А ваша семья? Откуда вы родом?

– Мы живем на Кросс-Фарм, между Клогахом и Тимолигом. А вы? – вежливо спросила Нуала.

– Я родилась в Дублине, но мои родители переехали сюда, когда унаследовали ферму от старшего брата моего отца. Я же приехала для того, чтобы ухаживать за больной матерью. Ах, миссис Хоутон, вот девушка, которая будет временной сиделкой.

Нуала расслышала ударение на слове «временной», когда высокая женщина в длинном черном платье без передника, но с большой связкой ключей на поясе, появилась из-за двери одной из комнат.

– Спасибо, Морин. Добрый день, мисс Мэрфи, я отведу вас в комнаты Филиппа, – сказала женщина с четко выраженным британским акцентом.

– Можно спросить, что случилось с юношей? – спросила Нуала, поднимаясь по лестнице следом за миссис Хоутон.

– Он подорвался на mine, когда сражался на Великой войне⁸. Ему раздробило левую ногу, которую пришлось ампутировать по колено. Он передвигается в кресле-каталке и вряд ли когда-нибудь встанет на ноги.

Нуала едва слышала экономку; она смотрела на огромные полотна с портретами людей прошлых эпох, развешанные по обе стороны от лестницы.

– В чем будут заключаться мои обязанности? – спросила Нуала, когда поднялась на лестничную площадку и последовала за миссис Хоутон по коридору, достаточно широкому, чтобы по нему проехал грузовик «черно-коричневых».

⁸ Имеется в виду Первая мировая война.

– Во второй половине дня он любит, чтобы ему читали вслух. Около четырех часов дня ему приносят чай и сэндвичи. В семь вечера вы помогаете ему помыться, надеть ночную рубашку и халат. Он может послушать радио; в восемь вечера вы помогаете ему лечь в постель, он пьет горячий чай или какао с бисквитом и принимает лекарство. После этого вы можете идти. Послушайте. – Миссис Хоутон повернулась к Нуале. – Надеюсь, вы не брезгливы?

– Нет, – машинально ответила Нуала, думая о том, что «брезгливость» – это английское слово для обозначения чего-то нехорошего. – А что?

– Лицо бедного Филиппа было сильно обезображено при взрыве. Он потерял один глаз и едва может видеть другим.

– О, это не проблема. Я видела нечто подобное... в госпитале Корка, – поспешно закончила Нуала, испугавшись, что едва не проговорила о засаде, когда один из добровольцев ИРА был тяжело ранен при взрыве гранаты.

– Хорошо. Тогда мы войдем.

Миссис Хоутон тихонько постучала в дверь, и из комнаты донесся голос: «Входите».

Они вошли в просторную гостиную с окнами на парк. Мебель была настолько роскошной, что у Нуалы появилось желание провести руками по мягкой парчовой обивке дивана и стульев, по гладкой, блестящей поверхности сервантов и столов из красного дерева, расставленных по комнате. Человек в кресле-каталке сидел у окна спиной к ним.

– Пришла ваша новая сиделка, Филипп.

– Пусть подойдет сюда, – произнес тихий, глуховатый голос с английским акцентом.

Нуала последовала за миссис Хоутон через комнату, радуясь тому, что мать заставила ее надеть единственное хорошее платье.

Человек развернул кресло, и Нуала с трудом подавила вскрик ужаса. Черты его лица были грубо перекроены: пустая глазница, нос и левая сторона рта свисала ниже правой стороны. Кожа в промежутке была испещрена шрамами, однако правая сторона лица осталась нетронутой.

Глядя на пышную копну светлых волос, Нуала понимала, что когда-то он был симпатичным молодым человеком.

– Добрый день, сэр, – сказала Нуала и сделала маленький реверанс.

– Добрый день, мисс...

– Мэрфи, сэр. Нуала Мэрфи.

– Полагаю, вы ирландка?

– Так и есть, сэр. Я живу лишь в паре миль отсюда.

– Ваша мать уже связалась с кадровыми агентствами в Англии, – вмешалась миссис Хоутон. – Но Нуала работала сиделкой.

– Ах, миссис Хоутон, мы-то с вами знаем, что мне едва ли нужна сиделка. – Филипп пожал плечами. – Подойдите ближе, чтобы я мог разглядеть вас.

Филипп поманил Нуалу к себе и остановил ее, когда между ними оставалось лишь несколько дюймов. Он смотрел на нее, и она видела, что, хотя у него остался лишь один глаз, да и то наполовину слепой, он сохранил четкость восприятия.

– Она прекрасно подойдет, миссис Хоутон. Пожалуйста, – Филипп махнул рукой, отпуская экономку, – оставьте нас, чтобы мы могли познакомиться друг с другом.

– Хорошо, Филипп. Позвоните, если вам что-то понадобится.

Миссис Хоутон вышла из комнаты, и Нуала осталась наедине с Филиппом. Несмотря на первоначальное нежелание приходить сюда, ее щедрое сердце мгновенно прониклось сочувствием к этому бедному, обезображенному мужчине.

– Пожалуйста, – сказал он. – Прежде всего, зовите меня «Филипп», а не «сэр». Остальные слуги знают, что я этого не выношу. Это напоминает мне о том времени, которое я хотел бы забыть. Садитесь же, – добавил он, когда выкатил свое кресло к центру комнаты.

Хотя это была простая просьба, Нуалу всю жизнь учили стоять прямо перед любыми британскими дворянами, и она втайне гордилась этим. Поэтому просьба сесть – особенно на диван с парчовой обивкой – немного сконфузила ее.

– Да, сэр... то есть Филипп, – ответила Нуала и опустилась на диван. Теперь она преодолела шок от вида его лица, и ее взгляд опустился к полупустой штанине на его левой ноге.

– Итак, Нуала, расскажите мне о себе. – Нуала видела, что из-за развороченной губы он старается говорить медленно и четко.

– Я... ну, я одна из троих детей и живу на ферме вместе со своим кузенком, мамой и отцом, Дэниэлом Мэрфи.

– Ах да, мистер Мэрфи. Мой отец называет его достойным и разумным ирландцем. – Филипп кивнул. – Уверен, он не из тех, кто участвует в нынешних беспорядках в Ирландии.

«Иисус, Мария и Иосиф! Умоляю вас, не дайте ему увидеть румянец на моих щеках...»

– Нет, Филипп, вовсе нет.

Он повернул голову к окнам.

– Единственное, что поддерживало мой дух в тех окопах, это мысль о том, что однажды я вернусь в свой мирный и спокойный дом. А теперь... – Он покачал головой. – Ночью я иногда просыпаюсь от звуков перестрелки. Я...

Его голова опустилась на грудь, плечи поникли, и Нуала вдруг осознала, что он плачет. Она продолжала сидеть, думая о том, что еще никогда не видела мужских слез, даже когда вынимала кусочки разрывной пули из бедра Сони О'Нила после налета «черно-коричневых» на его ферму.

– Прошу прощения, Нуала. Боюсь, теперь я стал слезливым. Особенно когда речь заходит о войне. Столько жизней потеряно, столько страданий, и вот мы сидим в тихом уголке на краю света, а вокруг снова война.

– Могу я что-то сделать для вас, Филипп?

– Новый глаз и целая нога были бы тем, что надо, но, боюсь, этого мне не дожидаться. А потом, разумеется, мой дух покинет бесполезную плоть, в которой ныне обитает. Полагаю, вы верите в царствие небесное, Нуала?

– Да, Филипп.

– Это потому, что вы никогда не видели, как сотни молодых людей умирают в мучениях и зовут своих матерей. После этих криков очень трудно поверить в доброго и милосердного Отца, который поджидает нас наверху. Как вы думаете?

– Ну, я... – Нуала закусила губу.

– Продолжайте, пожалуйста. Ничто из сказанного не сможет оскорбить меня. Вы – первая молодая особа, которую я увидел за последние полгода, не считая предыдущей сиделки, но она была настолько тупой, что об этом незачем и говорить. Друзья моих родителей принадлежат к определенной возрастной категории, если вы понимаете, что я имею в виду. А вы местная уроженка, не говоря уже о католической вере, поэтому мне хочется услышать ваше мнение.

– Я... Полагаю, что бы ни ожидало нас после смерти, это будет настолько величественным, что мы забудем о боли и страданиях, которые испытывали здесь, на земле.

– Истинно верующая, – отозвался Филипп, и Нуала не смогла понять, насмехается он или нет. – Хотя я не выношу всю эту чушь о посмертном наказании за земные грехи... Что, к примеру, мог сделать любой семнадцатилетний солдат в траншеях, чтобы заслужить такое? – Филипп указал на свое лицо и отсутствующую ногу. – Я склонен думать, что человечество создает на земле собственный ад.

– Согласна, что война – ужасная вещь. Но иногда нужно сражаться за то, что по праву принадлежит тебе. Как это делали вы против гуннов⁹ во Франции.

⁹ Оскорбительное прозвище немцев в то время (прим. пер.).

– Разумеется, ты права. Мне не нравилась мысль о том, что немцы топчут зеленые поля нашей милой отчизны.

«Или как британцы оккупируют нашу землю...»

– Я лишь надеюсь, что жертвы того стоили, – продолжал Филипп. – Скажите, Нуала, вы играете в шахматы?

– Нет, я не умею.

– Как и сиделка, которая была до вас. Я пытался научить ее, но она оказалась слишком скудоумной. Не желаете попробовать?

– Мне будет интересно научиться новой игре, – ответила она, про себя изумляясь такому неожиданному повороту беседы.

– Хорошо. Тогда раскройте шахматный столик, который стоит вон там, перед окном.

Филипп показал Нуале, как раскрывается столик, и она увидела, что столешница покрыта узором из чередующихся темных и светлых клеток.

– Шахматные фигуры лежат в шкафчике, на котором стоит поднос с графином виски. Налейте мне капельку. Мой мозг лучше работает в спокойном состоянии, и позвольте сказать, что глоток хорошего ирландского виски стоит двадцати моих обезболивающих пилюль.

Нуала впервые увидела, как правый уголок его рта изогнулся в подобии улыбки. Она налила Филиппу бокал виски, взяла громышающую коробку и откатила его кресло к шахматному столику.

– Садитесь напротив меня; свет помогает мне лучше видеть.

Филипп запустил руку в карман брюк и достал монокль, который поместил над здоровым глазом.

– Итак, – сказал он, отхлебнув виски, – откройте коробку и достаньте шахматные фигурки. Я покажу, как расставлять их.

Нуала повиновалась. Фигурки были изготовлены из черного и кремового материала, гладкого и шелковистого на ощупь. Каждая из них была красиво вырезана, словно миниатюрная статуэтка.

– Итак... вы будете играть белыми, а я – черными. Смотрите, как я расставляю свои фигуры, и ставьте ваши как в зеркальном отражении.

Наконец доска была подготовлена к игре. После того как Нуала снова наполнила бокал Филиппа, он научил ее, как называются фигуры и как они могут передвигаться по доске.

– Единственный способ научиться – это играть и еще раз играть, – сказал он. – Ну как, вы в игре?

Нуала согласилась, что бы ни означали его слова. Сосредоточившись, она перестала обращать внимание на время, пока они двигали фигурки по доске, и постепенно начала понимать правила.

В дверь постучали.

– Проклятие! – пробормотал Филипп. – Да, входите!

В дверях стояла миссис Хоутон.

– Прошу прощения, но вы не собираетесь выпить чаю? Обычно сиделка посылала за чаем в четыре часа, а сейчас уже половина пятого.

– Это потому, что предыдущая сиделка была безмозглой дурой, а Нуала уже усвоила элементарные шахматные правила. Мы попьем чаю, а потом продолжим игру.

– Морин принесет его для вас. Будут сэндвичи с копченым лососем и огурцом.

– Отлично, миссис Хоутон. – Дверь закрылась, и Филипп посмотрел на Нуалу. – Раз уж нас так грубо прервали, не будете ли вы добры откатить меня в ванную комнату?

Филипп направил ее через дверь в спальню, где стояла громадная кровать с четырьмя столбиками, на которых было натянуто нечто вроде шелкового балдахина.

– Теперь направо, – распорядился он и указал на другую дверь. – Вкатите меня внутрь, а там я уже сам справлюсь.

Нуала изумленно смотрела на большую ванну с водопроводной трубой, отходившей от нее, и на низкую овальную чашу с цепочкой, свисавшей с потолка.

– Вы уверены, что вам не понадобится помощь?

– Все будет путем, как говорят ирландцы. Закройте дверь за собой, а я позову вас, когда буду готов.

Оставшись в великолепной спальне, Нуала на мгновение представила себя на громадной кровати, она глядела на шелковый балдахин и чувствовала себя надежно защищенной. Вдали от фермерского дома, который ежедневно находился под угрозой полицейских рейдов. Дома ее постелью служил соломенный тюфяк, а непрерывная работа с рассвета до заката была необходима хотя бы для того, чтобы у них всегда была еда на столе. Нуала представила, каково это – иметь слуг и унитаз за дверью спальни, куда можно было незаметно облегчиться в любой момент. И, прежде всего, не жить в ежечасном страхе...

«Но хотела бы я оказаться на его месте?»

– Ни за какие коврижки, – пробормотала она.

– Я готов, – донесся голос из соседней комнаты. Нуала встряхнулась и пошла открывать.

– Все готово, – сказал Филипп и улыбнулся. – Пожалуйста, потяните за цепочку наверху.

Стараясь не глазеть по сторонам, чтобы Филипп не принял ее за тупую крестьянку, она доставила его обратно в гостиную, где Морин установила трехъярусный серебряный поднос, наполненный сэндвичами и пирожными, а также две изящные фарфоровые чашки перед диваном с парчовой обивкой.

– Чай подан, – сообщила Морин. Нуала была уверена, что, выполняя небольшой реверанс, горничная посмотрела в ее сторону и этот взгляд был вовсе не теплым.

– Надеюсь, вам нравится рыба, – сказал Филипп, когда потянулся за сэндвичем из белого хлеба с обрезанной корочкой.

– Честно говоря, я никогда не пробовала рыбу.

– Это ничуть не удивляет меня, – заметил Филипп. – Я никогда не понимал, почему вы, ирландцы, так недолюбливаете ее. В здешних водах полно рыбы, однако вы предпочитаете мясо.

– Так меня воспитывали.

– Ладно, после того как вы наполните чашку – кстати, сначала чай, потом молоко, – я настаиваю, чтобы вы попробовали сэндвич. Как вы можете убедиться, здесь достаточно еды для десяти.

– Спасибо, я попробую.

Нуала налила чай и молоко. Чайник и молочник были тяжелыми, словно из литого серебра.

– Пожалуйста, налейте себе, Нуала. Должно быть, у вас пересохло в горле.

Это было очередное английское слово, которое она раньше не слышала, но ей действительно хотелось пить.

– Чин-чин, – произнес Филипп, коснувшись своей чашкой края ее чашки. – И поздравляю с парой остроумных ходов на шахматной доске. Если вы будете продолжать в том же духе, то через две-три недели сумеете одолеть меня.

* * *

Минуло девять вечера, когда Нуала наконец вышла из дома. На улице быстро темнело, и она включила велосипедный фонарик, чтобы ненароком не съехать в канаву. Остановившись

у того же дуба, где она встречалась с Финном, Нуала опустилась на землю и прислонилась спиной к стволу, ощущая силу и мудрость старого дерева.

Сегодня она вступила в другой мир, и ее голова кружилась от мыслей о том, что она обнаружила.

Игра под названием «шахматы» затянулась еще надолго после чаепития (а лосось, розовый и нежный, оказался гораздо лучше на вкус, чем она ожидала). Потом Филипп настоял на следующей игре, где перестал предлагать ходы, которые ей нужно было сделать. Этот поединок продлился лишь десять минут, но следующая игра продолжалась целый час, и под конец Филипп хлопнул ладонью по здоровому бедру.

– Славно, очень славно, – сказал он после того, как Морин принесла горячее молоко и бисквиты. – А знаете, Морин, Нуала еще может побить меня в шахматы!

Морин коротко кивнула и ушла. Не то чтобы Нуале хотелось услышать похвалу, но что-то в поведении горничной заставило ее насторожиться.

Нуале хотелось посидеть подольше, чтобы перевернуть последние несколько часов своей жизни. Но наступила темнота, и пора было возвращаться домой. Собравшись с силами, она встала и забралась на велосипед.

12

Той ночью Нуала и Ханна лежали вместе на кровати, которую они делили друг с другом в крошечной мансарде над кухней. Нуала погасила свечку и засунула под матрас свой дневник, где она записывала свои ежедневные впечатления, как однажды посоветовал ее школьный учитель. Ей пришлось уйти из школы в четырнадцать лет, чтобы помогать на ферме, но она гордилась тем, что по-прежнему упражняется в словесности.

– Ну, и как он тебе? – спросила в темноте Ханна.

– Он... довольно вежливый, – ответила Нуала. – Он получил ужасные раны во время Великой войны, поэтому передвигается в кресле-коляске.

– Ты ведь не сочувствуешь ему, правда? Эта семья украла земли, по праву принадлежавшие нам более четырехсот лет назад, а потом они заставили нас платить за крохотные земельные наделы!

– Он чуть старше тебя, Ханна, но с его лицом можно зарабатывать деньги в цирке уродов на сельской ярмарке. Он даже плакал, когда говорил о Великой войне...

– Господи, девочка! – Ханна выпрямилась в постели и откинула одеяло. – Я не желаю слышать, что ты сочувствуешь врагу! Лучше я выкину тебя из Куманн на-Маэн уже завтра утром.

– Нет, нет... прекрати! Даже папа говорит, что Фицджеральды – достойное семейство британцев. Кроме того, никто не предан нашему делу больше, чем я: мой жених прямо сейчас подвергает себя опасности ради поражения англичан. А теперь, поскольку у нас нет ночных гостей, а завтра предстоит собрание бригады, можно ли немного поспать?

– Я постоянно думаю о бедном Томе Хэйлсе и Пате Харте. – Ханна вздохнула и снова легла. – Мы уже оповестили наших разведчиц; они найдут место, где их держат. Но ты права, завтра будет долгий день. Добровольцы будут голодны как волки, а папа говорит, что их будет много.

– По крайней мере, у нас есть чистая одежда для них, – добавила Нуала, не осмелившись сказать сестре, что миссис Хоутон попросила ее вернуться в Большой Дом до тех пор, пока не найдут постоянную сиделку.

«Утром я поговорю с папой», – подумала Нуала, когда ее веки сомкнулись, и она погрузилась в сон.

* * *

– Что ты думаешь об этом, Ханна? – спросил Дэниэл на следующее утро, когда члены семьи расселись вокруг стола для завтрака. Хотя было лишь семь утра, коров уже подоили, а Фергус с пони и тележкой направился со сливками на маслобойню.

– Я скажу, что ей больше не нужно этого делать, папа. Для начала, здесь и так полно работы, и это без нашего участия в Куманн на-Маэн. Кто поможет маме с такой огромной готовкой и стиркой? Не говоря уже о работе на огороде и помощи в сборе урожая на полях. У меня есть своя работа... будет неправильно отправлять одну из нас на работу в Большом Доме.

– Я справлюсь; в конце концов, у меня есть Фергус и Кристи, – сказала Эйлин и похлопала по плечу Кристи, уплетавшего завтрак рядом с ней. Она посмотрела на мужа. – Решение за тобой, Дэниэл.

Ханна открыла было рот, но Дэниэл поднял руку, и наступила тишина.

– Многие волонтеры занимаются разведкой. И женщины – одни из лучших разведчиц, потому что британцы редко подозревают их.

– Ну да, – пробормотала Ханна.

– Если Нуале предложили временную работу в Большом Доме, значит, она сможет слушать кухонные сплетни насчет посетителей. У сэра Реджинальда среди военных много друзей, которые могут беседовать с ним о своих дальнейших планах, особенно после нескольких порций виски.

– Я вряд ли смогу подслушивать болтовню в нижней гостиной, папа, – вмешалась Нуала. – Это огромный дом.

– Нет, но уверен, что твой молодой джентльмен время от времени обсуждает происходящее со своим отцом. Нам будет полезно узнавать об этом.

– Филипп и сам не прочь пропустить глоток виски, – улыбнулась Нуала.

– Тогда наливай ему побольше и выясняй, что ему известно. – Дэниэл подмигнул ей. – Кроме того, как это будет выглядеть, если ты откажешься от своих обязанностей? Они считают, что работа для членов их семьи – это честь для тебя.

– Значит, ты хочешь, чтобы я продолжала?

– У тебя нет выбора, Нуала, – сказала Эйлин. – Когда зовут из Большого Дома...

– ...мы бежим на зов. – Ханна закатила глаза. – Когда придет великий день нашей победы, мы выдворим отсюда это семейство.

– Сын за нас или против нас? – спросил Кристи.

– Как ты можешь задавать такой вопрос? – воскликнула Ханна.

– Пусть ответит твоя сестра, – сказал Дэниэл.

– Я скажу, что Филипп в принципе против любой войны и просто хочет, чтобы все прекратилось, – сказала Нуала.

– Вот как, он уже Филипп? – Ханна прищурилась на сестру.

– Все его так называют, потому что обращение «сэр» напоминает ему о том времени, когда он служил капитаном в военных окопах, – парировала Нуала. – Я бы не стала об этом говорить, если бы не твой поганый язык.

– Нуала! – Эйлин хлопнула по столу. – Таким выражениям нет места под нашей крышей. А ты, дочь, – она повернулась к Ханне, – держи свои замечания при себе. А теперь нам лучше приступить к делу. Мы знаем, сколько человек соберется здесь сегодня? – обратилась она к Дэниэлу.

– Пятнадцать или двадцать, и я отправил весточку в Тимолиг, чтобы местные скауты вышли в патруль, пока все не соберется, – сказал Дэниэл. – Там будет немало из объявленных в розыск.

– Я собрала местных женщин из Куманн на-Маэн, чтобы помочь с готовкой, – добавила Ханна.

– Присмотри за тем, чтобы они спрятали свои велосипеды в амбаре за стогами сена, – напомнил Кристи.

– Само собой. – Ханна встала. – До встречи.

После ухода Ханны Нуала помогла матери вымыть посуду и оставила горшки отмокать в одной из бочек с водой.

– Я буду на дальнем поле, если понадобится, – сказал Дэниэл, направляясь к выходу.

– Папа? – Нуала поравнялась с ним. – Финн будет здесь сегодня вечером?

– Точно не знаю; после того как взяли Тома и Пата, все находятся в повышенной готовности, – ответил Дэниэл и вышел, махнув на прощанье мощной загорелой рукой.

* * *

Ханна была верна своему слову, и, когда они с Нуалой уезжали из дома, две женщины из Куманн на-Маэн уже находились на кухне и помогали матери с вечерней готовкой.

Сердце Нуалы гулко стучало в груди, когда она ехала в Аргидин-Хаус, – не только из-за возвращения туда, но и при мысли о мужчинах из Третьей бригады Западного Корка, включая ее возлюбленного Финна, тайно пробиравшихся на встречу в старом амбаре на Кросс-Фарм.

– Где бы ты ни был, милый, я молюсь о тебе, – прошептала она.

– Ну, здравствуй, Нуала, – сказала Люси, когда Нуала вошла на кухню. – Я слышала, ты произвела сильное впечатление на молодого хозяина.

– Правда?

– Да. Мисс Хоутон сообщила мне, что ты гораздо лучше нянчилась с ним, чем предыдущая сиделка.

Нуала нахмурилась:

– Я не нянчилась с ним. Большей частью он может обходиться самостоятельно. Я лишь ополоснула его перед сном, положила в постель и скормила таблетки.

– Ну, ты все сделала правильно. Миссис Хоутон сейчас нет дома, так что Морин отведет тебя к нему.

Вскоре появилась Морин и проводила Нуалу наверх, не сказав ни слова. Она остановилась перед дверью Филиппа.

– Я была бы рада, если бы вы ровно в четыре часа вспоминали о чае для молодого хозяина. Сэндвичи заветриваются, если долго оставлять их открытыми, а кроме того, у меня есть другие дела.

С этими словами она открыла дверь ипустила Нуалу в комнату.

Филипп сидел у окна в той же позе, в какой она впервые увидела его вчера. Остатки его обеда лежали на столике рядом с парчовым диваном.

– Я заберу это, если вы закончили, – сказала Морин.

– Благодарю вас.

Филипп не сказал ни слова, пока за ней не закрылась дверь.

– Настоящая зануда, правда? Мне сказали, что она потеряла своего мужа на Великой войне, поэтому я стараюсь быть снисходительным к ней, – добавил он. – Садитесь, Нуала. Надеюсь, у вас было приятное утро?

Нуала удержалась от улыбки, потому что с утра она не останавливалась ни на секунду, даже для того, чтобы поесть самой, когда подала завтрак для членов семьи.

– Нуала, у вас очень бледный вид. Может быть, я закажу чай? По моему опыту, сахар всегда оказывает бодрящее действие.

– Ох, Филипп, со мной все будет замечательно. И утро было очень приятным.

– Нет, я настаиваю, – сказал он и взялся за колокольчик, свисавший на шнурке возле его кресла. – Я за двадцать шагов вижу голод и усталость, и мы просто не сможем начать очередную шахматную партию, если вы не получите подкрепление.

– Правда, Филипп, я... – Нуала почувствовала, как краска приливает к ее щекам.

– Никаких проблем; нынче наша горничная не сбивается с ног. Никто из английских друзей отца – или ирландских, если уж на то пошло, – не расположен приезжать сюда из опасения быть взятым в заложники или получить по пути пулю от ИРА.

Замешательство Нуалы усилилось, когда Морин снова появилась в дверях.

– Вы позвонили, Филипп?

– Да. Мы с Нуалой собираемся устроить шахматную партию, и я не хочу, чтобы меня беспокоили. Поэтому прошу вас принести чай и сэнд вичи до того, как мы начнем игру. Нуала проголодалась.

– Да, хотя это может занять десять минут, так как я всегда подаю вам все самое свежее. – Морин бросила на Нуалу убийственный взгляд, перед тем как выйти из комнаты.

– Можно спросить, Нуала, ваша семья часто голодает?

– О нет, Филипп, вовсе нет. Нам повезло, что у нас есть овощные грядки и свиньи для бекона. И картошка обещает хорошо уродиться в этом году.

– В отличие от жуткого «картофельного голода» в прошлом веке. В то время мой отец был мальчиком, но он помнит, как его отец делал все возможное для поддержки местных земледельцев. На кухне готовили огромные кастрюли супа и все время пекли хлеб, но, разумеется, этого не хватало.

– Конечно.

– Многие из вашей семьи уехали в Америку? – поинтересовался он.

– Я знаю, что мои дед и бабушка потеряли много родни во время того голода и отправили своих братьев и сестер в Америку. Там у нас есть родственники, которые иногда присылают посылки на Рождество. А вы сами там были? Судя по всему, это отличное место.

– По правде говоря, да. Мы приплыли в Нью-Йорк на бедной обреченной «Лузитании»¹⁰, а потом отправились в Бостон навестить родственников моей матери. Нью-Йорк и впрямь славное зрелище; на Манхэттене надо задирать голову, чтобы увидеть верхние этажи.

– Думаете, любой человек может там сколотить себе состояние?

– Почему вы спрашиваете?

– Просто мы с моим женихом иногда говорили об этом.

– Сомневаюсь, что в Ирландии есть семья, где бы не говорили об этом, – сказал Филипп. – Разумеется, для некоторых это было успехом, но, наверное, это стоит поместить в контекст безрадостного выбора для ваших предков: голодать в Ирландии или испытать судьбу в Америке. Я хорошо помню, как мой отец указывал на место под названием Бруклин, которое, по его словам, было громадным ирландским поселением только из-за того, что многие мужчины, приезжавшие во время «картофельного голода», находили работу на строительстве Бруклинского моста. Мы проезжали эти места, и тамошние жилищные условия... скажем так, неблагоприятны для людей. Ветхие трущобы и грязные дети, играющие на улицах. Если ответить на ваш вопрос: да, есть немногие счастливчики, которые добились успеха, но если выбирать между нищетой в многоквартирном бруклинском доме или возможностью выращивать собственную еду и дышать свежим воздухом, то я выбираю Ирландию.

¹⁰ «Лузитания» – британский трансатлантический пассажирский турбоход, принадлежавший компании Cunard Line. Корабль был торпедирован германской субмариной U-20 7 мая 1915 года и затонул за 18 минут в 19 км от берегов Ирландии. Погибло 1198 человек из 1960 находившихся на борту.

– Финн, мой жених, работает учителем в школе Клогах и считает, что стоит попробовать. А я? Я твердо сказала ему, что не поднимусь на борт после того, что случилось с теми беднягами на «Титанике», а потом на «Лузитании».

– Я, безусловно, понимаю вас, Нуала, но вы должны помнить о том, что добрая старая «Лузитания» была торпедирована немцами. Клянусь, это было отличное судно, которое могло бы еще много лет безопасно переправлять людей через Атлантику.

– Когда отец узнал о крушении, он сел на лошадь и проскакал до побережья в Кинсейле, надеясь помочь кому-нибудь. Я никогда не забуду, как он вернулся и рассказывал о телах, плававших в воде. – Нуала передернула плечами. – Хотя он не меньше меня боится открытого моря, он сел в лодку и помогал доставлять тела на берег.

– В то время я воевал во Франции, но мой отец тоже был в Кинсейле и рассказывал то же самое. Что ж, если потопление этого судна к чему-то и привело, то оно, безусловно, втянуло американцев в войну. Ага, вот и наш чай. Давайте больше не будем говорить о темных временах, ладно? Морин, оставьте поднос на столе перед Нуалой; она сама нальет чай.

Горничная снова сделала книксен и кивнула, метнув очередной мрачный взгляд в сторону Нуалы, а потом вышла из комнаты.

– Она все время недовольна, – вздохнула Нуала. – Мне она сказала, что предпочитает приносить чай ровно в четыре часа.

– Боже мой, не беспокойтесь насчет нее. Это всего лишь горничная. Теперь давайте попьем чаю, насытимся сэндвичами и приступим к игре.

* * *

К облегчению Нуалы, в половине восьмого Филипп объявил, что он устал и готов лечь в постель. Она помогла ему искупаться, облачила в ночную рубашку, уложила в кровать, дала вечерние таблетки и смогла покинуть особняк в половине девятого.

– Это шахматы утомили меня, – с улыбкой сказал Филипп, когда Нуала собралась уходить. – Я слишком долго не разрабатывал мышцу, которая сидит у меня в голове. Мне пришлось попотеть, чтобы выиграть последнюю партию, моя юная леди. Вы учитесь на лету, и я не удивлюсь, если в скором времени вы одолеете меня.

По привычке останавливаться возле старого дуба – как будто ей требовалось несколько минут, чтобы превратиться из Нуалы – сиделки в Большом Доме в Нуалу Мэрфи, дочь пламенных республиканцев и участницу Куманн на-Маэн, – она села, прислонившись спиной к стволу, и обхватила руками колени.

Разумеется, она никому, *никому* не скажет, что на самом деле получила удовольствие от двух последних дней, проведенных в обществе Филиппа. Во время обеда он заявил, что не голоден; кроме того, при необходимости он всегда мог заказать новые сэндвичи, поэтому она ела, сколько хотела. Сегодня подали нечто, названное Филиппом тушенкой, и Нуала решила, что это одна из вкуснейших вещей, которые ей приходилось пробовать. Еще были свежеспеченные булочки, которые они ели вместе со сливками и джемом после окончания второй шахматной партии. Потом они сыграли еще две партии. Филипп по-прежнему без труда побеждал ее, несмотря на комплименты, но Нуала поняла, что при разумном расчете ей удастся затягивать игру. Жесткая сосредоточенность означала, что все остальные мысли – главным образом о плохом – улетучивались из головы, и сегодня она чувствовала себя спокойнее и расслабленнее, чем когда-либо после кровавого Пасхального восстания, которое произошло четыре года назад и стало водоразделом для нее. Это было началом согласованных усилий ирландской нации по освобождению от британского владычества, и Нуала поняла, что ее жизнь уже никогда не будет прежней.

– Старый дуб, мне нравится Филипп, – призналась она, глядя на переплетение мощных ветвей наверху. – Он добрый и обходительный. К тому же он много страдал и продолжает страдать, – вздохнула она.

«По крайней мере, сегодня он не плакал», – подумала она, когда вернулась к своему велосипеду.

– Это лишь доказывает, что жизнь несправедлива ко всем в равной мере, будь то богатые англичане или бедные ирландцы, – сказала она ветру, готовясь к долгому подъему по склону холма до Кросс-Фарм.

* * *

– Наконец-то ты вернулась, Нуала, – сказала Ханна, когда она вошла на кухню. – А то мы уже думали, что ты устроилась на ночлег в одной из их роскошных спален.

– Господи, сейчас всего лишь начало десятого. – Нуала обвела взглядом кухню и увидела огромные миски с овощами на столе, а Дженни и Лили, принадлежавшие к отделению Куманн на-Маэн в Клонакилти, нарезали ветчину и раскладывали ее по тарелкам.

– Сегодня ночью мужчины придут не для еды, – сказала Ханна, снимая жаркое с крюка над огнем. – Лишь час назад патруль эссекцев видели на дороге у фермы Шэннонов.

– Нам нужно разложить картошку с овощами и доставить еду гостям в амбар, прежде чем все остынет, – сказала мать. – Кстати, Нуала: *он* уже на месте, так что лучше расчеши свою дикую гриву, прежде чем подавать ему еду. – Эйлин похлопала дочь по руке и понизила голос. – Не обращай внимания на старшую сестру. Она упрямая как мул... или как ее отец.

Нуала быстро вышла из кухни и побежала наверх, чтобы воспользоваться единственным зеркалом в доме, висевшим в комнате родителей. Расчесав свои длинные, темные, вьющиеся волосы, которые уже давно нуждались в стрижке, она расправила хлопчатобумажное платье, которое ей пришлось выстирать вчера вечером и снова надеть сегодня. После проверки следов грязи на лице она бегом вернулась вниз; ее сердце гулко билось в предвкушении встречи с любимым человеком.

Уже стемнело, когда женщины вышли из дома с едой для мужчин, собравшихся в амбаре. Он был почти полностью огорожен, за исключением узкого бокового входа. Нуала знала, что на вершине холма находятся дозорные, наблюдающие за любыми подозрительными передвижениями внизу.

Эйлин возглавила процессию и особым образом постучала в дверь, подавая условный сигнал. Получив такой же ответ, она открыла дверь, и пять женщин вошли в амбар.

Внутри было почти совсем темно; лишь небольшой участок в дальнем конце освещался свечами. Нуала различала силуэты мужчин, сидевших со скрещенными ногами на полу или на снопах сена, разложенных полукругом вокруг одного снопа в центре. Когда женщины приблизились, мужчины, тихо беседовавшие друг с другом, подняли головы. Там были знакомые и незнакомые лица. Нуала обводила взглядом худых и изможденных мужчин, пока не остановилась на одном из них.

– Привет, – выдохнул он и слегка помахал ей кончиками пальцев. Нуала вместе с другими женщинами обошла полукруг, раздавая миски и получая тихие слова благодарности в ответ.

– Хорошо выглядишь, Нуала. – Финн улыбнулся, когда она подошла к нему. – Встретимся потом в обычном месте?

Она кивнула и вышла из амбара вместе с остальными женщинами.

– Разве тебе не хочется остаться с ними, услышать все новости и узнать планы? – обратилась Нуала к Ханне.

– Когда нас разошлют с поручениями или поручат сопровождать грузы с контрабандным оружием и боеприпасами, мы узнаем все новости, – ответила сестра.

Вернувшись на кухню, женщины расселись за поздним ужином.

– Есть новости о Томе и Пате? – поинтересовалась Нуала.

– Да, – сказала Дженни. – Я перехватила телеграмму, предназначенную для майора Персивала из Эссекского полка. наших парней перевели в госпиталь в Корк-Сити.

Поскольку Дженни работала в почтовом отделении в Бандоне, она была ценной разведчицей, и Нуала иногда завидовала ей.

– Это значит, они серьезно пострадали. Боже сохрани! – Эйлин перекрестилась.

– Будем благодарны за небольшие милости, сестры, – сказала Дженни. – По крайней мере, наши ребята не в тюрьме и их больше не пытаются. Наши медсестры в госпитале позаботятся о них.

– Я уже отправила сообщение для Флоренс, завтра она сядет на поезд до Корк-Сити, проверит их состояние и поручит одному из волонтеров доставить пакет с едой, – вставила Лили.

– Нуала, сходи во флигель и принеси кучу стиральной одежды, чтобы доставить ее в амбар после совещания, – распорядилась мать.

Нуала встала:

– Они останутся на ночь?

– Если останутся, мы приготовили для них соломенные тюфяки. По крайней мере, сегодня будет теплая ночь, а то у нас мало одеял.

Нуала пошла во флигель и начала собирать чистые подштанники, штаны и рубашки в две большие корзины. Когда она понесла одну корзину через двор к дому, то ненадолго остановилась и прислушалась. Из амбара не доносилось ни звука. Все было как обычно, не считая того, что внутри составлялись планы ведения партизанской войны.

– Ах, Филипп, что бы ты подумал обо мне, если бы знал об этом? – прошептала она.

* * *

Уже перевалило за одиннадцать вечера, когда Дэниэл, Фергус и Кристи вошли на кухню. Девушки из Куманн на-Маэн вымыли посуду и растворились в ночи, поэтому на кухне оставались только Ханна, Нуала и их мать.

– Я иду спать, жена, – объявил Дэниэл. Он повернулся к Нуале. – Кое-кто ждет тебя на улице. – Он указал на заднюю дверь. – Только не задерживайся. У меня есть глаза повсюду, а вы еще не поженились.

Сердце Нуалы встрепенулось в груди при мысли о том, что жених ждет ее снаружи. Ее, фермерскую дочь с неполным школьным образованием и еще не полученным дипломом медсестры, ждал уважаемый училец.

«Если бы я могла сказать ему, что умею играть в шахматы», – подумала она, когда шла к флигелю, где хранилось выстиранное белье. Но она понимала, что не может этого сказать.

В темноте она видела только тлеющий огонек его сигареты.

– Это ты? – прошептал Финн.

– Я. – Нуала улыбнулась.

Он затушил окурок и привлек ее к себе. Финн поцеловал ее, и, как всегда, у нее подкосились ноги, а в теле зажглось желание того, что могло произойти только после их бракосочетания. В конце концов он вывел ее со двора на луг, где они легли рядом, и она успокоилась в его объятиях.

– Что, если кто-то увидит нас здесь? – прошептала она.

– Нуала, здесь темно-темно, но я больше боюсь, что в таком положении нас застанет твой отец, а не целый патруль «черно-коричневых», – хохотнул он.

– Тут нечего беспокоиться, Финн: я почуяла виски в его дыхании, пока была на кухне. Он не проснется до рассвета, до той минуты, когда коровы начнут мычать, чтобы их подоили.

– Тогда, наверное, я смогу осуществить свои коварные планы насчет тебя, – прошептал он и взгромоздил ее на себя.

– Финнбар Кейси! Даже не думай об этом! Я собираюсь войти в церковь такой же чистой, как в день моего рождения. Кроме того, что подумают твои ученики, если узнают, что мистер Кейси повалился в траве со своей девушкой?

– Уверен, что они наградят меня аплодисментами, особенно мальчишки.

Когда зрение Нуалы приспособилось к полумраку и луна вышла из-за облаков, она смогла различить черты его лица. Она провела кончиками пальцев по его щекам.

– Люблю тебя, милый. Не могу дождаться, когда стану твоей женой.

Они долго целовались, потом Нуала слезла с него и пристроила голову под его согнутой рукой, глядя на звезды.

– Какая прекрасная ночь, – сказала Нуала. – Тихая и спокойная.

– Да, – прошептал он. – Кстати, я слышал, что ты ухаживаешь за сыном Фицджеральда в Большом Доме?

– Кто тебе сказал?

– Вчера вечером я получил донесение от одной девушки из Куманн на-Маэн.

Нуала резко выпрямилась:

– Не может быть!

– Ладно, я просто хотел подразнить тебя. Твой отец упомянул об этом и сказал, что это хорошая идея.

– А ты, Финн? Что ты думаешь?

– Хотя я предпочел бы стоять по пояс в коровьем дерьме, чем знать о том, что моя девушка ухаживает за врагом, твой отец прав. Пока я работаю школьным учителем, а ты работаешь у Фицджеральдов, нас никто не подозревает. Пока... «Черно-коричневые» все чаще устраивают рейды на местные фермы. Я слышал о троих, чьи фермы обыскали вчера вечером и запугали жильцов до полусмерти. Дом Бакли сожгли до основания. Это было возмездием за убийство того ублюдка, Малхерна.

– Как думаешь, это Том Хэйлс приказал застрелить его?

– Я бы сказал, что он точно приложил руку к этому. Он командир бригады... или был командиром. – Финн вздохнул.

– Что будет теперь?

– До освобождения Тома Чарли возьмет командование на себя. Но нельзя предугадать, в каком состоянии окажется бедняга, когда его освободят. Члены его семьи просто вне себя, особенно его брат Шон.

– Я никогда не позволю тебе попасть в руки этих британских паршивцев, – яростно прошептала она.

– Со мной все будет в ажуре, – хохотнул он. – Хотя мне хотелось бы увидеть, как ты валишь целый Эссекский полк своим визгом, словно *баньши*.

– Я хочу сберечь тебя, Финн. О чем еще говорили на встрече?

– Военные дела, милая. Чем меньше знаешь, тем лучше; если тебя допросят, ты мало что сможешь сказать. Могу лишь добавить, что Том Барри был здесь сегодня вечером. Ты помнишь его?

– Думаю, да. Разве он не сражался вместе с британцами в Великой войне?

– Да, но он один из самых преданных добровольцев, которых я знаю. Мы обсуждали методы военной подготовки, – продолжал Финн. – Поскольку Том Барри служил в армии, он знает толк в этом. Остальные – новички в военных играх, но тем не менее мы находимся на войне. У нас нет шансов без надлежащей организации.

– Я знаю, Финн. Я все время думаю, как могут ирландские фермеры, которые до сих пор держали в руках лишь вилы да лопаты, справиться с вооруженной мощью Британии.

Нуала вздохнула.

– «Черно-коричневые» – самые жестокие из них, Нуала. Их набирали из британских солдат, выживших во французских траншеях. Они разгневаны и склонны к кровопролитию, что делает их настоящими дикарями. Я бы сказал, что они потеряли свои моральные принципы на полях сражений и теперь хотят расквитаться за это.

– Пожалуйста, Финн, не пугай меня. – Нуала передернула плечами. – И ты примешь участие в этой военной подготовке?

– Разумеется. Это может означать разницу между победой и поражением. А мы просто не можем проиграть. Снова. – Он скрипнул зубами. – У нас наконец появилось собственное правительство в Дублине. Мы проголосовали за него, что дает нам мандат на образование независимой республики. Ирландцы имеют право управлять своей страной. И не слушай никого в Большом Доме, если они говорят тебе другое.

– Конечно. Но я не думаю, что Филипп скажет такое. Я говорила ему о тебе.

– Обо мне? – Финн повернул голову и уставился на нее. – Кто такой Филипп?

– Человек, за которым я ухаживаю; сын сэра Реджинальда.

– Не распускай язык, Нуала. Мало ли что ты можешь разболтать. А теперь давай поговорим о других вещах, например, о нашей свадьбе. Твой отец сказал, что ее нужно провести в церкви Тимолига, чтобы там поместились все друзья и члены семьи.

Потом они тихо обсудили список гостей и перешли к маленькому коттеджу рядом со школой в Клогахе, где работал Финн.

– Мы заново украсим его, да? – сказала Нуала. – Ханна может достать дешевые материалы, а я сошью красивые занавески.

– Конечно, с тобой наш дом будет похож на картинку. – Финн привлек ее к себе и крепко обнял. – Мы будем счастливы там, Нуала. Я знаю, так и будет.

13

Новый рабочий график Нуалы установился через две недели: она вставала на рассвете и оказывала всю возможную помощь на ферме, а после обеда ехала в Большой Дом на велосипеде. Последовали новые подначки от Ханны, особенно насчет «легкой жизни с дворянчиками».

– Пока мы разъезжаем по всей стране с тайными депешами, развозим патроны в поясах под плащами и обстирываем наших парней, ты играешь в шахматы и кушаешь сэндвичи с огурцами!

Нуала горько сожалела о своем первом рассказе насчет времени, проведенного с Филиппом. Хотя она старалась изобразить это как утомительное и скучное занятие, мать слушала ее с интересом, а Ханна прицепилась к сэндвичам и к шахматам.

– Пусть папа оправдывает твою работу шпионажем, я не понимаю, что ты можешь раз узнать в спальне у инвалида! – фыркала она.

Нуале уже хотелось заполучить хоть какие-то сведения, которые она могла бы сообщить в оправдание своей службы в Большом Доме, хотя родители говорили, что в этом нет надобности, а шиллинги из ее жалованья помогали снабжать Третью бригаду Корка едой и новой одеждой. По сути дела, Ханна была права: хотя Нуала видела и докладывала о многочисленных черных автомобилях, прибывавших в усадьбу под конвоем эссекских патрулей, она не могла опознать людей внутри. Она видела только их котелки или фуражки.

– Высматривай майора Персиваля, – сказал отец. – Это трофей, который мы хотим добыть. Он возглавляет разведку Эссекского полка и отвечает за множество пыток, которым

подвергались наши парни. У него есть привычка кататься по утрам в автомобиле с открытым верхом и стрелять из пистолета в фермеров на полях просто ради забавы. Мы знаем, что это он отвечал за операцию по захвату Тома и Пата.

Через сеть женщин-волонтеров подробности о пытках просочились в Западный Корк. Чарли Харли, назначенный командиром бригады после пленения Тома, пришел на кухню Кросс-Фарм, чтобы рассказать подробности мужчинам семьи.

Изгнанные из комнаты, Эйлин, Ханна и Нуала сменяли друг друга на лестнице, пока Чарли описывал жуткие побои, которые пришлось вытерпеть Тому и Пату. Женщины плакали, когда Чарли рассказал о том, что Тому один за другим выдрали ногти на руках и выбили зубы, а Пата так сильно избили ружейными прикладами по голове, что он фактически потерял рассудок. Пат по-прежнему находился в госпитале, а Тома приговорили к двум годам тюрьмы и отправили в Пентонвилльскую тюрьму в Лондоне.

Той ночью Финн тоже находился в доме под предлогом обсуждения свадебных планов, но эта их встреча была безрадостной, и Финн прижимал Нуалу к себе, пока она плакала.

– Я знаю, за что мы сражаемся, Финн, и никто больше меня не верит в наше дело, но... иногда мне хочется, чтобы я вернулась в прошлое и чтобы все было как прежде.

– Понимаю, милая, но разве это не укрепляет нашу решимость никогда не сдаваться? Мы находимся на поле боя и не можем опустить руки. Это битва не на жизнь, а на смерть.

– Пожалуйста, не говори так! – взмолилась Нуала. – Мы поженимся в конце следующей недели, и я не хочу преждевременно овдоветь.

– Не волнуйся за меня; у меня хватит сил, чтобы управиться с пятью противниками. Они прячутся за своим оружием, но мы с Чарли обучены маневренным действиям в долине. В этом наша сила.

Финн положил ее ладонь себе на бедро, которое было твердым, как железо, но Нуала быстро высвободила руку.

– Ничего такого до нашей свадебной ночи, ты помнишь? – Нуала слабо улыбнулась и вытерла слезы с глаз.

* * *

Нуала ехала по дороге к Аргидин-Хаусу и молилась о том, чтобы однажды увидеть майора Персиваля или опознать любого из британских военных, посещавших особняк. Но прошло уже три недели с тех пор, как она появилась здесь, а ей не довелось видеть ни одной живой души, кроме Люси, Морин, миссис Хоутон и Филиппа.

Прислонив велосипед к стене, она вошла в тихую кухню, испытывая все большее сочувствие к бедному Филиппу. Нуала хорошо помнила несчастный случай, когда нога Кристи попала в молотилку; выздоровление заняло несколько месяцев.

«Он мог бы стать душой этого дома и привлекать всеобщее внимание, а не торчать наверху с незнакомкой вроде меня», – думала Нуала, когда шла через кухню и поднималась по лестнице к спальне Филиппа. Неделю назад ей разрешили делать это самостоятельно, без сопровождения Морин и миссис Хоутон.

– Это значит, что тебе доверяют, – с улыбкой сказала мать. – Молодец, Нуала.

Нуале уже давно хотелось задержаться на величественной лестнице, рассмотреть виды из больших окон сзади и спереди и полюбоваться хрустальным канделябром, где раньше стояли свечи, но теперь, по словам Филиппа, его переоборудовали под электричество. Ей не терпелось дождаться зимы, когда свет будет постоянно включен.

По правде говоря, несмотря на ощущение вины от этой «легкой жизни», Нуала радовалась ей. Притом что свадьба должна была состояться уже скоро и приготовления шли полным ходом, ее времяпрепровождение в Большом Доме было приятной переменой обстановки.

– Это Нуала, Филипп. Можно войти? – позвала она, когда постучалась в дверь. Женский голос изнутри ответил утвердительно. Когда Нуала открыла дверь, то увидела леди Фицджеральд. Она иногда встречала ее в магазине женской одежды в Тимолиге, куда леди Фицджеральд приезжала для приобретения материала или для подгонки платья. Даже Ханна говорила, что «она не слишком задается» и разговаривает с работниками магазина как с людьми, а не как с животными.

– Доброе утро, Нуала. Пожалуйста, заходите и садитесь. – Она говорила низким, доброжелательным голосом, и эту доброжелательность не скрывал даже резковатый английский акцент.

– Доброе утро, леди Фицджеральд. – Нуала сделала реверанс и последовала ее указанию. Она смотрела на светловолосую, голубоглазую женщину, которая оставалась необыкновенно красивой для своих лет. По сравнению с ее собственной матерью – а они были приблизительно одного возраста – леди Фицджеральд выглядела на двадцать лет моложе. Она носила сережки с маленькими жемчужными подвесками, а ее платье было изготовлено из мягкого голубого шелка под цвет глаз. Нуала могла лишь представить, что она надевает по особым случаям, если так она одевалась в обычный августовский день.

– Филипп поведал мне, как он рад, что вы заботитесь о нем в течение последнего месяца.

– В самом деле, – сказал Филипп. – Я рассказал маме, какие успехи вы делаете в шахматах. Скоро она одолеет меня, чистая правда.

Леди Фицджеральд улыбнулась:

– Очевидно, вы с Филиппом прекрасно поладили, но он говорит, что вы заботитесь и о его медицинских надобностях. Как вам известно, мы искали дипломированную сиделку с медицинским образованием...

– Мама, мы уже много раз обсуждали этот вопрос, – вмешался Филипп. – Мне больше не нужна медсестра. Мои раны зажили, здоровье в целом стабильное. Все, что мне *нужно*, – это чтобы кто-то отвозил меня в уборную, помогал мыться, укладывал в постель и давал лекарство на ночь.

– Да, дорогой, но, как ты помнишь, врачи говорили о риске припадков из-за ранения в голову...

– У меня не было ни одного припадка с тех пор, как больше двух лет назад случился этот проклятый кошмар. Больше всего мне нужна хорошая компания.

– Я знаю, Филипп. – Леди Фицджеральд снова повернулась к Нуале. – Как видите, мой сын может быть весьма убедительным, когда он чего-то хочет. И он убедил меня, что нужно предложить вам постоянную должность в качестве его сиделки. Что вы об этом думаете, Нуала?

– Я...

– Соглашайтесь, Нуала, – попросил Филипп. – То есть мы не можем допустить, чтобы вы ушли, пока вы не обыграете меня в шахматы, правда?

Он одарил ее одной из тех кривых улыбок, которые всегда размягчали ее сердце.

– Я польщена, что вы предлагаете мне такую должность, несмотря на неполное медицинское образование. Мне нужно спросить родителей, могут ли они освободить меня от работы на ферме. Именно из-за этого я вернулась домой из Корка и не закончила подготовку.

Нуала осознала, что с каждым днем она становится все более искусной лгуньей.

– Разумеется, вы можете посоветоваться с ними. – Леди Фицджеральд послала ей очередную нежную улыбку, напоминавшую Нуале о ее сыне. Несмотря на уродство, сходство между матерью и сыном было несомненным.

– Полагаю, вам понадобятся рекомендации? – спросила Нуала.

– Мама уже получила их, верно?

– Действительно. Ваша рекомендация из Северной лечебницы в Корке была блестящей, хотя они упомянули, что хотели бы вашего скорейшего возвращения туда. Вы собирались вернуться, Нуала?

– Нет, ваша милость; после моего отъезда обстоятельства изменились. В этом месяце я собираюсь выйти замуж за школьного учителя в Клогaxe, поэтому сомневаюсь, что смогу расстаться со своим мужем.

– Разве не замечательная новость, Филипп? – Улыбка леди Фицджеральд стала еще шире. – Нуала выходит замуж!

Филипп явно не был в восторге от этой новости, но постарался не хмуриться.

– Тогда, наверное, вам следует спросить мнение жениха по этому поводу. Скоро он будет отвечать за ваше благополучие.

– Я обязательно это сделаю, и завтра у меня будет ответ, – пообещала Нуала.

– Отлично, – сказала леди Фицджеральд. – Кстати, ваша сестра работает в магазине одежды в Тимолиге?

– Да, конечно.

– Пусть она снимет с вас мерки. Вам понадобится униформа, если вы будете постоянно работать у нас.

– Пожалуйста, мама! Я не рискую вмешиваться в женские дела насчет одежды, но можно попросить, чтобы Нуала носила что-нибудь обычное, например, блузку и однотонную юбку? Мне уже тошно от мысли, что я как будто нахожусь в госпитале и окружен медсестрами.

– Хорошо, дорогой, но я должна обеспечить фартуки для тех случаев, когда Нуала будет купать тебя. А теперь мне пора идти. Сегодня к нам на чаепитие приедет генерал Стрикленд со своей женой Барбарой, и это значит, что мне придется развлекать ее, пока генерал с твоим отцом будут обсуждать дела. Кстати... – Леди Фицджеральд помедлила у двери и обернулась. – Вы будете получать восемь шиллингов в неделю, выходной – воскресенье, и ежегодный двухнедельный отпуск. Разумеется, оплачиваемый, – добавила она. – И еще одно, пока я здесь: поощряйте Филиппа бывать на улице, особенно сейчас, когда погода так благоприятна. Свежий воздух будет тебе полезен, Филипп. После всех трудностей, на которые мы пошли ради установки лифта, очень жаль, что ты никогда не пользуешься им. Вечером я поднимусь сюда, чтобы поцеловать тебя на ночь, дорогой. До свидания, Нуала; приятно было познакомиться с вами.

Когда она ушла, Филипп посмотрел на Нуалу.

– Очень надеюсь, что вы согласитесь на эту работу. Я отчаянно боролся за то, чтобы моя мать предложила ее вам.

– Правда, Филипп, я бы с удовольствием, но сначала мне нужно спросить разрешения.

– Конечно, конечно. – Он закивал, глядя на нее. – Вы когда-либо уставали от власти, которую мужчины имеют над вашей жизнью? Это может вас удивить, но я посвятил много времени движению суфражисток. Разумеется, отец их терпеть не может, и здешняя организация Куманн на-Баэн даже мне кажется чересчур радикальной...

Нуала подавила желание поправить его произношение гэльских слов, поскольку он сказал «Баэн» вместо «Маэн», но меньше всего она хотела, чтобы он узнал о ее активном членстве в «радикальной» организации.

– Когда я наблюдал за работой женщин на линии фронта, у меня сложилось впечатление, что прекрасный пол не только равен мужчинам, но и во многих отношениях превосходит их.

– По правде говоря, я мало думала об этом. В моей семье все с равным усердием трудятся на ферме, хотя и выполняют разную работу.

– Но разве мужчина должен спрашивать у своего отца разрешение заняться работой, которую ему предлагают? – поинтересовался он.

– Ну, мой кузен Кристи, который работает в пабе в Клогах, спрашивал у моего отца, стоит ли ему устраиваться на эту работу.

– Отцовское слово – закон, да?

– Разве для вас не то же самое? – смело спросила она.

– И то правда. Без отцовского согласия не происходит ничего важного. Так или иначе, я очень надеюсь, что ваш отец разрешит вам и дальше работать здесь.

– Я тоже, Филипп. – Она улыбнулась. – Даже больше, чем вы думаете. Кстати, что я недавно услышала насчет лифта? И почему вы раньше не упоминали о нем?

– Потому что мы посвящали время тому, чтобы сделать вас более достойной соперницей в шахматах, – с некоторой обидой ответил Филипп.

– Но нужно иногда выходить на прогулки, Филипп. Тогда ваши щеки станут более румяными.

– Щека, которая висит у меня под носом и так густо покрыта шрамами, словно кто-то разрисовал ее красными чернилами? Нет уж, спасибо; я предпочитаю оставаться здесь.

Нуала увидела боль в его глазах и поняла настоящую причину.

– Вы смущаетесь, да? Вы не хотите, чтобы кто-то видел вас.

Наступила пауза. Филипп отвернулся от нее; обычно это значило, что он близок к слезам.

– Разумеется, – тихо ответил он. – А вы бы не смущались на моем месте? Как бы вы себя чувствовали, если бы все с ужасом отворачивались от вас после первого взгляда? Я видел ужас в ваших глазах, Нуала, когда вы впервые увидели меня.

– Не буду врать, так оно и было. Но я преодолела это и увидела вас таким, какой вы на самом деле.

– Потому что это *вы*. Я помню, как садовники и горничные вопили от страха при виде меня, уже не говоря о гостях, которые приезжают к родителям. Я просто... не могу, понимаете?

– Понимаю, Филипп. Ну что, сыграем партию в шахматы?

* * *

Когда Нуала ехала домой на велосипеде, у нее созрел возможный план. Но сначала ей нужно было узнать у своих родителей и жениха, позволено ли ей будет продолжать работать в Большом Доме.

– Пожалуйста, Богоматерь, пусть они разрешат!

Во время поездки она позволила себе помечтать о жизни, где больше не было работы на ферме и не нужно было возиться с курами, свиньями и даже коровами, если у отца не хватало на это времени из-за других дел. Только маленький дом, жизнь вместе с Финном, их совместные прогулки, а потом вечера в обществе Филиппа...

– Это было бы идеально, – пробормотала она, подъезжая к Кросс-Фарм.

– Где Ханна, Кристи и Фергус? – обратилась она к матери, которая сидела на своем любимом стуле у очага и вязала носки для волонтеров. Отец сидел напротив нее с трубкой во рту и читал книгу, написанную по-гэльски.

– Кристи в пабе, Фергус отправился в дозор на вершину холма на случай полицейского рейда, а Ханна легла спать пораньше, – ответил Дэниэл. – Завтра она должна отправиться в Корк первым утренним поездом и забрать депешу из Дублина. А у тебя есть новости?

Он отложил книгу и посмотрел на дочь.

– Да. Я... в общем, мне предложили остаться на постоянной должности сиделки Филиппа в Большом Доме. – Она заметила, как переглянулись ее родители. – Я хотела спросить, как вы к этому относитесь. Да, и еще, – добавила Нуала в надежде, что это поможет склонить чашу весов в ее сторону, – некий генерал Стрикленд сегодня посетил сэра Реджинальда.

– Иисус, Мария и Иосиф! – воскликнул Дэниэл. – Этот паршивец руководит всеми полицейскими и военными операциями в Корке. Он был там сегодня?

– Да, – кивнула Нуала.

– Тебе известно зачем?

– Не знаю, папа, но сегодня я встретила с леди Фицджеральд. Она лично предложила мне постоянную работу в доме. И это она сказала о визите генерала.

– Наша девочка внедрилась в сердце этой семьи, Эйлин. – Дэниэл расплылся в улыбке.

– И у меня есть идея о том, как можно увидеть побольше.

Нуала изложила свой план по убеждению Филиппа спускаться вниз для совместных прогулок в саду. Последовала пауза, потом родители снова переглянулись.

– Конечно, Нуала, пока тебе лучше держаться за эту работу, – сказал Дэниэл. – Но через неделю окончательное решение будет уже не за нами. Тебе придется завтра посетить твоего жениха и спросить у него.

– Думаю, он вряд ли останется доволен, если его молодая жена будет приходить домой не раньше девяти вечера. Кто подаст ему чай, когда он вернется домой из школы?

Нуала была готова к такому замечанию со стороны матери.

– Финн редко возвращается домой раньше шести вечера. Я буду оставлять ему готовый чай и еду. Ему нужно будет лишь снять крышку и поесть.

– Сомневаюсь, что ему понравятся холодные овощи, тушенные несколько часов назад, – сказал Дэниэл. – Но это решать ему, а не нам. Место жены – рядом с мужем, и я уверен, что он не захочет, чтобы ты возвращалась домой в темноте под дождем, когда наступит осень и дни станут короче.

Нуала вспомнила о недавнем разговоре с Филиппом про суфражисток.

– Я буду хорошо зарабатывать, и это поможет нам, – решительно сказала она. – Финн получает немного, и у нас пока нет земли, чтобы кормиться от нее. Так или иначе, если он согласится, вы считаете мое предложение хорошей идеей?

– Я уже сказал, что думаю по этому поводу, но решать не мне, – повторил Дэниэл. – А теперь я иду спать. Лампу оставляю у окна. У нас в амбаре новые телята, которых нужно будет забрать на рассвете. Спокойной ночи, дочка.

– Спокойной ночи, – отозвалась Нуала, когда ее родители начали подниматься по лестнице к своей кровати, которая иногда странно поскрипывала еще некоторое время после того, как они закрывали дверь спальни. Нуала понимала, что это за звук; они с Финном после свадьбы тоже будут издавать похожие звуки... Она покраснела при мысли об этом.

Потом задула свечи, оставила масляную лампу на подоконнике и поднялась наверх.

«Мне осталось лишь неделю спать вместе с сестрой», – думала она, пока раздевалась и забиралась в кровать рядом с Ханной. Они по очереди ложились на комковатую часть обтянутого тканью соломенного тюфяка, потому что это было худшее место для сна, но, поскольку Ханне завтра с самого рассвета предстояло отправиться в Корт-Сити, было справедливо, что она спала на хорошей стороне. Нуала закрыла глаза и постаралась не думать о «новых телятах» в амбаре. Это было кодовое слово для винтовок, проходивших через множество рук до прибытия в Западный Корт и теперь лежавших в лесном тайнике за фермерским домом. Если британцы найдут винтовки до того, как ирландцы заберут оружие, то мужчин из семьи увезут в Брандонские бараки, где им предстоит такая же участь, как Тому и Пату. Утешившись мыслью о том, что Фергус несет дозор наверху, Нуала постаралась заснуть. В конце концов, «телята» уже много раз оказывались здесь...

* * *

– Я слышала, ты теперь собираешься постоянно работать в Большом Доме? – осведомилась Ханна на следующий день после возвращения из Корк-Сити. Нуала чистила свинарник и меняла солому; обе ненавидели эту работу. – Интересно, что подумает Финн по этому поводу?

– Я спрошу его, верно? – парировала Нуала. – А потом скажу тебе.

– Везет же некоторым: найти себе хорошего мужа с достойной работой и при этом сохранить работу в Большом Доме. И жить в уютном новеньком домике в Клогах. Скоро мы будем называть тебя «леди Нуала». Как насчет твоей волонтерской работы?

– После возвращения домой я буду рассказывать об услышанном. А по воскресеньям у меня выходной. Вот и все. – Нуала бросила последнюю порцию свежей соломы и пошла к бочке с водой отмывать руки от свиной вони. Лучше она пропустит обед и искупается в ручье по пути в Большой Дом, чем распространять ароматы свинарника.

– Извини, Нуала, – вздохнула Ханна. – Я превращаюсь в брюзгливую старую деву. Я совсем выдохлась. Мне пришлось сделать большой крюк от станции, потому что я заметила грузовик, набитый «черно-коричневыми».

– Куда они направлялись? – вскинулась Нуала, как будто они уже подходили к кухне.

– Они остановились на перекрестке в Клогах и, похоже, не знали, куда повернуть. Они заблудились, потому что волонтеры убрали дорожные указатели, – со смешком добавила Ханна.

– Не беспокойся, перед уходом я приготовлю обед.

– Спасибо. – Ханна слабо улыбнулась и поспешила наверх.

– С телятами все прошло благополучно, папа? – спросила Нуала, когда появился Дэниэл.

– Да, все в порядке. Ну, где же мой обед?

* * *

Не имея времени встретиться с Финном, Нуала объяснила Филиппу, что он получит ответ в понедельник, потому что завтра воскресенье – ее выходной.

– Но даже если он согласится, Филипп, мне придется взять отгул для свадьбы в следующую пятницу...

– Я уже подумал об этом, – перебил Филипп. – Хорошо, тогда дайте мне окончательный ответ в понедельник и пожалейте меня, потому что завтра моей сиделкой будет Морин.

После краткой беседы они разыграли первую шахматную партию, которая затянулась до самого чаепития. Пока Нуала пила чай, она решила привести в действие первую часть своего плана.

– Я тут подумала...

– О чем?

– Что, если я сообщу миссис Хоутон, что вы хотели бы спускаться в сад, но так, чтобы слуги вокруг дома не могли побеспокоить вас? Мы будем звонком оповещать ее о нашем выходе, а потом я буду вывозить вас из парадного и доставлять туда, где нет никаких садовников. Уверена, что в таком огромном парке найдется тихий уголок, где вы сможете посидеть в покое. Следующие несколько дней обещают ясную и теплую погоду.

– Не знаю, Нуала, – вздохнул Филипп. – Как и вы, я подумаю об этом завтра и отвечу вам в понедельник.

– Разумеется, решение за вами, но, ради всего святого, вы же не можете оставаться здесь до конца жизни, – сказала она, стараясь сохранять спокойный тон. – Все вокруг в цвету, воздух

благоухает клевером, и... просто я думаю, что это пойдет вам на пользу. Мы могли бы надевать вам фетровую шляпу с широкими полями, чтобы спрятать лицо...

– Вы сговорились с моей матерью, Нуала? – перебил Филипп. – Боюсь, у вас появились точно такие же интонации, как и у нее.

– Нет, но, может быть, нам приходят одинаковые мысли, потому что мы обе желаем лучшего для вас.

– Мне лучше всего уснуть и больше не просыпаться! Не знаю, что хуже, – продолжал он, – кошмары с воем снарядов и разрывами бомб или этот ад наяву.

– Пожалуйста, Филипп, не надо так говорить! Вы ужасно пострадали, и ваши чувства понятны, но вы до сих пор находитесь на божьем свете, а значит, вам суждено было выжить.

– Какая от меня польза и кому я нужен в таком состоянии?

– Для начала, вы научили меня играть в шахматы, – пошутила Нуала. – И, возможно, когда вы соберетесь с духом, чтобы спуститься вниз, у вас появятся новые собеседники, вроде того человека, который вчера посетил ваших родителей.

– Генерал Стрикленд? Ей-богу, Нуала, я так не думаю. Последнее, что мне хочется слышать, это бесконечные рассказы отца о бурской войне и жалобы Стрикленда на местные беспорядки. Отец сказал, что они собираются рекрутировать новую дивизию вспомогательных войск, чтобы «сокрушить ирландцев». – Он быстро посмотрел на нее. – Извините, я не хотел вас обидеть.

– Никаких обид. – Наоборот, Нуала была довольна, поскольку теперь у нее появилась новая информация для повстанцев.

– Молюсь о том, чтобы вы и члены вашей семьи оставались в стороне от этого, – добавил он. – Я беспокоюсь о вашей безопасности, поскольку отец сообщил, что эти новые войска будут хорошо подготовленными и не остановятся ни перед чем ради подавления бунта.

– Хорошо, Филипп, я обещаю, – ответила Нуала с самым невинным выражением лица.

* * *

Когда Нуала вернулась домой, она была тронута тем, что Финн, который по субботам всегда заходил на Кросс-Фарм для чаепития, дождался ее, чтобы они смогли поужинать вместе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.